

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 16

№ 2 · 2015

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

2-2015

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации №Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19.02.2010 г. №6/6 журнал «Человек. Сообщество. Управление», издающийся на факультете управления и психологии КубГУ, включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (*зам. гл. редактора*); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф.; **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доц.; **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф.; **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доц.; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц. (*зам. гл. редактора*); **Курбатова Г.С.**, отв. секретарь; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доц.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф.; **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук (*тех. директор*); **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. (*зам. гл. редактора*).

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); **Дмитриев А.В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., зам. гл. редактора (КубГУ, Россия); **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); **Журавлев А.Л.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); **Швецов А.Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); **Янушкявичене О.А.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 31.06.2015. Уч.-изд. л. 11,85. Усл. печ. л. 12,33. Тираж 1000 экз. Заказ №

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Шахова Е.М.* Образ себя как успешной личности в воспоминаниях
юношей и девушек 6

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Бедерханова В.П., Гильмидинова Т.В.* Процессуальная модель
педагогического сопровождения инновационной деятельности
педагогов в учреждениях дополнительного образования детей
и экспериментальное исследование её эффективности 17

ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

- Романова А.П., Бичарова М.М.* Проблема культурной безопасности
в научном дискурсе. 36

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ

- Харитоновна Е.М.* Политика Великобритании по регулированию
и предотвращению межэтнических конфликтов в третьих странах:
инструменты и механизмы. 56

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Блинова Е. А.* Управляемость и конкурентоспособность государства
в современной Бразилии 70
- Блохин В.Н.* Возможности управления социально-экономической
динамикой сельских территорий российско-белорусского приграничья ... 86

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Каракешишян М.* Социологический анализ внешних трудовых
миграционных потоков из г. Ванадзора 100
- Бардин А.А., Довбыш Е.Г.* Местный уровень интеграции мигрантов в ЕС
(на примере Бельгии и ФРГ)..... 112

РЕЦЕНЗИИ

- Дёмина И.В., Дёмин А.Н.* Социальные и психологические следствия
нестабильной занятости 129

НАШИ АВТОРЫ 136**К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ 140****ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 146**

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

2-2015

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

By decision of the Ministry for Higher Education Higher Attestation Committee Presidium of February 19, 2010 года № 6/6 Human. Community Management Journal published at the Department for Management and Psychology of Kuban State University is included in the list of leading peer-reviewed journals and editions, in which main scientific results of dissertations on completion for Doctor's and Candidate's degrees should be published.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room к. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru.
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Board:

Prof. **Tatyana T. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Aleksandr G. Ivanov**, Dr. Sci. (History); Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. **Vladimir V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. **Aleksandr. N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), *Deputy editor-in-chief*; **Galina S. Kourbatova**, *Executive Editor*; Assist. Prof. **Andrey A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology); Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Andrey A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), *Technical Director*; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Viktor M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), *Deputy Editor-in-chief*

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Great Britain; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. **Jürgen Keßler**, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. **Nina V. Kuz'mina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. **Aleksandr N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. **Olga Januškevičienė**, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Shahova E.M.* Self-image as a successful person in young men and women's recollections 6

PROBLEMS OF EDUCATION

- Bederkhanova V. P., Gilmidinova T. V.* Processual model of the pedagogical support for the teachers' innovation activity in the institutions of the supplementary children's education and experimental study of its efficiency 17

SECURITY PROBLEMS

- Romanova A.P., Bicharova M.M.* The problem of cultural security in scientific discourse 36

POLITICAL CONFLICTOLOGY

- Kharitonova E. M.* The UK policy on regulation and prevention of inter-ethnic conflicts in other countries: tools and mechanisms 56

POLITICAL MANAGEMENT

- Blinova E.A.* Governability and competitiveness of the state in modern Brazil . . . 70
- Blokhin V.N.* Possibilities of the socio-economic dynamics management of the russian-belarusian borderland rural areas 86

SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

- Gharakeshishyan M.* The sociological analysis of the external labor migration flows of Vanadzor 100
- Bardin A.L., Dovbysh E.G.* Integration of migrants at local level in the EU (exploring cases from Belgium and Germany) 112

REVIEWS

- Diomina I.V., Diomin A.N.* Social and psychological consequences of precarious employment 129

OUR AUTHORS138

INFORMATION FOR THE AUTHORS145

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS.....147

ОБРАЗ СЕБЯ КАК УСПЕШНОЙ ЛИЧНОСТИ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

.....

Шахова Е.М.

Шахова Елизавета Михайловна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: elisavetadiser@yandex.ru.

В статье представлены результаты эмпирического исследования воспоминаний юношей и девушек о ситуациях успеха. Дается определение успешности человека, успешность рассматривается через субъективную оценку достижений в различных сферах жизнедеятельности. Результаты интерпретируются по определенным критериям, отражающим особенности конструирования автобиографических воспоминаний: образ другого человека, представленного в тексте, и его роль в достижении успеха; активность респондента в описываемых ситуациях; описание событий в различных временных формах; сферы жизнедеятельности, в которых чаще всего локализуются ситуации успеха; стратегии достижения успеха. Проанализированы основные различия в представлениях о себе как успешной личности в группах девушек и юношей: ориентация на разных людей в построении образа себя как успешной личности; разное определение собственной роли в достижении успеха; различия во временной ориентации; использование разных жизненных сфер для реализации успеха; предпочтение разных стратегий и целей достижения успеха. Описаны механизмы построения образа себя как успешной личности у юношей и девушек. Юноши ориентированы на образы успешных мужчин; успех часто рассматривают в перспективе; считают успех результатом собственных усилий; стремятся к подтверждению собственной успешности; чаще добиваются успеха в отношениях с друзьями, хобби и учебе. Девушки ориентированы на успех ближайших родственников; воспоминания об успехе переживаются в настоящем; ведущими мотивами достижения успеха служат оценки значимых людей и получение удовольствия. Представлены особенности построения образа себя как успешной личности в юношеском возрасте, не зависящие от пола респондента: ориентация на достижения отца; низкая значимость характеристик внешнего облика; слабая ориентация на сферу семейных отношений и высокая значимость образовательной сферы; ориентация на подтверждение успеха значимыми людьми.

Ключевые слова: успешность личности, ситуация успеха, автобиографические воспоминания, юношеский возраст.

Значимым моментом становления и развития современной личности является ее успешность в окружающем мире. Проблема успешности активно развивается в педагогике, психологии, социологии и носит междисциплинарный характер. В настоящее время имеется устойчивое понимание успешности как совокупности объективных и субъективных характеристик (Тульчинский, 1994;

Дементий, 2002; Демин, 2002, Лимонтьев, 2008; Истюфеева, 2008; Конюхова, 2009; Малышева, 2013 и др.).

Успешность рассматривается нами как субъективная оценка результатов деятельности, где личная цель служит главным критерием, который сформулирован самим человеком (Батурин, 1998).

Успешность связана с такими процессами, как идентичность личности (Макаревская, 2006), личностный рост и самоактуализация (Ключников, 2002; Конюхова, Конюхова, 2009), личностная зрелость (Либин, 2007), креативность (Савенков, Карпова, 2012), образ будущего и субъективная картина жизненного пути (Головчанова, 2009; Чепелева, 2010; Шлыкова, 2006).

Многие авторы указывают на понимание успешности через возможность человека реализовать свой потенциал, использовать собственные ресурсы (Демин, 2002; Истюфеева, 2008; Мальц, 2005; Толочек, 2010).

Таким образом, в понимании успешности личности важным становится учет того, как объективные условия, факторы достижения успеха преломляются в самосознании личности, в ее интериоризированной оценке значимости собственных достижений.

Наиболее интенсивно проводится изучение становления, формирования успешной личности в юношеском возрасте. Именно в старшем подростковом и юношеском возрасте формируются достаточно устойчивые и структурированные представления личности об успехе, успешном человеке (Белых, 2000; Маркелова, 2005; Пятунина, 2002; Шамионов, Тугушева, 2009); начинается анализ себя как успешной или неуспешной личности, поиск собственных ресурсов и ограничений (Макаревская, 2006; Шилова, 2008); осмысливается образ собственного будущего, ведущего к жизненной успешности (Тиханова, 2007; 18).

Конечно, в этом возрасте успех чаще всего молодежь связывает с социальным принятием и материальным достатком (Атюнина, 2009). Однако строящийся образ успешной жизни и себя как успешного человека во многом определяет дальнейшую активность личности в процессе социализации, самоопределения, достижения идентичности (Макаревская, 2006).

За последние несколько лет проведено немало исследований, связанных с изучением представлений молодежи об успешности личности. Наше исследование было направлено на содержательный анализ образа собственной жизненной успешности в воспоминаниях юношей и девушек. Юношеский возраст и ранняя зрелость — возрастные этапы, которые насыщены образами (окружающего мира, себя в этом мире, идеальных ценностей и конкретных жизненных целей). В связи с этим мы обратились к изучению воспоминаний молодежи о ситуациях успеха или неудачи, которые представлены в их субъективной картине собственной жизни.

Для изучения представленности себя как успешного человека в самосознании испытуемым предлагалось написать автобиографический текст на тему «Я

как успешный человек». Респонденты описывали автобиографический опыт, в котором отражены ситуации успеха. В ходе исследования испытуемые не были ограничены во времени, выборе воспоминаний, способах описания.

Тексты обрабатывались с помощью контент-анализа воспоминаний (Шлыкова, 2006; Шлыкова, 2008). Единицами анализа стали пять критериев:

- образ другого человека, представленного в тексте;
- активность респондента в описываемых ситуациях;
- способ описания (использование физических и инструментальных характеристик);
- сферы достижения успеха;
- стратегии достижения успеха.

Выбранные единицы анализа соответствуют содержанию исследуемой проблемы и позволяют изучить: локус контроля личности в ситуации достижения успеха, особенности ролевой идентичности, временную ориентацию личности (успех как прошлые достижения, успех как актуальное переживание, успех как цель), значимость инструментальных и физических характеристик при оценке себя как успешного человека, способы достижения успеха в жизни, широту самореализации личности.

В результате были выявлены структурно-содержательные особенности представления юношами и девушками образа успешного человека и себя как успешного человека.

В исследовании приняли участие 58 чел. — 28 юношей и 30 девушек в возрасте 19–21 года. Все респонденты — студенты Кубанского государственного университета, обучающиеся по разным направлениям подготовки. Группы девушек и юношей выравнились по количеству. Результаты подвергались сравнительному анализу по группам юношей и девушек с использованием U-критерия Манна–Уитни.

Анализ и интерпретация данных

1. Частота встречаемости образа другого человека в текстах. В качестве основных персонажей выделены следующие: отец, мать, братья/сестры, одноклассники, однокурсники, друзья. В итоговые результаты вошло количество респондентов (% от всей группы), в текстах которых встречался каждый из предложенных персонажей.

Выявлено, что существуют значимые различия между встречаемостью отдельных персонажей в текстах юношей и девушек. Статистически значимые различия проявились по всем персонажам, кроме образа отца. Отец встречается часто у всех респондентов, независимо от их пола (у 93% юношей, 70% девушек). Содержательно отец описывается в очень разнообразных ролях: как наставник («отец учил меня, как правильно забрасывать удочку...»), помощник в сложной

ситуации («папа пришел в больницу с ружьем и запретил врачам везти меня на операцию...»), как некий эталон («папа всегда был очень обаятельным и легко добивался расположения женщин...»), как друг («у нас всегда были особые отношения с папой, только с ним я могла поделиться тем, как мне тогда было стыдно...»), как успешный человек («он тогда все-таки добился того, чтобы его восстановили...»). Образ отца встречается в описаниях совершенно разных жизненных сфер.

Мать значительно чаще ($p < 0,01$) упоминается в текстах девушек (у 39% юношей, у 91% девушек). Можно предположить, что мать является для девушек человеком, на которого они ориентируются в жизни. В группе девушек это наиболее часто встречаемый образ из всех значимых других. Этот образ упоминается практически у всех девушек, причем очень часто. В текстах девушек мать, как и отец, встречается в связи с разнообразными ситуациями и ролями: мать как друг, как эталон женственности, как сильная женщина, добившаяся успеха, как защитница и т.д. У юношей образ матери в основном встречается как гендерный эталон и отражает поддержку самореализации как мать, как понимающая женщина, как терпеливая женщина («матери столько пришлось вытерпеть, пока я занимался борьбой...»).

Братья и сестры встречаются в текстах 77% девушек и 43% юношей (различия значимы при $p < 0,05$). Для девушек влияние сиблингов на собственную успешность более важно, чем для юношей. В текстах очень много воспоминаний о событиях, связанных с сиблингами, приходящихся на два возрастных этапа. В воспоминаниях дошкольного детства сиблинги указываются как партнеры по нарушению норм и правил («мы залезли в чужой сад, и было чудом, что мы смогли сбежать оттуда...») и как конкуренты («сестра всегда выбирала себе самые красивые наряды, хотя, может, она просто так говорила, чтобы подразнить меня...»). И в воспоминаниях настоящего времени, у тех респондентов, для которых брат/сестра очень важны в жизни и выступают в роли ориентира («мне всегда приходилось тянуться за братом, доказывать, что я тоже смогу...») или друга («сестра тогда мне очень помогла, вообще она для меня хороший друг...»).

Друзья значительно чаще встречаются в текстах юношей ($p < 0,01$): у юношей в 82% текстов, у девушек в 37%. Одноклассники или однокурсники встречаются у всех юношей, а у девушек только в 40% текстов. Роль друзей-одноклассников связана с поддержкой либо совместной деятельностью, а роль однокурсников — с реализацией совместных проектов.

Таким образом, мы можем говорить, что для девушек основным источником представлений о себе как успешной личности являются отец, мать и братья/сестры. Юноши в образе успешного человека больше ориентируются на отца, друзей, одноклассников и однокурсников.

2. Позиция по отношению к ситуациям успеха: активная, пассивная, смешанная. Мы определяли ведущую позицию в тексте каждого респондента.

Ведущей для всей выборки является смешанная позиция (у 57% юношей, 73% девушек). Большинство респондентов используют в текстах, как активную позицию, так и пассивную. Различия между группами проявились в следующем:

– юноши чаще девушек ($p < 0,05$) используют только активную позицию (43% против 10%), считают успех в жизни только собственной заслугой или совместным успехом, в котором они выполняли активную роль;

– девушки, в отличие от юношей, могут использовать только пассивную позицию (17% против 0%), т.е. считают, что их жизненный успех полностью зависит от других людей или от внешних обстоятельств.

3. Время глагола, используемое для описания жизненных событий. Все респонденты чаще всего описывают события в прошедшем времени. Это является нормой для автобиографических текстов (Шлыкова, 2006; Шлыкова, 2008).

Различия между группами проявились в следующем:

– девушки значительно чаще ($p < 0,05$) используют настоящее время (32% против 7%), что говорит об актуальности для них переживания ситуаций жизненного успеха и значимости тех событий, которые привели к успеху, об их эмоциональной насыщенности;

– юноши значительно чаще ($p < 0,05$) используют будущее время (36% против 6%), что свидетельствует об их направленности на перспективу, на будущие достижения, на новые ситуации успеха, на планирование успеха.

4. Характеристики, используемые для описания себя как успешного человека: физические (описание параметров внешнего облика: красивый, ухоженный, уверенная походка, стильная одежда и т.д.), инструментальные (описание себя через действия, различные виды деятельности: много работал, занимался спортом, училась допоздна, у меня уставали руки, я приходил к 7 утра и т.д.), личностные (описание черт характера, особенностей личности: уверенность, любознательность, общительность, доброта, напористость и т.д.).

Основное различие между юношами и девушками проявилось в том, что юноши чаще ($p < 0,05$) используют инструментальные характеристики себя как успешного человека (67% против 29%), а девушки — личностные (56% против 24%).

Юноши чаще описывают себя в ситуации успеха через действия, конкретные виды деятельности. Девушки же чаще указывают на черты характера, особенности личности, имеющиеся способности.

Физические характеристики, описания внешности, манеры поведения используются редко всеми респондентами.

5. Жизненные сферы переживания успешности (учеба, хобби и творчество, семья, дружба, здоровье, отношения с противоположным полом).

Успех в учебе представлен примерно в одинаковом количестве текстов юношей и девушек (27 и 36%). Успех в хобби или творчестве встречается чаще ($p < 0,05$) в группе юношей (37% против 6%). Отметим, что у девушек указывались скорее творческие достижения, а у юношей — занятия спортом.

Успешность в семейных отношениях представлена слабо, но у девушек немного чаще (4 и 21%). Мы связываем это с юным возрастом респондентов, в котором еще нет собственных успехов в построении семейных отношений. Сфера здоровья также представлена только в единичных текстах (2 и 8%).

Дружба является ведущей сферой достижения успеха в группе юношей (58%), а у девушек практически не выражена (5%) ($p < 0,01$).

Отношения с противоположным полом — ведущий источник переживания успеха девушками (52%), но почти не встречается у юношей (10%) ($p < 0,01$).

6. Стратегии достижения жизненного успеха. Успех как результат собственных усилий чаще описывают юноши (50% против 23%, $p < 0,05$). Успех как ситуацию, в которой помогали другие люди, чаще указывают девушки (53% против 7%, $p < 0,01$). Успех как стечение обстоятельств встречается часто у всех респондентов (63% у юношей, 47% у девушек). Демонстрацию превосходства над другими через достижения и доказательство другому своей состоятельности через успех чаще отмечают юноши (75 и 89%), но у девушек тоже выражены данные стратегии (47 и 70%).

Планирование успеха присуще в большей степени юношам (68%), у девушек данная стратегия встречается значительно реже (30%, $p < 0,01$). Успех ради удовольствия достижения (у 87% девушек, 43% юношей), польза другим людям (у 63% девушек и 25% юношей) и значимость оценки других людей (у 87% девушек и 39% юношей) значительно чаще встречаются в текстах девушек ($p < 0,01$ во всех случаях).

Таким образом, для юношей достижение успеха связано в большей степени с демонстрацией превосходства над другим человеком и доказательством другим людям собственной состоятельности в каком-либо виде деятельности. Также у юношей часто встречается планирование успеха в будущем и успех как результат спланированной деятельности. Для девушек характерно с помощью успеха доказывать что-либо другим людям и получать от них позитивные оценки, девушки также оценивают успех через переживание удовольствия, а не через реальную значимость достижения. Девушки используют большее количество стратегий в одном тексте, в отличие от юношей.

Обобщая результаты проведенного исследования, мы можем описать особенности представлений о себе как успешном человеке юношами и девушками.

1. В описании ситуаций собственного успеха юноши используют значимые образы отца, друзей, одноклассников и однокурсников, т.е. ориентируются на мужские образы; описывают себя как успешного человека через собственные

поступки и действия; имеют выраженную перспективу будущего, в котором будет реализован план достижения успеха. Наиболее представленные сферы достижения успеха — дружба, учеба и хобби. Основные мотивы достижения успеха — демонстрация своего превосходства над другими, доказательство значимым людям своей состоятельности. Используются стратегии достижения успеха через труд и планирование успеха.

2. Девушки в биографических событиях, определивших образ себя как успешной личности, используют образы родителей и своих братьев и сестер; описывают себя как успешную личность через поступки, действия и через личностные характеристики; зачастую эмоционально переживают прошлые достижения как актуальные состояния, включаясь в описываемые ситуации снова и снова. Наиболее представленные сферы достижения успеха — учеба и отношения с противоположным полом. Основные мотивы достижения успеха — получение положительной оценки со стороны значимых людей, польза для другого человека и удовольствие от достигнутого результата. Используется большое количество разных стратегий в зависимости от ситуации.

Проведенное исследование позволило выявить ряд особенностей построения образа собственной успешности юношами и девушками, а также продемонстрировало глубокую связь имеющегося образа с ведущими источниками развития личности на предыдущих этапах — значимыми социальными контактами, сферами самореализации, поведенческими стратегиями, особенностями ценностей и самооценки личности.

На наш взгляд, образ собственной успешности служит неким стержнем самоотношения взрослого человека. С этим образом связаны жизненные стратегии, ценностно-смысловые структуры личности, удовлетворенность жизнью, идентификация личности, направления самоактуализации. Мы считаем перспективным и значимым исследование механизмов перехода образа успешной личности из социально заданной формы во внутренний механизм саморегуляции, самоактуализации личности.

Библиографический список

1. Атюнина, В. С. (2009). *Образ успешного человека в семантическом пространстве личности*. Хабаровск: ДВГУПС.
2. Батурин, Н. А. (1998). Эмоциональные составляющие успеха и неудачи. *Теоретическая, экспериментальная и прикладная психология*, 1, 98–106.
3. Белых, В. А. (2000). *Зависимость восприятия образа успешности от индивидуально-психологических особенностей личности в студенческом возрасте*: автореф. дис. ...канд. психол. наук. Ставрополь.
4. Головчанова, Н. С. (2009). Жизненная успешность как предмет психологического исследования и психологического консультирования. *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова*, 3 (9), 47–50.

5. Дёмин, А. Н. (2002). Достижение успеха в ситуации безработицы. *Социологические исследования*, 10, 46–57.
6. Истюфеева, Ж. Н. (2008). *Субъективные ресурсы достижения успешности личности*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Новосибирск.
7. Ключников, С. Ю. (2002). *Фактор успеха: Новая психология саморазвития*. Москва: Беловодье.
8. Конюхова, Т. В., Конюхова, Е. Т. (2009). Изучение проблемы успеха и успешности личности в контексте междисциплинарного подхода. *Известия Томского политехнического университета*, 314 (6), 112–116.
9. Либин, А. В. (2007). *Стратегии жизненного успеха и мотивация достижения*. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/2007/08/29/strategii_uspekha_i_motivacija_dostizhenija.html
10. Макаревская, Ю. Э. (2006). *Влияние продолжительного неуспеха на личностную идентичность*: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар.
11. Мальц, Л. А. (2005). Психологические критерии жизненной успешности студентов педагогического вуза. *Анализ гуманитарных проблем современного российского общества* (с. 94–97). Омск: ОмГУПС.
12. Маркелова, Н. В. (2005). *Развитие представлений об успешности в раннем юношеском возрасте*: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь.
13. Пятунина В. М. (2002). Учет гендерной и возрастной специфики в процессе формирования социальной успешности взрослеющей личности. *Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова*, 18 (1), 238–240.
14. Савенков, А. И., Карпова, С. И. (2012). Проблема прогнозирования учебной и жизненной успешности в психологии XX века. *Вестник Тамбовского университета*, 5, 180–187.
15. Тиханова, М. С. (2007). Особенности и истоки образа успешного будущего в юношеском возрасте. *Психологические проблемы смысла жизни и акме* (с. 247). Москва: ПИ РАО.
16. Толочек, В. А. (2010). Профессиональная успешность: понятия «способность» и «ресурсы» в объяснении феномена. *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 20–38.
17. Чепелева, Н. В. (2010). Жизненный успех как нарратив. *Успішність особисті потенціала та обмеження* (с. 251–254). Киев: НПУ ім М. П. Драгоманова.
18. Шамионов, Р. М., Тугушева, А. Р. (2009). Представления о социальной успешности и самоопределении молодежи. *Психологическая наука и образование*, 3, 1–10.
19. Шилова, Л. С. (2008). Образ успеха и жизненные стратегии молодежи. *Вестник Омского университета*, 1–2, 24–36.
20. Шлыкова, Ю. Б. (2006). *Переживание личностью смысла бытия и тип автобиографического текста*: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар.
21. Шлыкова, Ю. Б. (2008). Особенности проявления локуса контроля в автобиографических воспоминаниях личности. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 108–115.

Статья поступила в редакцию 28.01.2015.

SELF-IMAGE AS A SUCCESSFUL PERSON IN YOUNG MEN AND WOMEN'S RECOLLECTIONS

Shahova E.M.

Shahova Elizaveta Mihajlovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149.

The article introduces the results of empirical research on young men and women's recollections on success situations. There is given a definition of a person's successfulness, success is considered through a subjective evaluation of achievements in various life spheres. The results are interpreted under certain criteria, which reflect the peculiarities of autobiographical recollections development: the image of other person, mentioned in the text, and his or her role in success achievement; the respondent's activity in the situations described; events description in different temporal forms; life spheres with the most frequent success situations; success achievement strategies. There are analyzed the main differences between self-image as a successful person in young women and men's groups: focus on different people while designing a self-image as a successful person; different determination of his or her own role in success achievement; differences in temporal orientation; the use of different life spheres for success realization; preferring of different success achievement strategies and objectives. There are described young men and women's mechanisms of designing a self-image as a successful person. Young men go by successful men's images; often consider success in prospect; regard their success as a result of their own efforts; strive to prove their successfulness; with regard to friends, hobby and studying they succeed more often. Young women go by their nearest relatives' success; experience the recollections about success situations in present; the principle motives for success achievement are the judgements of important people and enjoying. There are given the peculiarities of designing a self-image as a successful person in teen-age, which don't depend on gender: orientation toward a father, low relevance of appearance characteristics, slight focus on family relationship sphere and high relevance of educational sphere; focus on success to be recognized by important people.

Key words: a person's successfulness, a success situation, autobiographical recollections, teen-age.

References

1. Atjunina, B. C. (2009). *Obraz uspehnogo cheloveka v semanticheskom prostranstve lichnosti*. [The image of a successful person in a personality's mental map] Habarovsk: DVGUPS [Khabarovsk: FESTU].
2. Baturin, N. A. (1998). Jemocional'nye sostavljajushhie uspeha i neudachi. [Emotional componenets of success and failure]. *Teoreticheskaja, jeksperimental'naja i prikladnaja psihologija* [Theoretical, experimental and applied Psychology], 1, 98–106.
3. Belyh, V. A. (2000). *Zavisimost' vosprijatija obraza uspehnosti ot individual'no-psihologicheskikh osobennostej lichnosti v studencheskom vozraste*: avtoref. dis. ...kand. psihol. nauk. [The dependence of successfulness image perception on person's individual psychological traits in student age: the extract from the master's dissertation of the Cand. Sc. Psychology] Stavropol.
4. Golovchanova, N. S. (2009). Zhiznennaja uspehnost' kak predmet psihologicheskogo issledovanija i psihologicheskogo konsul'tirovanija [Life successfulness as the subject of psychological research and psychological counseling]. *Vestnik Jaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova* [Bulletin of P. G. Demidov Yaroslavl State University], 3 (9), 47–50.

5. Djomin, A. N. (2002). Dostizhenie uspeha v situacii bezraboticy [Success achievement in the context of unemployment]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Social researches], 10, 46–57.
6. Istjufeeva, Zh. N. (2008). *Sub#ektivnye resursy dostizhenija uspeshnosti lichnosti: avtoref. dis. ...kand. psihol. nauk* [Subjective resources of personal successfulness achievement: the extract from the master's dissertation of the Cand. Sc. Psychology]. Novosibirsk.
7. Kljuchnikov, S. Ju. (2002). *Faktor uspeha: Novaja psihologija samorazvitija* [Success factor: New self-development psychology]. Moskva: Belovod'e [Moscow: Belovodje].
8. Konjuhova, T. V., Konjuhova, E. T. (2009). Izuchenie problemy uspeha i uspeshnosti lichnosti v kontekste mezhdisciplinarnogo podhoda [Success and person's successfulness study in the context of interdisciplinary approach]. *Izvestija Tomskogo politehnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 314 (6), 112–116.
9. Libin, A. V. (2007). *Strategii zhiznennogo uspeha i motivacija dostizhenija* [Life success strategies and achievement motivation]. Retrieved from: http://www.elitarium.ru/2007/08/29/strategii_uspekha_i_motivacija_dostizhenija.html
10. Makarevskaja, Ju. Je. (2006). *Vlijanie prodolzhitel'nogo neuspeha na lichnostnuju identichnost': dis. ... kand. psihol. nauk*. [The influence of continuous failure on personal identity: the extract from the master's dissertation of the Cand. Sc. Psychology]. Krasnodar.
11. Mal'c, L. A. (2005). Psihologicheskie kriterii zhiznenoj uspeshnosti studentov pedagogicheskogo vuza [Psychological criteria of pedagogical university students' life successfulness]. *Analiz gumanitarnyh problem sovremennogo rossijskogo obshhestva* [The analysis of humane problems of modern Russian society] (p. 94–97). Omsk: OmGUPS [Omsk: OSTU].
12. Markelova, N. V. (2005). *Razvitie predstavlenij ob uspeshnosti v rannem junosheskom vozraste: avtoref. dis. ... kand. psihol. Nauk* [Development of successfulness perception in early teen-age: the extract from the master's dissertation of the Cand. Sc. Psychology]. Stavropol.
13. Pjatunina V.M. (2002). Uchet gendernoj i vozrastnoj specifiki v processe formirovanija social'noj uspeshnosti vzroslejshhej lichnosti [Consideration of gender and age specificity in the process of growing person's social successfulness development]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of N. A. Nekrasov Kostroma State University], 18 (1), 238–240.
14. Savenkov, A. I., Karpova, S. I. (2012). Problema prognozirovaniya uchebnoj i zhiznenoj uspeshnosti v psihologii XX veka [The issue of study and life successfulness prognosis in psychology of XX century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta* [Bulletin of Tambov University], 5, 180–187.
15. Tihanova, M. S. (2007). Osobennosti i istoki obraza uspeshnogo budushhego v junosheskom vozraste. Psihologicheskie problemy smysla zhizni i acme [Peculiarities and the origin of successful future image in teen-age. Psychological problems of the meaning of life and acme]. *Psihologicheskie problemy smysla zhizni i acme* [Psychological problems of the meaning of life and acme] (p. 247). Moskva: PIRAO [Moscow: PI RAE].
16. Toloček, V. A. (2010). Professional'naja uspeshnost': ponjatija "sposobnost'" i "resursy" v ob#jasnenii fenomena [Professional successfulness: the notions of "ability" and "resources" in phenomenon explanation]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2, 20–38.

17. Chepeleva, N. V. (2010). Zhiznennyj uspeh kak narrative [Life success as a narrative]. *Uspishnist' osobitosti potenciala ta obmezhennja* (p. 251–254). Kiev: NPU im M. P. Dragomanova [Kiev: M. P. Dragomanov NPU].
18. Shamionov, R. M., Tugusheva, A. R. (2009). Predstavlenija o social'noj uspeshnosti i samoopredelenii molodezhi [The youth perception of social successfulness and self-determination]. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie* [Psychological Science and education] 3, 1–10.
19. Shilova, L. S. (2008). Obraz uspeha i zhiznennye strategii molodezhi [Success image and life strategies of the youth]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 1–2, 24–36.
20. Shlykova, Ju. B. (2006). *Perezhivanie lichnost'ju smysla bytija i tip avtobiograficheskogo teksta: dis. ... kand. psihol. Nauk* [Person's experience of the meaning of existence and the type of autobiographical text: the extract from the master's dissertation of the Cand. Sc. Psychology]. Krasnodar.
21. Shlykova, Ju. B. (2008). Osobennosti projavlenija lokusa kontrolja v avtobiograficheskikh vospominanijah lichnosti [The peculiarities of the locus of control demonstration in person's autobiographical recollections]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 4, 108–115.

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГОВ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЕЁ ЭФФЕКТИВНОСТИ

.....

Бедерханова В.П., Гильмидинова Т.В.

Бедерханова Вера Петровна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: vpb57@mail.ru.

Гильмидинова Татьяна Викторовна, Центр обеспечения деятельности учреждений образования и культуры, 301000, Тульская область, пос. Заокский, ул. Ленина, 39. Эл. почта: jilandre@yandex.ru.

В статье сделана попытка ответить на вопрос, каким должен быть процесс педагогического сопровождения инновационной деятельности педагогов в учреждении дополнительного образования детей, чтобы эффективно влиять на результаты инновационной практики с учётом её особенностей; предложена процессуальная модель такого сопровождения и дан анализ результатов её использования. Под педагогическим сопровождением понимается специально организованный процесс содействия коллективной или индивидуальной инновационной деятельности, представляющий собой циклическое взаимодействие его субъектов, направленное на преодоление образовательных дефицитов, профессионально-личностных проблем и трудностей педагогов в инновационной практике и развитие их инновационной культуры.

Представленная процессуальная модель педагогического сопровождения инновационной деятельности отражает основные этапы педагогического сопровождения; создана схема процесса содействия субъектов сопровождения в преодолении профессионально-личностных проблем педагогов, возникающих в ходе инновационной деятельности. В статье дан анализ эффективности использования модели в экспериментальных группах учреждений дополнительного образования детей: приводятся результаты измерения динамики мотивов инновационной деятельности, развития уровня знаний, умений, навыков педагога в области инновационной деятельности, творческого потенциала, методологической культуры, решения проблем педагогической деятельности. Делается вывод о том, что процесс педагогического сопровождения инновационной деятельности педагогов (индивидуальной или коллективной) существенно влияет на её результаты, стимулирует мотивацию к ней, помогает решать профессионально-личностные проблемы, с которыми неизбежно сталкиваются педагоги в своей деятельности, способствует развитию их инновационной культуры, при этом коллективная инновационная деятельность при применении процесса сопровождения в реализации инновационных решений более продуктивна, чем индивидуальная.

Ключевые слова: коллективная инновационная деятельность, индивидуальная инновационная деятельность, педагогическое сопровождение, процессуальная модель, инновационная культура, педагогическая система.

Общепризнанные ценности дополнительного образования остаются не до конца реализованными и требуют сохранения потенциала и инновационного развития системы. Учреждения дополнительного образования детей также вынуждены функционировать в режиме инновационного развития в связи с формированием государственного заказа системе, изменяющимися индивидуальными и социокультурными потребностями образовательных услуг. Их характеризует меньшая институционализированность, выход за рамки государственных стандартов и как следствие — стихийный поток распространения нововведений в разных формах коллективной и индивидуальной деятельности; эмоционально-ценностная включенность в инновационный процесс не только педагогов, но и воспитанников, что порождает у них высокий уровень рефлексии. Развитие инновационных процессов в системе дополнительного образования детей, позволяющее преодолевать возникающие кризисы, остается необходимым условием жизнеспособности образовательной системы.

Участие педагогического коллектива учреждения дополнительного образования детей в инновационных процессах отождествляется с коллективной инновационной деятельностью, а деятельность педагогов-новаторов — с индивидуальной инновационной деятельностью педагогов. Коллективная инновационная деятельность выступает как научно обоснованная совместная творческая деятельность педагогов, предполагающая продуктивное изменение образовательного пространства и воспитательной среды на основе мотивационно-целевого единства субъектов преобразований. Индивидуальная инновационная деятельность — это научно обоснованная творческая деятельность, направленная на преодоление противоречий и проблем педагогической практики, выступающая как средство обозначения личного жизненного и профессионального опыта, инновационной культуры педагога-новатора, в результате которой рождаются новые методики обучения и воспитания детей и подростков.

Инновационное развитие неизменно связано с поиском путей решения проблем инновационной практики педагогов, реализующих и разрабатывающих инновационные модели дополнительного образования. Задачей первостепенной важности становится разработка и обоснование механизмов содействия освоению инновационной деятельности педагогов, позволяющих восполнять дефицит знаний, решать проблемы инновационной практики, развивать инновационную культуру педагогов непосредственно в ходе введения новшеств.

Цель исследования — теоретически обосновать модель процесса педагогического сопровождения инновационной деятельности педагогов в учреждении дополнительного образования детей и экспериментально проверить её эффективность в коллективной и индивидуальной формах инновационной практики.

Инновации в дополнительном образовании детей подчиняются общим законам педагогической инноватики, имеют единую логику, характер происхождения и развития. В них отражаются в единстве такие процессы, как создание

и открытие новых педагогических идей (концепций, теорий, методов), их освоение и внедрение, сравнительная оценка в соответствии с имеющейся в обществе системой педагогических ценностей (Найденова, 2010). Инновационный процесс можно соотнести с логически законченной последовательностью событий, в ходе которых инновация претерпевает изменения от возникновения и разработки идеи до апробации и применения ее в практике образовательных учреждений.

Разнообразие инновационных процессов в научных исследованиях, поддерживающих системную концепцию нововведения, сводится к двум наиболее распространенным формам: простое воспроизведение нововведения (новшество создается лишь в том учреждении, в котором его воспроизводство было впервые освоено) и расширенное воспроизводство новшества (процесс внедрения распространяется на многие организации) (Сластенин, Подымова, 1997).

В нашем исследовании мы придерживаемся идеи выделения компонентов инновационной деятельности в связи с развитием инновационного процесса: инновационная деятельность есть решение типовых задач (понимаются как цели инвариантных действий инновационной деятельности), отражающих возникновение, становление, существование, затухание инновационного процесса (Арламов, 1995). Она представляется как целостность действий:

– аксиологических (предрешение и принятие решения): задача определения предмета инновации, выбора цели преобразований и обоснования реальных возможностей ее достижения;

– проектировочных (разработка концептуальной модели и построение на ее основе гипотетической нормативной модели, опытная проверка гипотетической нормативной модели, опытная проверка и его коррекция): задача перехода научных идей (онтологического знания или когнитивной модели новой педагогической системы и педагогической технологии) в нормативные;

– конструктивных (разработка программы преобразовательных действий, ее реализация, планирование, осуществление, мониторинг, адаптация субъектов образования к новым формам педагогической деятельности): задача перехода проекта (должного) как нормативной модели в иконическую (сущую), реально действующую, проявляющуюся в деятельности и создании субъектов образовательного процесса;

– оценочно-измерительных (выявление показателей и построение критериев эффективности инновационного процесса и качества его результата, определение эффективности инновационного процесса, оценка эффекта инноваций и анализ инновационного процесса, т.е. квалиметрическая задача: параметризация цели (параметрическая модель проекта), установление эталона как формы цели, определение критерия эффективности инновационного процесса, установление проявлений свойств его результата);

– рефлексивных (осмысление опыта индивидуальной и коллективной инновационной деятельности для определения зон развития их технологий) (Арламов, 1995).

В данном определении нельзя не заметить отражение общепринятого в психологии подхода к определению деятельности, где деятельность представлена следующими компонентами: мотив — цель — планирование — переработка текущей информации — оперативный образ — принятие решений — действие — проверка результатов — коррекция действий (Лисин, 2008).

В научной литературе также рассматриваются предпосылки к совершению инновационной деятельности педагогов. В частности, в работах В. В. Попова (2003) интегральной характеристикой профессионально-личностных качеств педагога выступает инновационный потенциал, включающий творческую мотивацию, активность, способность к самореализации в условиях различных нововведений, профессиональную и методологическую компетентность, которые в совокупности позволяют генерировать, продуцировать, проектировать новые представления, подходы, идеи и реализовывать их в различных видах и формах педагогической инновационной деятельности.

Затруднения, которые испытывают педагоги на различных этапах инновационного процесса, подробно раскрыты в работах А. Ф. Балакирева (2000). В частности, классификация затруднений раскрывает сущность проблем инновационной деятельности педагогов на основе внутренних и внешних факторов. К внешним факторам ученый относит проблемы материально-технического характера (недостаток научной и методической литературы, отсутствие необходимых технических условий, отсутствие оплаты за инновационную деятельность, неосведомленность и невозможность посещения курсов повышения квалификации); проблемы, обусловленные спецификой педагогической деятельности (зависимость нововведения от восприятия его детьми, неприятие нововведения родителями или их незаинтересованность, непонимание коллег, администрации, недостаток помощи со стороны школьных психологов и др.); проблемы, связанные со спецификой инновационной деятельности (большой объем необходимой для усвоения информации, отсутствие научных консультантов; отсутствие общения с коллегами других образовательных учреждений и др.).

К внутренним факторам относятся проблемы в области подготовки к педагогической деятельности (отсутствие достаточных знаний по педагогике, психологии); теоретико-практической готовности к инновационной деятельности (теоретических знаний и умений в области педагогической инноватики), личностные проблемы (неуверенность в своей компетенции, наличие стереотипов, завышение требований к себе, неразвитые коммуникативные умения, неумение грамотно представить результаты, отсутствие желания выполнять необходимые действия, боязнь конфликтных ситуаций).

Образовательные дефициты, затруднения инновационной практики возникают по причине недостаточного уровня сформированности инновационной культуры педагогов, так как освоение инновационной деятельности педагогом и уровень сформированности его инновационной культуры выступают взаимобусловливающими факторами. В частности, А. И. Николаев (2001), С. В. Сидоров (2010) подчеркивают, что инновационная культура рассматривается как фактор успешности инновационной деятельности. В свою очередь С. Г. Григорьева (2011) подчеркивает, что процесс формирования инновационной культуры сопровождается освоением инновационной деятельности, направленной на изменение образовательной позиции педагога и на стимулирование его саморазвития.

Инновационная культура — это форма общечеловеческой культуры, новая историческая реальность, порожденная осознанным стремлением общества к материальному и духовному самообновлению. Она выступает как исходная предпосылка качественных изменений в жизнедеятельности людей и методологическая основа прогресса и гармонизации всех сфер жизнедеятельности общества (Лисин, 2008). Инновационная культура отражает целостную ориентацию человека, закрепленную в мотивах, знаниях, умениях и навыках, а также в образах и нормах поведения. Она показывает как уровень деятельности соответствующих социальных институтов, так и степень удовлетворения людей участием в них и его результатами (Николаев, 2011).

Таким образом, предпосылками успешной инновационной деятельности служат педагогические способности и умения, инновационный потенциал личности, формирование субъектами инновационной деятельности инновационного пространства. С одной стороны, основным условием эффективности инновационной деятельности выступает инновационная культура педагогов, недостаток которой обнаруживается в наличии образовательных дефицитов, затруднений инновационной практики; с другой стороны, развитие инновационной культуры выступает основным условием успешности инновационной деятельности педагогов.

Инновационную деятельность педагогов в учреждениях дополнительного образования можно рассматривать как систему и процесс. Единство структурных и процессуальных компонентов педагогической системы, одновременно подчинённых единому целевому доминантному компоненту, позволяют говорить об образовании как функциональной системе (в понимании П. К. Анохина (1978)). Пять структурных компонентов педагогической системы (Кузьмина, 2002), находясь в динамике, образуют пять процессуальных компонентов.

1. Доминантный процессуальный *проектировочно-прогностический компонент* состоит из последовательности способов (путей) достижения изменяющихся промежуточных задач, направленных на единую *цель* как предполагаемый педагогический результат.

2. Процессуальный *управленческо-организаторский компонент* состоит из последовательности действий *педагога*, образующих управленческо-организаторскую деятельность педагога.

3. Процессуальный *познавательный компонент* состоит из последовательности действий *ученика*, образующих его познавательную деятельность.

4. Процессуальный *конструктивный компонент* состоит из последовательности фрагментов осваиваемого *содержания*, образующих образовательный маршрут ученика.

5. Процессуальный *коммуникативный компонент* состоит из последовательности форм организации как *средств* образовательного процесса, образующих образовательные методики и технологии.

Таким образом, пять взаимосвязанных структурных и пять процессуальных компонентов составляют образование как целостную функциональную систему. В этой же логике развивается инновационная педагогическая деятельность, что необходимо учитывать, разрабатывая процессуальную модель её педагогического сопровождения.

Под понятием «педагогическое сопровождение» в современных исследованиях понимается содействие субъекта (педагога, психолога, родителя, классного руководителя) другому субъекту (обучаемому, воспитаннику, ребенку, коллеге) и оказание ему необходимой помощи в процессе индивидуального развития. В научных трудах обозначены различные объекты сопровождения: группы людей (дети, подростки, взрослые) и процессы (обучения, воспитания, развития и др.).

Мы рассматриваем педагогическое сопровождение инновационной деятельности педагогов в учреждении дополнительного образования детей как специально организованный процесс содействия коллективной или индивидуальной инновационной деятельности педагогов, который представляет собой циклическое взаимодействие его субъектов, востребованное в момент необходимости восполнения образовательных дефицитов педагогов (неявное педагогическое сопровождение — вне условий инновационной практики) и затруднений инновационной практики (явное педагогическое сопровождение), которое направлено на преодоление выявленных на основе рефлексии и мониторинга профессионально-личностных проблем и развитие инновационной культуры педагогов.

Педагогическое сопровождение может осуществляться посредством информирования, консультирования, обучения (в зависимости от степени возрастания потребности педагога в сопровождении) и реализовываться различными способами (по степени участия сопровождающего, по длительности, по времени оказания) в различных формах: индивидуальных (собеседование, организация стажировки, наставничество и др.), групповых (лаборатория педагогов-новаторов, творческие микрогруппы, семинары-практикумы, интерактивные игры и др.) или смешанных (обеспечение информационными источниками и информацией, совместное обсуждение информации, решение ситуативных задач и др.).

Основным механизмом педагогического сопровождения инновационной деятельности выступает программа педагогического сопровождения инновационной деятельности (для педагогического коллектива или его части), индивидуальная программа педагогического сопровождения (для отдельного педагога).

На основании концептуальных подходов к моделированию Н. В. Кузьминой (2002) и разработок модульной наглядности образовательного процесса А. А. Остапенко (2013) была создана процессуальная модель педагогического сопровождения инновационной деятельности, отражающая основные этапы педагогического сопровождения (ПС) в соотношении с этапами инновационной деятельности (ИД) педагога с функциональными компонентами и их наполнением в деятельности педагогов (рис. 1). В модели отражена схема процесса содействия субъектов сопровождения в преодолении профессионально-личностных проблем педагогов, возникающих в ходе совершения инновационной деятельности.

Этапы процесса сопровождения включают в себя:

1) *начальные условия педагогического сопровождения*, когда происходит изучение условий реализации сопровождения, анализ проблем и трудностей коллективной / индивидуальной инновационной деятельности педагогов;

2) *проектирование*, предусматривающее создание программы педагогического сопровождения, содействие педагогам (субъектам инновационной деятельности) в создании / усвоении инновационных программ;

3) *содействие в реализации*, когда сопровождающие оказывают помощь в решении задач инновационной практики педагогов, преодолении проблем и трудностей инновационной деятельности, занимаются организацией такого содействия, активно взаимодействуют с педагогами с целью повышения эффективности решения задач;

4) *оценка* (оценка эффективности педагогического сопровождения);

5) *прогноз*, на основании которого сопровождающие решают две базовые задачи — содействие педагогам в анализе (осмыслении) ошибок, опыта инновационной деятельности, с одной стороны, и проектирование последующей системы педагогического сопровождения с учетом наработок и опыта — с другой.

Процесс инновационной деятельности также состоит из пяти этапов, в ходе которых происходит реализация компонентов деятельности педагога:

1) *начальные условия инновационной деятельности*, в отличие от условий педагогического сопровождения, касающиеся прежде всего формирования внутренних, мотивационных установок педагога, его готовности к совершению инновационной деятельности;

2) *проектирование*, когда происходит создание / усвоение инновационных программ обучения;

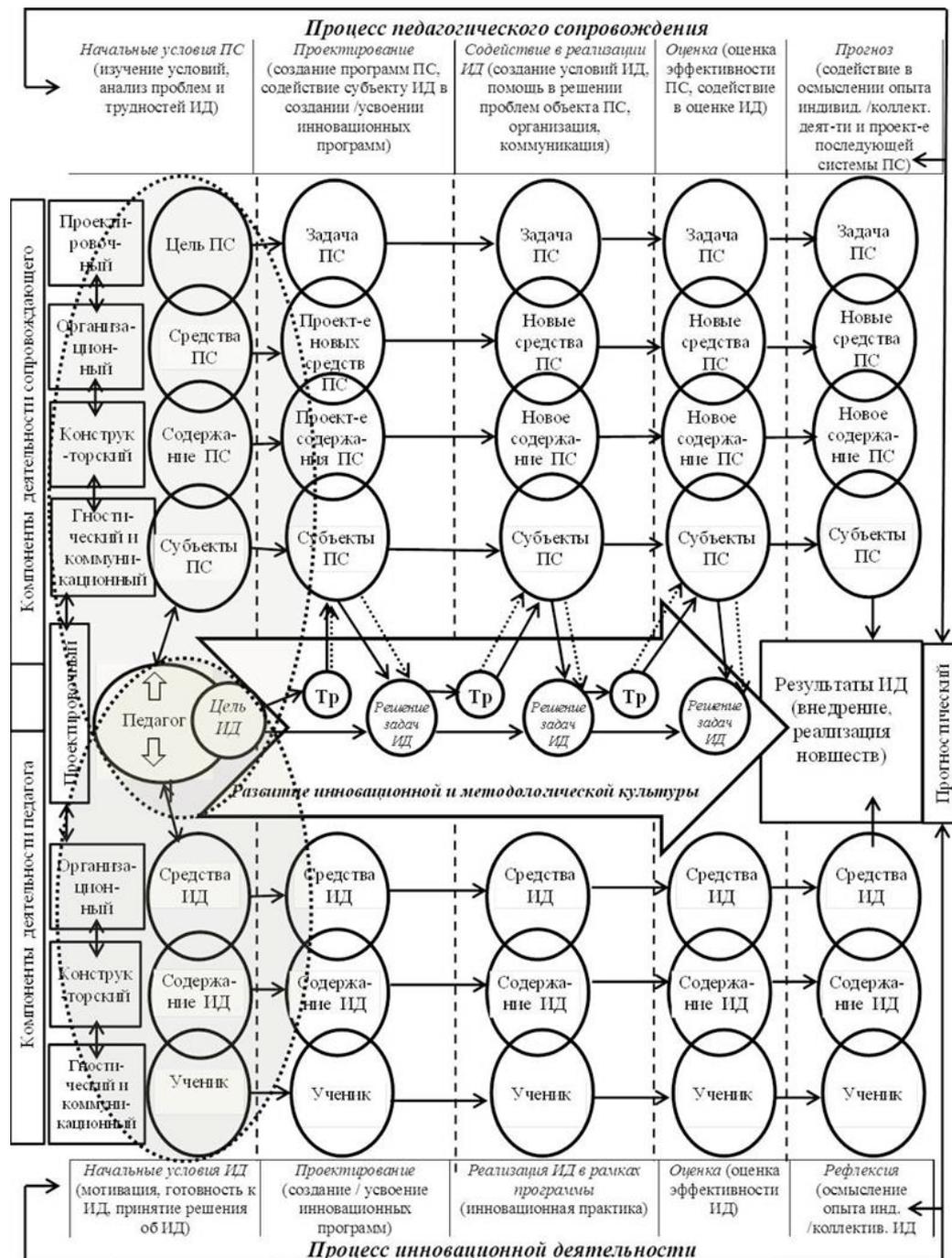

Рис. 1. Процессуальная модель педагогического сопровождения инновационной деятельности педагогов учреждения дополнительного образования

3) *реализация инновационной деятельности* (в рамках созданной / освоенной программы происходит непосредственная практика по внедрению программ в учебный процесс, что неизбежно сопряжено с определенными трудностями, преодолеваемыми при содействии сопровождающих лиц);

4) *оценка* (как и в случае с процессом педагогического сопровождения, происходит анализ эффективности инновационной практики, работоспособности инновационных программ);

5) *рефлексия* (педагоги осмысливают опыт коллективной/индивидуальной инновационной деятельности).

Компоненты деятельности сопровождающего и педагога по содержанию, как уже отмечалось, имеют идентичную смысловую нагрузку и включают:

– *проектировочный* (формулировка цели педагогического сопровождения (инновационной деятельности), задач и их реализация на всех этапах процесса педагогического сопровождения (инновационной деятельности));

– *организационный* (поиск / формирование средств педагогического сопровождения инновационной деятельности);

– *конструкторский* (проектирование и реализация на практике содержания педагогического сопровождения инновационной деятельности);

– *коммуникационный* (активное взаимодействие между субъектами педагогического сопровождения и инновационной деятельности, среди которых базовое место занимает ученик, на которого оказывается педагогическое воздействие, при этом он рассматривается как субъект инновационной деятельности);

– *гностический* (когнитивно-рефлексивная интеллектуальная практика субъектов педагогического сопровождения инновационной деятельности по изучению начальных условий образовательного процесса, изучению / осмыслению профессиональных проблем и трудностей педагогов, анализ известных и внедренных в педагогическую практику программ образовательного процесса и педагогического воздействия).

Деятельность педагогов от формирования цели инновационной деятельности в процессе решения задач до достижения конечного результата (внедрение / реализация новшества) поддерживается в случае возникновения тех или иных проблем и трудностей, сопровождающими.

В нашем случае мы рассматриваем две педагогические подсистемы: подсистему инновационной педагогической деятельности педагога дополнительного образования и подсистему педагогического сопровождения его деятельности. Эти две подсистемы составляют единую сопряжённую педагогическую систему (термин впервые использован Д. С. Ткач, 2007).

Педагог дополнительного образования, осуществляющий инновационную деятельность, входит одновременно в обе подсистемы. Этот факт составляет суть

первого сопряжения. В одной подсистеме педагог выступает в роли ведущего, а в другой подсистеме — в роли сопровождаемого. Его деятельность в первом случае непрерывна, а во втором — дискретна, ибо к помощи он обращается только тогда, когда у него возникают трудности в процессе деятельности в первой подсистеме. Таким образом, особенность подсистемы педагогического сопровождения состоит в дискретности её функционирования, в прерывности происходящих в ней процессов, обусловленных сигналами о помощи из первой подсистемы.

Суть второго сопряжения подсистем состоит в том, что часть средств, используемых в инновационной педагогической деятельности в первой подсистеме, педагог дополнительного образования осваивает как педагогическое содержание в подсистеме сопровождения.

И наконец, третье сопряжение подсистем состоит в единстве целей обеих подсистем, составляющих целостную сопряжённую педагогическую систему.

Таким образом, непрерывный педагогический процесс инновационной педагогической деятельности в первой подсистеме идёт синхронно (совпадение этапов) и параллельно (через сопряжённость подсистем) с дискретным процессом педагогического сопровождения во второй подсистеме, прерывность которого обусловлена периодичностью сигналов о помощи первой подсистемы. Параллельность и синхронность обоих процессов обусловлена тремя точками сопряжения: 1) единством целей; 2) чередованием роли педагога дополнительного образования (ведущий/сопровождаемый); 3) использованием им в первой подсистеме педагогических средств, полученных во второй подсистеме во время процесса сопровождения в виде содержания.

Остановимся на результатах педагогического эксперимента, задача которого состояла в оценке эффективности процессуальной модели педагогического сопровождения инновационной деятельности педагогов в учреждениях дополнительного образования детей, описание особенностей влияния данного процесса на результаты коллективной и индивидуальной инновационной практики.

В качестве объекта были выбраны педагогические коллективы учреждений дополнительного образования детей, совершающих преобразования на основании учета их особенностей. В выбранных учреждениях работают методические службы, осуществляющие деятельность в рамках государственных требований и реализующие функции педагогического сопровождения инновационной деятельности педагогов, а также группы специалистов, включенные в процесс сопровождения: заведующие отделами и заместители директора по учебно-воспитательной работе.

С целью отбора учреждений дополнительного образования детей со сходными условиями в них проведено изучение предпосылок успешной инновационной деятельности педагогов. Ведущими отличиями учреждений, необходимыми для анализа инновационной ситуации были разноплановый характер иннова-

ционной деятельности (применение коллективных и индивидуальных форм) и применение (неприменение) модели процесса педагогического сопровождения инновационной деятельности. Экспериментальной площадкой послужили Центр внешкольной работы г. Кореновска (далее — ЦВР) и Центр внешкольной работы г. Кропоткина (далее — ЦВР), где реализовывался процесс педагогического сопровождения. В качестве контрольных групп были выбраны педагогические коллективы Детско-юношеского центра ст-цы Ленинградской (далее — ДЮЦ) и Центра дополнительного образования ст-цы Роговской (далее — ЦДО). Наблюдение за реализацией процесса педагогического сопровождения инновационной деятельности осуществлялось с 1 сентября 2007 г. по 1 июня 2011 г., что позволяет назвать данный педагогический эксперимент длительным.

На начальном этапе во всех обследованных учреждениях педагоги продемонстрировали высокий уровень личностных предпосылок (в среднем по четырем отобранным группам от 100 до 122 баллов) для эффективного совершения инновационной деятельности (ИД).

Эмпирическими показателями эффективности процесса педагогического сопровождения инновационной деятельности в экспериментальных группах в учреждениях дополнительного образования детей выступили динамика мотивов инновационной деятельности, уровень развития методологической и инновационной культуры педагогов, уровень творческого потенциала, количество перенятых и реализованных на практике новшеств, количество профессионально-личностных проблем педагогов, которые возникают в процессе инновационной деятельности. Замеры эмпирических показателей проводились с помощью тестирования, анкетирования, наблюдения, метода экспертных оценок.

В результате эксперимента было установлено, что процесс педагогического сопровождения стимулирует мотивацию к инновационной деятельности, однако очевидная положительная динамика уровня мотивации сотрудников наблюдается в ситуации коллективной инновационной деятельности при применении процесса педагогического сопровождения. Педагоги, ведущие инновационную практику индивидуально, на начальном этапе исследования демонстрировали немного более высокий уровень устойчивости интереса к новаторской деятельности по сравнению с коллегами, осуществляющими инновационную деятельность в группе. К концу эксперимента уровень мотивации у педагогов, реализующих индивидуальную инновационную деятельность во взаимодействии с процессом педагогического сопровождения, оставался примерно на том же уровне. Также в контрольных группах, где процесс педагогического сопровождения отсутствовал, наблюдался существенный регресс интереса к инновационной деятельности при условии, что на начальном этапе последний был даже выше, чем в экспериментальных группах.

Наименьший процент заинтересованных в реализации инноваций в своей работе был отмечен в ЦДО ст-цы Роговской (61,5%), где педагоги вели индиви-

дуальную инновационную деятельность без применения экспериментальной модели педагогического сопровождения. Наибольший процент заинтересованных ожидаемо был получен в ЦВР г. Кореновска (78,3%), где практиковалась коллективная инновационная деятельность с применением модели педагогического сопровождения.

Для достижения объективности данных мотивированность педагогов к инновационной деятельности также измерялась с помощью контрольных вопросов, включенных в анкету «Готовность педагога к инновационной деятельности» (составлена Т. В. Морозовой, адаптирована Т. В. Гильмидиновой). Анализ показал, что интерес к инновациям устойчиво привлекателен для 70% педагогов и подкреплен поведенческим компонентом: почти половина участников эксперимента за год пробовали применить новинки в своей работе 1–5 раз.

Также в процессе исследования было установлено, что частота попыток педагогов ранее применять какие-либо новинки в своей педагогической деятельности существенно выше именно в образовательном учреждении, где реализовывался процесс педагогического сопровождения инновационной деятельности. Выявлено, что практическая инновационная активность педагогов наиболее выражена в учреждении, где применяется коллективная форма с включением сотрудников в процесс педагогического сопровождения инновационной деятельности.

Выявлено, что взаимодействие педагогов с субъектами сопровождения в процессе инновационной деятельности служит определяющим фактором перехода от намерений использования усвоенных новшеств к конкретным практическим действиям педагогов по реализации знаний и умений в преподавательской работе. Данный вывод подтверждается существенными различиями в количестве реализации усвоенных новшеств у педагогов, инновационная работа которых проходила без педагогической поддержки, и у педагогов, которые были включены в процесс педагогического сопровождения инновационной деятельности.

Для оценки силы факторов, оказывающих влияние на эффективность практической инновационной деятельности педагогов (в качестве зависимой переменной выбран показатель «количество реализованных новшеств»), был применен регрессионный анализ. Его результаты представлены в таблице; модель статистически значима ($p < 0,001$).

На основании регрессионной модели было установлено, что на первое место попадают рефлексивно-мотивационные факторы, связанные с личной самооценкой методологической культуры, творческого потенциала и способностей к инновационной деятельности педагогов. Это объясняется самой сутью педагогической деятельности, в которой без личной мотивации и творческой активности достижение результатов, особенно психологических, невозможно. Исходя из полученных ранее данных, доказывающих, что процесс педагогического сопровождения влияет на результат инновационной деятельности, регрессионный анализ был применен для доказательства данного утверждения в комплексе

Независимые переменные	Коэффициент регрессии, β	Уровень значимости, p
Константа (а)	-1,585	0,000
Самооценка методологической культуры (завершающий этап)	0,009	0,002
Самооценка творческого потенциала (завершающий этап)	0,005	0,051
Самооценка способностей к инновационной деятельности	0,006	0,015
Устойчивый интерес к инновациям в педагогической деятельности	0,013	0,601
Тип инновационной деятельности (индивидуальная / коллективная)	0,024	0,744
Наличие /отсутствие педагогического сопровождения	-0,027	0,756

взаимовлияющих факторов, составляющих единую модель инновационной культуры, в состав которой входит методологическая культура педагога, подкрепленная творческим потенциалом и субъективным стремлением к инновациям.

Результаты регрессионного анализа влияния различных факторов на эффективность практической инновационной деятельности педагогов

Однако после применения указанного анализа было неожиданно установлено, что факт наличия/отсутствия педагогического сопровождения инновационной деятельности является самым слабым из всех включенных в модель факторов, влияющих на показатель практической результативности новаторской деятельности. Другими словами, содержательная интерпретация результатов построения регрессионной модели показывает, что сам факт наличия ПС непосредственно не оказывает влияния на количество реализованных новшеств и результативность инновационной деятельности определяется в первую очередь мотивацией самого педагога, но при этом «ненавязчиво» помогает педагогам в инновационной деятельности в условиях явного/неявного им содействия достигать тех целей, которые они изначально ставили перед собой, и является функциональным, а не психологическим результатом деятельности, что во многом подтверждает теорию Н. В. Кузьминой о необходимости их различать.

Эти рассуждения были для большей достоверности статистически доказаны расчетами частной корреляции, которая показала латентную обусловленность взаимозависимости личных самооценок педагогов (их методологической культуры, творческого потенциала, способностей к инновациям) влиянием факта наличия/отсутствия педагогического сопровождения. Кроме того, анализ динамики изменения методологической культуры и творческого потенциала педагогов до и после эксперимента выявил, что развитие данных показателей

при условии наличия сопровождения инновационной деятельности происходит более интенсивно, чем без него.

Данный вывод наиболее приемлем для коллективных форм инновационной деятельности. В случае индивидуальной инновационной практики значительных отличий в динамике данных показателей не наблюдается. Так, согласно результатам исследования рост творческого потенциала педагогов, осуществляющих коллективную инновационную деятельность, имеет место в связи с реализацией процесса педагогического сопровождения инновационной деятельности: процент педагогов с высоким и уровнем выше среднего возраст к завершению преобразований. Анализ диагностических материалов показал, что в ДЮЦ ст-цы Ленинградской высоким уровнем творческого потенциала по большей части обладают педагоги, совмещающие работу в детских объединениях с методической деятельностью, а также педагоги-организаторы, т.е. специалисты, изначально обладающие творческим потенциалом. Общий уровень творческого потенциала во всех учреждениях стабильно высок, что соответствует специфическим особенностям системы: при отсутствии творческого потенциала педагоги не способны поддерживать интерес учащихся и достигать заданных педагогических целей.

Посредством тестирования был выявлен значительный рост методологической культуры педагогов в ЦВР г. Кореновска, где осуществлялась коллективная инновационная деятельность с применением системы педагогического сопровождения. Уровень методологической культуры на завершающих этапах исследования в этом учреждении достиг высоких значений: увеличение частоты встречаемости уровня методологической культуры выше среднего (73–91 балл) составило на завершающем этапе эксперимента 12,3%, высокого уровня методологической культуры (94–117 баллов) — 8,7%. Напротив, в ДЮЦ ст-цы Ленинградской (коллективная инновационная деятельность вне применения модели педагогического сопровождения) показатели зафиксированы преимущественно в средних значениях: 47–70 баллов с частотой примерно 50% на обоих этапах эксперимента с незначительным уменьшением на завершающем этапе. Анализ диагностических материалов показал, что высокий уровень методологической культуры в ДЮЦ ст-цы Ленинградской имеют педагоги, совмещающие работу в детских объединениях с деятельностью в методической службе учреждения, т.е. изначально обладающие необходимой теоретико-практической основой для успешной инновационной деятельности. Эти специалисты имеют высокие показатели по всем компонентам инновационной культуры, тогда как разрыв значений с остальной действующей частью педагогического коллектива выявляет проблему отсутствия должного педагогического сопровождения инновационной деятельности. В ЦВР г. Кореновска рост методологической культуры педагогов стабильно высок. Изучение роста методологической культуры педаго-

гов в учреждениях, применявших индивидуальные формы инновационной деятельности, подтвердило отсутствие резкого скачка положительных результатов.

Оценка эффективности процесса педагогического сопровождения при решении трудностей инновационной деятельности педагогов позволяет сделать вывод о том, что сопровождение инновационной деятельности помогает решать профессионально-личностные проблемы, с которыми неизбежно сталкиваются педагоги в своей деятельности. Это положительно сказывается на уровне мотивации и методологической культуры педагога, результатах его профессиональной практики. С целью отслеживания эффективности решения комплекса проблем инновационной деятельности мы изучили результаты анкетирования (анкеты «Готовность педагога к инновационной деятельности» Т. В. Гильмидиновой, Т. В. Морозовой и «Вопросы к собеседованию с педагогами дополнительного образования с целью анализа инновационной деятельности» Т. В. Гильмидиновой), экспертных оценок в «Картах образовательных дефицитов и затруднений инновационной практики педагога дополнительного образования» Т. В. Гильмидиновой. Полученные результаты доказывают эффективность реализации процесса педагогического сопровождения инновационной деятельности при решении проблем педагогов, но не во всех областях. Анализ диагностических материалов выявил, что в учреждениях, где реализуется коллективная ИД, наиболее значима положительная динамика под влиянием процесса сопровождения в сфере преодоления трудностей нормативно-правового характера (уменьшение на 17,4%), разработки и трансляции материалов ППО (уменьшение на 21,7%), при реализации образовательного процесса (уменьшение на 10,9%). В учреждении с индивидуальной формой ИД процесс педагогического сопровождения более всего способствовал решению трудностей, возникающих при разработке нового содержания образования (уменьшение на 21,7%) и образовательных дефицитов, непосредственно связанных с введением новшеств (уменьшение на 10,9). Причем было обнаружено, что без применения процесса ПС последние из указанных проблем у педагогов, реализующих индивидуальную ИД на завершающем этапе эксперимента, стали проявляться гораздо чаще (увеличение на 19,2%).

Реализация процесса педагогического сопровождения менее всего повлияла на решение проблем инновационной практики в тех областях, которые непрерывно подвергаются изменениям (трудности получения информации о новшествах в дополнительном образовании) или косвенно зависят от деятельности сопровождающих лиц. К ним относятся проблемы личностного характера — трудности педагогов, обусловленные социальным положением или проблемами здоровья (педагоги с большим стажем работы). Проблемы набора и сохранности контингента чаще всего отмечены у педагогов, не имеющих стабильной заинтересованности в новшествах, а проблемы материально-экономического характера — у педагогов с небольшим стажем работы.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: разработанная модель процесса педагогического сопровождения инновационной деятельности существенно повышает вероятность реализации инноваций в педагогической практике, что однозначно указывает на его эффективность. Причем данный факт обнаруживается независимо от типа инновационной деятельности, индивидуальной или коллективной. Установлено также, что коллективная инновационная деятельность при применении процесса сопровождения в плане реализации инновационных решений более продуктивна, чем индивидуальная. Это, видимо, объясняется влиянием строгой организации коллективной деятельности за счет педагогического сопровождения.

Выявлено, что процесс педагогического сопровождения существенно стимулирует мотивацию к инновационной деятельности, помогает решать профессионально-личностные проблемы, с которыми неизбежно сталкиваются педагоги в своей деятельности, и положительно сказывается на общем уровне развития инновационной культуры педагога, результатах его профессиональной практики.

Включение педагогов в систему сопровождения инновационной деятельности выступает определяющим фактором перехода от намерений использования новшеств к конкретным практическим действиям по реализации инновационных идей.

Эффективность процесса педагогического сопровождения обеспечивается за счет формирования такой среды педагогической деятельности, в которой обеспечивается реальная помощь при решении трудностей инновационной деятельности, сложившихся в образовательной системе, особенно трудностей при организации образовательного процесса, разработке нового содержания образования, реализации образовательного процесса, преодолении сложностей нормативно-правового характера, решении проблем, связанных с разработкой и трансляцией материалов передового педагогического опыта, а также устранении образовательных дефицитов.

Библиографический список

1. Анохин, П. К. (1978). *Избранные труды. Философские аспекты теории функциональных систем*. Москва: Наука.
2. Арламов, А. А. (1995). *Изучение опыта инновационной деятельности (подходы и технологии): пособие для учителей и организаторов инновационной деятельности*. Краснодар: Краснодарский экспериментальный центр развития образования.
3. Балакирев, А. Ф. (2000). *Затруднения учителей в инновационной деятельности*: дис. ... канд. пед. наук. Шуя.
4. Григорьева, С. Г. (2011). Сущность, содержание и структура формирования инновационной культуры будущего педагога в процессе профессиональной подготовки. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, 2 (70), 2, 52.

5. Кузьмина, Н. В. (2002). Понятие педагогической системы и критерии ее оценки. Н. В. Кузьмина (ред). *Методы системного педагогического исследования*. Москва: Народное образование.
6. Лисин, Б. К. (2008). Инновационная культура. *Социология инноватики*, 10. Режим доступа: <http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/0d592545e5d69ff3c32568fe00319ec1/c019257aefef127dac32577dc00493038?OpenDocument>
7. Ломов, Б. Ф. (1984). *Методологические и теоретические основы психологии*. Москва: Наука.
8. Морозова, Т. В. (2000). *Диагностика успешности учителя: сборник методических материалов для директоров и заместителей директоров учебных заведений, руководителей школ*. Москва: Педагогический поиск.
9. Найденова, З. Г. (2010). *Инновационное развитие региональной системы образования: гуманистический подход*: дис. ... д-ра пед. наук. Санкт-Петербург.
10. Николаев, А. И. (2001). Инновационное развитие и инновационная культура. *Наука та наукознавство*, 2, 54–65.
11. Попов, В. В. (2003). *Организационно-педагогические условия развития инновационного потенциала педагога в учреждении дополнительного образования детей*: дис. ... канд. пед. наук. Оренбург.
12. Сидоров, С. В. (2010). Сущность и основные компоненты инновационной культуры учителя. *Педагогическая наука и образование в России и за рубежом: региональные, глобальные и информационные аспекты*: электронный журнал, 1. Режим доступа: http://pi.sfedu.ru/pageloder.php?pagename=science/electronic_magazines/pedscience/2010/1/sidorov.
13. Слостенин, В. А., Подымова, Л. С. (1997). *Педагогика: Инновационная деятельность*. Москва: Магистр.
14. Остапенко, А. А. (2013). *Очевидная педагогика. Модульная наглядность в преподавании вузовского курса*. Москва: Народное образование.
15. Ткач, Д. С. (2007). *Организационно-педагогические условия формирования профессиональной компетентности педагога-психолога в комплексе «сельский педагогический лицей – педагогический вуз»*: канд. ... пед. наук. Краснодар.

Статья поступила в редакцию 26.01.2015.

.....

**PROCESSUAL MODEL OF THE PEDAGOGICAL SUPPORT FOR
THE TEACHERS' INNOVATION ACTIVITY IN THE INSTITUTIONS
OF THE SUPPLEMENTARY CHILDREN'S EDUCATION
AND EXPERIMENTAL STUDY OF ITS EFFICIENCY**

Bederkhanova V.P.

Bederkhanova Vera Petrovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: vpb57@mail.ru.

Gilmidinova Tatiana Viktorovna, Center for Supporting the Activity of the Educational and
Cultural Institutions, 301000, Russia, Tula region, Zaoksky village, str. Lenina, 39. E-mail:
jilandre@yandex.ru.

The authors attempt to answer the question what the process of pedagogical support for the teachers' innovative activity in the institutions of the supplementary children's education should be to improve the results of the innovative practice by taking into account its peculiarities, propose the processual model of such support and analyze the results of its implementation. Pedagogical support is considered as a specially organized process for the promotion of the team innovative activity or individual innovative activity, representing the cyclic interaction of its subjects, orienting on overcoming the educational shortages, solving professional and personal problems and difficulties of the teachers in the innovative practice and developing their innovative culture.

The described processual model of the pedagogical support for the innovative activity reflects the main stages of the pedagogical support. The scheme of the support subjects' contribution to solving the professional and personal problems of the teachers arising during their innovative activity was designed. The article analyzes the efficiency of the model implementation in the experimental groups of the institutions of the supplementary children's education; the results of the dynamics measurement of the innovative activity motives, the development of the level of the teachers' knowledge, abilities, and skills in the innovative activity, creative potential, methodological culture, and solution of the teaching problems are presented. The authors come to the conclusion that the process of the pedagogical support for the teachers' innovative activity (individual or in team) significantly influences its results, encourage the motivation to it, helps to solve professional and personal problems which the teachers inevitably face in their activity, and facilitates the development of their innovative culture, however the team innovative activity is more productive than the individual one by the application of the support process in the implementation of the innovative solutions.

Key words: team innovation activity, individual innovation activity, pedagogical support, a processual model, innovative culture, a pedagogical system.

References

1. Anokhin, P. K. (1978). *Izbrannye trudy. Filosofskie aspekty teorii funkcional'nykh system* [Best works. Philosophical Aspects of the Theory of Functional Systems]. Moscow: Nauka.
2. Arlamov, A. A. (1995). *Izuchenie opyta innovacionnoj dejatel'nosti (podhody i tehnologii): posobie dlja uchitelej i organizatorov innovacionnoj dejatel'nosti* [Studying the Experience of the Innovative Activity (Approaches and Technologies): guidelines for the teachers and organizers of the innovative activity]. Krasnodar: Krasnodar Experimental Center of the Education Development.
3. Balakirev, A. F. (2000). *Zatrudnenija uchitelej v innovacionnoj dejatel'nosti [Difficulties the Teachers Have in the Innovation Activity]*: Dissertation of Candidate of Pedagogical Sciences. Shuja.
4. Grigorieva, S. G. (2011). Sushhnost', sodержanie i struktura formirovaniya innovacionnoj kul'tury budushhego pedagoga v processe professional'noj podgotovki [Essence, Content and Structure of the Formation of the Future Teachers' Innovative Culture in the Professional Training]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ja. Jakovleva* [Bulletin of Chuvash State Pedagogical University, named after I. Ya. Yakovlev], 2 (70), 2, 52.
5. Kuzmina, N. V. (2002). Ponjatie pedagogicheskoy sistemy i kriterii ee ocenki [Notion of Pedagogical System and Criteria of its Assessment]. Edited by N. V. Kuzmina. *Metody sistemnogo pedagogicheskogo issledovanija* [Methods of the System-Based Pedagogical Research]. Moscow: Narodnoe obrazovanie.

6. Lisin, B. K. (2008). Innovacionnaja kul'tura [Innovative Culture]. *Sociologija innovatiki* [Sociology of Innovation Studies], 10. Retrieved from <http://innov.etu.ru/innov/archive.nsf/0d592545e5d69ff3c32568fe00319ec1c019257aefe127dac32577dc00493038?OpenDocument>
7. Lomov, B. F. (1984). *Metodologicheskie i teoreticheskie osnovy psihologii* [Methodological and Theoretical Principles of Psychology]. Moscow: Nauka.
8. Morozova, T. V. (2000). *Diagnostika uspešnosti učitelja* [Diagnostics of the Teachers' Success: collected book of the materials for directors and vice-directors of the educational institutions, and school principals]. Moscow: Pedagogičeskij poisk.
9. Naidenova, Z. G. (2010). *Innovacionnoe razvitie regional'noj sistemy obrazovanija: gumanističeskij podhod* [Innovative Development of the Regional Education System: Humanistic Approach: Dissertation of Candidate of Pedagogical Sciences]. St.-Petersburg.
10. Nikolaev, A. I. (2001). Innovacionnoe razvitie i innovacionnaja kul'tura. [Innovative Development and Innovative Culture]. *Nauka ta naukožnavstvo* [Science and Science Studies], 2, 54–65.
11. Popov, V. V. (2003). *Organizacionno-pedagogičeskie uslovija razvitija innovacionnogo potenciala pedagoga v uchreždenii dopolnitel'nogo obrazovanija detej* [Organizational and Pedagogical Conditions for the Development of the Teachers' Innovative Potential in the Institutions of the Supplementary Children's Education: Dissertation of Candidate of Pedagogical Sciences]. Orenburg.
12. Sidorov, S. V. (2010). Sushhnost' i osnovnye komponenty innovacionnoj kul'tury učitelja [Essence and Main Components of the Teachers' Innovative Culture]. *Pedagogičeskaja nauka i obrazovanie v Rossii i za rubežhom: regional'nye, global'nye i informacionnye aspekty* [Pedagogics and Education in Russia and Abroad: Regional, Global and Informational Aspects]: e-journal, 1. Retrieved from http://pi.sfedu.ru/pageloader.php?pagename=science/electronic_magazines/pedscience/2010/1/sidorov.
13. Slastenin, V. A., Podymova, L. S. (1997). *Pedagogika: Innovacionnaja dejatel'nost'* [Pedagogics: Innovative Activity]. Moscow: Magistr.
14. Ostapenko, A. A. (2013). *Očevidnaja pedagogika. Modul'naja nagljadnost' v prepodavanii vuzovskogo kursa* [Plain Pedagogics. Modular Visualization in Teaching the Courses in the Institutions of Higher Education]. Moscow: Narodnoe obrazovanie.
15. Tkach, D. S. (2007). *Organizacionno-pedagogičeskie uslovija formirovanija professional'noj kompetentnosti pedagoga-psihologa v komplekse "sel'skij pedagogičeskij licej – pedagogičeskij vuz"* [Organizational and Pedagogical Conditions for the Formation of the Educational Psychologists' Professional Competence in the Complex "Rural Pedagogical Lyceum (Secondary Educational Institution) – Pedagogical Institution of Higher Education]: Dissertation of Candidate of Pedagogical Sciences. Krasnodar.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ¹

Романова А.П., Бичарова М.М.

Романова Анна Петровна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: aromanova_mail@mail.ru.

Бичарова Мария Михайловна, Астраханский государственный университет, 414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: valkirija@inbox.ru.

Целью статьи является понятийный анализ проблемы культурной безопасности в российском дискурсе. Основная задача — на основе сравнительного анализа близкой терминологии в английском и российском научном дискурсе (culturalsafety, culturalsecurity, культурная безопасность) систематизировать накопленное знание и унифицировать понятийный аппарат; раскрыть основные характеристики понятия «культурная безопасность» и его операциональный смысл.

Учитывая сложность и дискуссионность проблемы культурной безопасности в отечественной литературе, использование методического инструментария продиктовано конкретными целями и задачами частного направления исследования. Методологической основой данного исследования послужили фреймовый анализ, сравнительный анализ отечественного научного дискурса и философская рефлексия вокруг правомерности применения самого понятия «культурная безопасность».

Если за рубежом есть сложившиеся школы, в том или ином виде анализирующие проблемы культурной безопасности (Копенгагенская и Парижская), то в отечественном научном дискурсе таких сложившихся школ пока нет. В статье показана дискуссионность данной проблемы для отечественного дискурса, связанная с проблемой культурной идентификации российского человека в связи с его промежуточным положением между восточной и западной культурами, проанализированы позитивная и негативная точки зрения как на использование самого термина, так и на анализ культурной ситуации в России в плане культурной безопасности. Авторами дана собственная дефиниция понятия «культурная безопасность», показана его многоплановость, раскрыта его эволюция, намечены основные концептуальные моменты создания российской школы культурной безопасности. Авторы предлагают на основе соединения регионального подхода Копенгагенской школы и фуконианских традиций Парижской школы собственную методологию исследования, основанную на концепте гетеротопии М. Фуко. Анализ особых регионов с точки зрения их гетерогенности, происходящей из поликультурного, особого геополитического и экономического пространств, позволяет расширить методологические рамки исследования и рассмотреть эти пространства в отличие от основных (мейнстримных, гомогенных) пространств. Это дает шанс выявить новые факторы и механизмы культурной динамики, которую ускоряют или замедляют разнообразие факторы (этнические, социальные, политические).

Ключевые слова: культура, культурная безопасность, массовая культура, гетеротопия, культурная идентичность.

¹ Исследование выполнено при поддержке РФНФ в рамках проекта 15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

Введение

«Культурная безопасность» — термин довольно новый и еще до конца не устоявшийся. Это инвариант более устойчивого и разработанного понятия — «безопасность». Практически все представители философской науки от Аристотеля до постмодернистов пытались рассматривать проблему безопасности, прежде всего, потому, что она является базовой, витальной как для отдельного индивида, так и для человечества в целом. В отечественной науке в последнее время появилось немало исследователей, анализирующих различные факторы и виды безопасности (Добренев, Агапов, 2011; Косов, Панин, 2014; Репко, 2012). И хотя сложившихся и признанных в мировом сообществе школ, аналогичных Копенгагенской (Busan, Wæver, 2003) и Парижской (Bigo, 2002; Bouteillet-Paquet, 2003), в российской науке пока нет, можно говорить о вполне сформировавшемся отечественном дискурсе по данной проблематике, который, с нашей точки зрения, носит весьма дискуссионный характер и может служить маркером отношения формирующегося гражданского общества к этой проблеме.

Цель данной статьи — провести понятийный анализ проблемы культурной безопасности в российском дискурсе. Основная задача — на основе сравнительного анализа близкой терминологии в английском и российском научном дискурсе (*culturalsafety*, *culturalsecurity*, культурная безопасность) систематизировать накопленное знание и унифицировать понятийный аппарат; раскрыть основные характеристики понятия «культурная безопасность» и его операциональный смысл, выявить различия в подходах к культурной безопасности в российском научном дискурсе.

Методы и подходы

Базовой методологией исследования культурной безопасности для нас является гетеротопный подход, что позволяет рассмотреть этот концепт как сложный, включающий в себя соотносительные понятия, порой наполненные взаимоисключающим смыслом.

Поскольку цель данной статьи — понятийный анализ концепта культурной безопасности, мы используем комплексную систему методов, в основе которой лежит сравнительная аналитика. Мы анализируем близкие к базовому понятию термины и рассматриваем их использование в отечественном дискурсе. Исследуя отечественный дискурс, мы вычленим основные подходы к интерпретации понятия «культурная безопасность» и границы допустимости его использования.

Для понимания сущности концепта «культурная безопасность» как инварианта «безопасности», на наш взгляд, уместно рассмотреть понятия «безопасность» и родственные ему английские «*safety*» и «*security*» с позиции когнитивной лингвистики.

Концепт как объект лингвокультурологического анализа представляет собой языковую форму, которая отражает структуру человеческого сознания, мышления и познания. Фрейм концепта и его характерные признаки дают нам доступ к когнитивным процессам и механизмам (Goffman, 1974). Понятия «безопасность», «safety» и «security» как объекты исследования когнитивной лингвистики имеют ряд особенностей. Во-первых, они отражают витальные характеристики человеческого бытия, они инвариантны и достаточно масштабны и варьируются от поля значения отдельного слова до картины мира; во-вторых, они характеризуются особой образностью, не имеющей собственных средств языкового выражения. Мы рассматриваем данные концепты как совокупности признаков в результате исследования синонимических рядов, показывающих множественность средств выражения одного и того же содержания, а также посредством описания внутренней формы слова, которая раскрывает отдельный признак объекта и особенности представления о нем, и через определение переносов признаков из одной концептуальной области в другую (Fillmore, 1975).

Методика, используемая нами для описания концепта, строится на выявлении признаков, формирующих его структуру — фрейм. Это позволяет получить информацию об этноспецифике отражения знаний и опыта в языке носителей той или иной культуры. В соответствии с данной методикой исследование проходит в несколько этапов (Пименова, 2001).

1. Изучается этимология слова-имени концепта, рассматривается история значений слова, выявляются мотивирующие признаки концепта.

2. Методом компонентного анализа исследуются словарные дефиниции слова-имени концепта и дефиниции слов синонимического ряда, в результате чего выявляются понятийные признаки.

3. Анализируется метафорическая сочетаемость, в результате которой выявляются образные признаки концепта.

4. На всех этапах исследования выделенные признаки концепта формируются в группы. Такие группы состоят из совокупности признаков, которые, объединяясь на основе родовой или видовой характеристики, выражают тот или иной способ концептуализации.

Количественная составляющая тех или иных признаков выявляется посредством изучения количественной представленности той или иной группы признаков в конкретных языковых ситуациях, относящихся к тем или иным сферам человеческой деятельности.

Изучая способы вербализации концептов «безопасность», «safety» и «security» в определенных коммуникативных ситуациях, а также исследуя паремии, отражающие образные признаки концептов, легко убедиться, что данные понятия служат ключевыми концептами в русскоязычном и англоязычном культурных пространствах. Этимологический анализ концепта позволяет вы-

<p>Мотивирующие признаки Без– отсутствие + опасность (осмотрительность, осторожность, опасение, охрана, охранное свидетельство, осторожность, порядочность, старательность) ← пасу, пасти (пасти, запас, спасти, подстергать, наблюдать, стеречь, сторожить) ← родст. пасти, кормить, корм скоту, охранять, питать, вскармливать, украшать,</p>				<p>Понятийные признаки Состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности Личная безопасность, имущественная безопасность, безопасность дорожного движения, безопасность труда, радиационная безопасность, общественная безопасность, коллективная безопасность, международная</p>			
соглядатай; цель (Этимологический словарь)				<p>Ядро</p> <p>Безопасность: отсутствие опасности, надежность, поддержка, гарантия, сохранение жизни и здоровья, сохранение материальных ценностей</p>		безопасность, секьюрити (служба безопасности), безопасность продукции, безопасность товара, пожарная безопасность, экономическая безопасность	
<p>Образные признаки (Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка) Отсутствие страха... Отсутствие чувства угрозы...</p>							
Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 4	Слот 5	Слот 6	Слот 7
Отсутствие угрозы для человека со стороны другого человека	Отсутствие опасности для человека со стороны окружающей среды (природы, животных)	Отсутствие страха за жизнь, отсутствие боязни смерти	Безопасное место (земля (суша), родина, родная страна, родная культура)	Безопасные условия труда, безопасный инструмент	Уверенность в будущем	Отсутствие угрозы со стороны представителей другой нации, культуры, религии	Безопасность как результат деятельности человека и то, что человек создает сам

Рис. 1. Фреймовая структура концепта «безопасность»

явить мотивирующие признаки, т.е. базовую метафору концепта, обусловившую модель смыслового развития концепта в языке, а анализ словарных дефиниций показывает часть признаковой структуры концепта, которая выявляется путем анализа значений слов — основных репрезентантов концепта.

Безопасность — это необходимое условие для дальнейшего развития цивилизации, потребность в безопасности возникает практически во всех областях человеческой деятельности. Широкая представленность концепта в различных контекстах, отражающих знания о безопасности, доказывает важность и высокое значение концепта во всех культурах. Результаты этимологического и понятийного исследований, а также ядро и основные элементы структуры изучаемых концептов отражены в рис. 1, 2, 3. Из рис. 1 и 2 понятно, что русское понятие «безопасность» близко по структуре и мотивационным признакам к английскому «security». В пользу этого говорит, во-первых, сложносоставная структура слов, а во-вторых описание мотивирующих признаков. «Безопасность»

<p>Мотивирующие признаки <i>(базовая метафора концепта, обусловившая модель смыслового развития концепта в языке)</i> Состояние защищенности, беззаботности, что-то, что охраняет, сохранность государства, человека и т.д., гарантия ← уверенность, надежность – отсутствие необходимости защиты, отсутствие угрозы, тина, спокойствие, от se- (отсутствие, скрытое) + care озабоченность (забота) ← care – забота, участие, беспокойство, медицинский уход</p>		<p>Понятийные признаки <i>(часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова – основного репрезентанта концепта)</i> Состояние отсутствия страха, за физическое, психологическое, эмоциональное финансовое благополучие Нечто, что защищает Организация или служба, обеспечивающая безопасность (Право) Гарантия выполнения обязательств</p>					
		<p>Ядро Security Благополучие, обеспеченность, обеспечение безопасности; защита; охрана, служба безопасности, чувство защищенности; уверенность; спокойствие</p>					
		<p>(Право) Отсутствие опасения (Финансы) Уверенность в сохранности инвестиций, сбережений (Финансы) Залог Беззаботность; полное спокойствие</p>					
<p>Образные признаки <i>(Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка)</i> Охрана, безопасность, риск, защита, укрытие, гвардия, оплот, охранник, полиция безопасности, безопасность окружающей среды, меры безопасности, проверка безопасности</p>							
Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 4	Слот 5	Слот 6	Слот 7
Охрана, человек, который охраняет	Отсутствие риска	Предотвращение опасности, первичные меры	Безопасность окружающей среды (от антропогенных факторов)	Сохранность, защищенность	Бережливость	Осторожность	Безопасность как результат деятельности человека – то, что человек создает сам

Рис. 2. Фреймовая структура концепта «security»

и «security» — это абстрактные понятия, отражающие чувства, состояние, эмоции человека, в то время как «safety» — это чаще физическое состояние либо местонахождение. Первоначальный смысл безопасности и security — это условие бытия, которое способен создать сам человек, а «safety» — это предмет, создающий такие условия. Вообще для концепта safety больше характерны предметно-функциональные признаки, формирующее ядро из конкретных объектов: «место», «предмет», «инструмент», в то время как безопасность и security формируют ядро с ключевыми понятиями «надежность», «поддержка», «гарантия», «забота», которые определяют дальнейшее их развитие как не вещественных, а абстрактных понятий: «состояние отсутствия угрозы в физическом, психологическом, эмоциональном или финансовом отношении».

Исследование образной национально-специфичной лексики показало низкую представленность концептов в чистом виде, однако широкая репрезентативность их синонимов и антонимов в поговорках (поговорах) и афо-

<p>Мотивирующие признаки <i>(базовая метафора концепта, обуславливающая модель смыслового развития концепта в языке)</i> Невредимость, сохранность; спасение; благополучие, уверенность, предохранитель ← неврeдимый – неповрежденный, целый, не пострадавший; отсутствие угрозы и страдания, в сохранности, защищенный; под наблюдением; уверенный в защите; в добром здравии; здоровый ← от лат. корня sol- и гр. holos – целый;</p>		<p>Понятийные признаки <i>(часть признаковой структуры, которая выявляется путем анализа значений слова – основного репрезентанта концепта)</i> Состояние пребывания в безопасности; уверенности. 'If you push it to the limit, safety is not guaranteed' – “Если нажать это до предела, безопасность не гарантирована” (Механика) Предохранитель, специальный механизм на инструменте или опасном оборудовании, разработанный для предотвращения случайного возгорания 'Be sure that the safety is set before proceeding' – “Удостоверься, что установлен предохранитель, перед началом работы” (Американский футбол) Момент, когда игрока нападения остановили с мячом в своей собственной очковой зоне защитой противника, или когда игрок нападения покинул поле с мячом в руках, находясь в своей очковой зоне (Merriam-Webster)</p>			
<p>невредимый, фр. 14 в. – спасенный, защищенный; оставшийся в живых, не убитый; отсутствие риска; уверенный, надежный, не в опасности; сохранный, осторожный (Online Etymology)</p>		<p>Ядро Safety Безопасное место, предохранение, предупреждение, защита</p>			
<p>Образные признаки <i>(Объективация признаков обосновывается, с одной стороны, ценностно-оценочными отношениями, которые воспроизводятся в каждом конкретном контексте, а с другой – степенью когнитивной выделенности и освоенности этих признаков носителями языка)</i></p> <p>Ремень безопасности, предохранитель, защитный занавес, защитное стекло, лампа безопасности, безопасность матча, подстраховка, офицер безопасности, английская булавка, безопасная бритва, предохранительный клапан, сейф</p>					
Слот 1	Слот 2	Слот 3	Слот 4	Слот 4	Слот 5
Безопасное место	Действия по предотвращению опасности, предохранение	Осторожность	Собственность, ценность	Предмет, обеспечивающий безопасность, предохранитель	Спасение от угрозы, избавление

Рис. 3. Фреймовая структура концепта «safety»

ризмах) позволяет приблизиться к традиционному пониманию безопасности, safety и security.

Доминирование в поговорках переносных образных значений, отправляющих к этническим особенностям, характерным житейским ситуациям и обстоятельствам, отражает языковое воплощение таких значимых для любого народа концептов.

В поговорках, содержащих представления о безопасности как safety выражается народная мудрость о том, как избежать опасности или противостоять ей. Они призывают к осторожности, бдительности, здравому смыслу, раскрывают положительное отношение к безопасности:

Caution is the parent of safety. — Семь раз отмерь, а один отрежь.
Better safe than sorry. — Береженого бог бережет.

Nothing like being on the safe side. — Болен — лечись, аздоров — берегись.

Это, возможно, и объясняет преобладание предметных признаков концепта: для того чтобы сделать свою жизнь безопаснее, необходимо создавать и использовать определенные вещи, предметы, обеспечивающие безопасность. Концепт *safety* чаще всего встречается в сочетании со словами, обозначающими предметы: *safety belt* — ремень безопасности, *safety curtain* — защитный занавес, *safety razor* — безопасная бритва.

Паремии, содержащие синонимы и антонимы концептов «безопасность» и «security», отражают сущность безопасности как состояния, т.е. демонстрации смелости и отваги людей, их стремления к риску:

Care killed a cat. — Забота и кошку уморит.

Care is no cure. — Снявши голову, по волосам не плачут.

What is done, cannot be undone. — Сделанного не воротить.

Концепты «безопасность» и «security» приобретают, таким образом, некую нравственно-оценочную составляющую: безопасность — это не жизненная цель человека ради безопасности физической, а некое эмоционально-психологическое состояние, способное изменяться, формироваться либо регрессировать в процессе социокультурных и психологических изменений состояния личности. Такие ярко выраженные антропоморфные признаки также проявляются в сочетаниях концептов со словами, обозначающими человека или группы людей: *Security Council* — Совет Безопасности ООН, *security guard* — охранник, *security police* — полиция безопасности.

Интересным представляется также изучение частотности употребления изучаемых концептов в конкретных коммуникативных ситуациях, касающихся определенных аспектов человеческой деятельности (рис. 4).

Из рис. 4 видно, что все три концепта чаще всего употребляются в коммуникативных ситуациях, отражающих военную тематику, причем концепт «security» преобладает. В контексте безопасности как таковой, т.е. состояния отсутствия угрозы, защищенности, концепт «safety» практически не представлен, в то время как частотность его употребления возрастает в таких сферах, как «техника», «нефть», «строительство» и «автоматика». Высокая частотность употребления концепта «safety» в указанных предметных областях говорит о преобладании предметных признаков концепта.

Интересно отметить преобладание концепта «security» в тематических сферах «экономика», «банковское дело», «юриспруденция», «деловая лексика», т.е. в сферах деятельности, требующих хороших коммуникативных навыков от тех, кто в этих сферах занят. Это также говорит в пользу преобладания антропоморфных признаков в концепте «security», что делает его близким к русскому концепту безопасности.

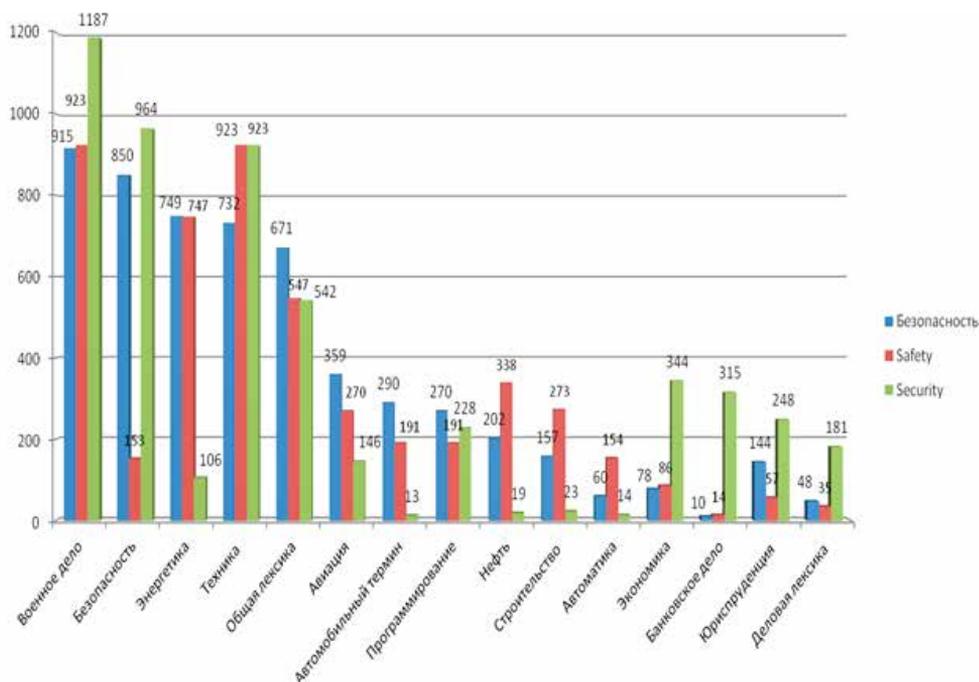

Рис. 4. Частотность употребления различных концептов

«Безопасность» и «культурная безопасность»: понятийный анализ

Проведенный нами фреймовый анализ позволяет выявить внутренние возможности, заложенные семантикой каждого понятия, и общекультурные параллеликонцепта безопасности в русском и английском, несмотря на языковые различия. Анализ общекommunikативного дискурса показывает доминирование военной тематики в его употреблении. В научном дискурсе вплоть до середины XX в. его военно-политический аспект рассматривался чуть ли не как единственный и остается определяющим во многих исследованиях и в настоящее время (Макаренко, Морозов, 2003; Кучерявый, 2010; Добренков, Агапов, 2011). Даже несмотря на то, что в последнее время социальные стороны безопасности становятся объектом пристального внимания и разработки, в отечественном научном и политическом дискурсе государственно-национальная безопасность по сути отождествляется с безопасностью как таковой. Сравнительный анализ различных понятий — безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность — составляет значительную часть отечественного дискурса (Заплатинский, 2006; Ситок, 2008; Демин, 2009; Гарина, 2010; Мусаэлян, 2010; Федотова, Рогов, 2014).

Интересующая нас множественность понятийных смыслов, зачастую базирующихся на разных основаниях, дает широкую возможность для научных

интерпретаций русского понятия «безопасность». В его основе лежит понятие «опасность», вернее ее отсутствие.

Итак, безопасность — это *состояние*: состояние *бытия* без угрозы или вреда (Caldwell, Williams, 2012), состояние *свободного выбора* и *осуществления* группой, общностью, народом, нацией своей стратегии международного поведения, духовного, социально-экономического и политического развития (Яновский, 1999), состояние *устойчивого функционирования и воспроизводства* социального объекта/субъекта, поддерживаемое с помощью особо организованной институциональной среды (Перепелкин, 1999).

Состояние *без опасности* — это прежде всего состояние *защищенности* от целого спектра внутренних и внешних угроз: ядерной атаки, терроризма, глобальных природных катастроф и т.д. (Возжеников, 2008). Именно это зафиксировано в «Законе РФ о безопасности» и в серии энциклопедических статей (Яновский, 2003; Бабосов, 2003). Состояние *без опасности* — это состояние устойчивости как системы в целом, так и отдельного индивида, которая включает в себя «совокупность специальных мер по сохранению целостности, относительной самостоятельности и устойчивости» (Молчановский, 1997).

Однако надо учитывать, что понятие «безопасность» (security), впрочем, как и его альтернатива «небезопасность» (insecurity), представляет собой сугубо социальный конструкт. Само понятие безопасности, несмотря на его очевидность, меняется в зависимости от многих факторов — географических, экономических и др. Безопасность африканца или европейца — не тождественные понятия (Caldwell, Williams, 2012). Они не тождественны по своему содержанию, по формам ее обеспечения, по конкретным ситуациям опасности, которые заставляют нас о ней задуматься. Безопасность африканца будет в той же мере замыкаться на его основные бытийные характеристики, может количественные, но не качественные. К каким-то бытийным проявлениям он будет более незащищенным, чем мы, хотя сам набор угроз будет неизменным.

Безопасность зависит от вызовов и угроз, которые возникают в процессе человеческой жизнедеятельности. С появлением новых угроз, таких как пандемии искусственно выращенных вирусов, террористическая опасность, проблемы в экологической сфере и т.д., меняется и понятие безопасности. Кроме того, формируется серия понятий, связанных с безопасностью и отражающих те или иные ее стороны. Подробно локальные определения безопасности (глобальная или международная безопасность, национальная безопасность, государственная безопасность, социальная безопасность, духовная безопасность и т.д.) проанализированы нами ранее и в данном случае не требуют особого рассмотрения (Романова, Мармилова, 2008).

Таким образом, мы видим, что социальный и общекультурный контексты нашего бытия влияют на наше восприятие безопасности. Более того, с точки зрения представителей копенгагенской школы, необходимо учитывать, что во

многом концепция безопасности определяется тем речевым актом, в котором ее артикулируют (Buzan, Lene, 2008). В зависимости от угроз, перед которыми встает каждое поколение и каждое сообщество, они нуждаются в новой артикуляции и новых смыслах безопасности. Поэтому в ряду многочисленных более узких концептов безопасности особое место начинает занимать концепт «культурная безопасность», сформированный в зарубежном дискурсе к концу XX в.

Поскольку в английском языке употребляются два термина, определяющие безопасность, то соответственно появились и два понятия «cultural safety» и «cultural security». Первый термин возник в процессе работы с аборигенным населением Новой Зеландии и формированием системы медсестринского и акушерского обслуживания, когда стало понятно, что в процессе этой деятельности необходимо знать и учитывать традиции и обычаи народов, которым оказывается соответствующая медицинская помощь.

Согласно проделанному нами фреймовому анализу ядром концепта «safety» является безопасное *место*. Базовый момент в этом концепте — среда, комфортная для людей, в которой отсутствуют угрозы их культурной идентичности и их нуждам (Williams, 1999). Трактовалось это понятие и как деятельность, которая поддерживает эту среду и основана на уважении и доверии к культурной идентичности аборигенных народов (Cultural safety, 2002). В понятие «cultural safety» входило также знание и понимание основ культурного бытия народов, с которыми соприкасались медицинские работники, — «cultural awareness». Таким образом, в основе концепта «cultural safety» лежит идея сохранения культурной целостности, что подтверждается и базовой метафорой концепта — невредимость, сохранность.

Термин «cultural security» отличается от понятия «cultural safety» — имеет более формализованный юридический смысл. Это прежде всего защита, обеспечение, гарантия, охрана. Как показывает фреймовый анализ, именно эти термины служат ядром данного концепта. В процессе обеспечения «cultural security» культурные потребности становятся объектом политических решений, которые должны обеспечить любому гражданину равные права для их удовлетворения.

Чтобы показать на практике различия между этими понятиями и их внутреннюю взаимосвязь, Дж. Коффин (Coffin, 2007) приводит блок примеров, в которых лечащий врач восьмилетнего аборигенного мальчика пытается прокомментировать их значение. Уровень обеспечения «cultural awareness» требует от медицинского работника знания о том, что аборигены имеют довольно разветвленные семьи, каковой является и семья мальчика. На уровне «cultural safety» медицинский работник проявляет заботу о семье и передает указания по лечению мальчика не только его маме, но и родственникам, у которых тот часто проживает. На уровне «cultural security» медработник пишет объяснительную записку по уходу за мальчиком и просит специального сотрудника разъяснить им назначение, заставляет его составлять официальные бумаги, связанные со

здоровьем мальчика, и осуществляет контроль за процедурой. Таким образом, достижение «cultural security» по отношению к аборигенам невозможно без осуществления первых двух стадий. Однако последние годы термин «cultural security» выходит за рамки безопасности локальных этносов (minority), требующих сохранения, и приобретает все более глобальный смысл, особенно в рамках российского дискурса.

В отечественной литературе термин «культурная безопасность» трактуется весьма широко, культура рассматривается не только как объект, но и как фактор обеспечения безопасности. Более того, здесь возможна некая терминологическая путаница. Существует несколько близких терминов, которые тем не менее имеют специфические характеристики. Так, культурная безопасность, безопасность культуры, и культура безопасности могут носить различную смысловую нагрузку, а могут пониматься и как синонимы. Эти термины в последнее время стали появляться и в публицистике, и в научной литературе, где иногда даже предлагаются варианты его дефиниции, но разграничение понятий до конца так и не проведено.

Однако в настоящее время этот термин прочно вошел в научный оборот и в отечественной науке (Маршак, Сергеев, 2008; Ширяев, 2009; Разлогов, 2008; Разлогов, 2009; Романова, Якушенок, Хлыщева, Топчиев, 2013; Рябченко, 2013; Филимонов, 2010). Он используется для анализа целого ряда проблем: от сохранения культурного наследия и защиты его от фальсификации и уничтожения (Сараф, 2010) до сохранения культурной идентичности в поле постоянно возникающих этнополитических конфликтов (Ширяев, 2009).

Культурная безопасность — термин более широкий и всеобъемлющий. С юридической точки зрения культурная безопасность рассматривается как «состояние защищенности личности, общества, государства и его территорий от внутренних и внешних угроз в вопросах культурного развития, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» (Сазонникова, 2011).

С философской позиции некоторые исследователи, например Ю. В. Фетисова, пытаются уйти от традиционного понимания безопасности как отсутствия опасности. Они акцентируют внимание на процессуальности идеи безопасности, подчеркивая, что данный феномен реально существует только в процессуально-деятельностном аспекте. В этом случае безопасность как таковую предлагается считать «культурным концептом, присущим человеческой культуре на всех этапах ее истории, но вариативным по содержанию, которое производно от культурно-исторических и социокультурных обстоятельств» (Фетисова, 2009).

Часто культурную безопасность дефинируют как «общественную и культурную безопасность» или «социокультурную безопасность», что по сути пробле-

мы не меняет, а вносит терминологический хаос в исследуемую проблематику. Общественную и культурную безопасность определяют как защищенность культурного многообразия меньшинств и защиту общественного развития от деструктивных тенденций (сохранность культурного своеобразия), а социокультурную — как благоприятные условия для социально-духовного развития личности.

Попытаемся дать комплексное определение культурной безопасности. Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Это и защита культуры от угроз, и одновременно создание условий для ее гармоничного развития. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Вполне справедливо в этом случае замечание А.Я. Флиера о том, что по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными (Флиер, 1998).

Выводы

В широком разбросе аспектов исследования культурной безопасности в России (информационных, правовых, философских, культурно-досуговых) можно проследить несколько подходов к ее интерпретации и одновременно к статусу и перспективам российской культуры. В основе этих подходов лежат многовариантность дефиниции понятия «культурная безопасность» и извечная проблема традиций и инноваций в культуре как таковой, а понятие культурной безопасности коррелируется именно с признанием или отрицанием инновационного характера современной культуры.

Первый подход характеризуется *критичным* восприятием как самого термина «культурная безопасность», так и перспектив его использования в научном дискурсе. Не оспаривая факт существования термина «культурная безопасность», далеко не все исследователи признают его функциональную необходимость. В данном подходе этот термин имеет отрицательную коннотацию, поскольку сама культурная безопасность понимается как вмешательство в естественное развитие любой культуры политическими или организационными методами. Сторонник такого подхода, известный отечественный культуролог К. Разлогов считает призывы к культурной безопасности по сути попытками законсервировать национальную культуру на уровне лучших образцов прошлого, а это ведет к жесткому отрицанию современной массовой культуры. С его точки зрения, «культура сама по себе консервативна, и она сама себя спасет. Но если

мы не будем думать о развитии, то мы зациклимся. А любая система, ориентированная только на самосохранение, обречена» (Разлогов, 2008).

Сторонники *второго подхода* не только полностью принимают термин «культурная безопасность», но и активно им оперируют. Чаще всего в рамках такого подхода это понятие употребляется по отношению к отечественной культуре, к перспективам ее растворения в западной, в так называемом мас-скульте. Отечественная культура маркируется как православная, основанная на традиционных ценностях. Для сторонников такого подхода любая инновация в культуре связана с опасностью ее дестабилизации и разрушения. Как полагают сторонники данного подхода, в силу этого пришло время перейти к формированию государственной системы, способной регулировать процессы в этой сфере, эффективно противодействовать экспансии масс-культуры, моральному, нравственному, культурному разложению нации (Душина, Бокачев, 2011). Собственно эта система именуется «культурной безопасностью».

Сторонники *третьего подхода* предполагают, что главная проблема состоит в двойственности любой национальной культуры. С одной стороны, «национальная культура всегда в той или иной степени открыта для культурного обмена. И как бы она ни была уникальна, самобытна, она постоянно, так или иначе, связана с культурами других народов, с мировой культурой, обогащается сама их ценностями, опытом, идеями, инновациями...». С другой стороны, «культурный взаимообмен предполагает сохранение их уникальности, самостоятельности» (Маршак, Сергеев, 2008). Сторонники данного подхода считают понятие культурной безопасности функциональным, многоаспектным и отражающим социокультурные возможности общества, направленные как на преодоление всех видов опасности (риски, угрозы, вызовы), так и на создание благоприятных условий для культурной жизни общества.

Авторы статьи, активно развивая теорию культурной безопасности в целой серии публикаций (Романова, 2012; Романова, 2013; Романова, Топчиев, 2013; Романова, Хлыщева, Якушенков, Топчиев, 2013), не рассматривают культурную безопасность как инструмент государственной политики, направленной на искоренение любых инноваций и насильственную консервацию традиционных аспектов любой культуры, в том числе и российской. Мы подходим к культурной безопасности как системе внутренней саморегуляции и стабилизации общества, направленной на ее развитие и сохранение одновременно.

Библиографический список

1. Бабосов, Е. М. (2003). *Безопасность. Энциклопедия социологии*. Москва: Книжный Дом.
2. Возжеников, А. В. (2008) и др. *Глобальные вызовы, угрозы и опасности современности. Приоритеты политики обеспечения национальной безопасности России*. Москва: Российская акад. гос. службы при Президенте Российской Федерации.

3. Волова, Л. А. (2012). Диалог как способ обеспечения социокультурной безопасности российского поликультурного региона (на примере Северного Кавказа). *Научные проблемы гуманитарных исследований*, (2), 255–262.
4. Гарина, О. В. (2010). К вопросу о соотношении понятий «безопасность» и «национальная безопасность» Российского государства. *Вестник Московского университета МВД России*, (1), 85–86.
5. Даль, В. И. (2001). *Толковый словарь русского языка. Современная версия*. Москва: ЭКСМО-Пресс.
6. Демин, И. В. (2009). Сущность и содержание понятий «безопасность», «общественная безопасность» и национальная безопасность». *Вестник Екатеринбургского института*, (1), 29–30.
7. Добренков, В. И., Агапов, П. В. (2011). *Война и безопасность России в XXI веке*. Москва: Альма Матер.
8. Дорошук, Е. С. (2014). Содержательная характеристика культурной безопасности в контексте проблематики медиаконтента. В Е. С. Дорошук (ред.) *Медиаобразы культуры в современном информационном пространстве: сборник научных статей* (с. 82–91). Казань: Изд-во Казанского ун-та.
9. Душина, Т., Бокачев, И. (2011). Актуализация безопасности духовной культуры Российского общества. *Власть*, (1), 93–96.
10. Заплатинский, В. М. (2006). Терминология науки о безопасности. *Zbornik prispevkov z mednarodnej vedeckej konferencie «Bezhecnostna veda a bezpecnostne vzdelanie»*. Liptovsky Mikulas: AOS v Liptovskom Mikulasi.
11. Кучерявый, М. М. (2010). *Военная безопасность России. Монография*. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.
12. Макаренко, И. К., Морозов, В. С. (2003). *Военная безопасность государства: сущность, структура и пути обеспечения на современном этапе*. Москва: Изд-во РАГС.
13. Маршак, А. Л., Сергеев, В. В. (2008). *Культурная безопасность московского мегаполиса*. Москва: Серебряные нити.
14. Молчановский, В.Ф. (1997). Безопасность — атрибут социальной системы. В сб. *Анализ систем на пороге 21-го века: теория и практика: материалы международной конференции* (с. 170–177). Москва: Интеллект.
15. Мусаэлян, М. Ф., Мусаэлян, И. Ф. (2010). Понятия «национальная безопасность» и «общественная безопасность» и их соотношение. *Национальная безопасность*, (3), 72–77.
16. Перепелкин, Л. (2000). Государственная национальная политика и проблемы безопасности в этнической сфере. *Конфликт — диалог — сотрудничество*, (2), 9–13.
17. Пименова, М. В. (2001). *Концепты внутреннего мира человека (русско-английские соответствия)*. (Докторская диссертация). Санкт-Петербург.
18. Разлогов, К. Э. (2008, 8 Декабря). Культурная опасность. *Компания* (еженедельник). Москва.
19. Разлогов, К. Э. (2010). Российская культура: развитие или безопасность — что важнее? Выступление на Московском форуме культуры (1 июля 2010 г.). *Культурологический журнал*, (2). Режим доступа http://crjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf

20. Романова, А. П. (2012) Культурная безопасность как предмет философских дискуссий. *Гуманитарные исследования*, (4), 255–259.
21. Романова, А. П. (2013). Культурная безопасность и страх перед Чужим. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, (2), 228–237.
22. Романова, А.П. Топчиев, М.С. (2013). Трансформация системы культурной безопасности на Юге России через призму взаимоотношений с другим этносом. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, (9), 15–20.
23. Романова, А. П., Мармилова, В.О. (2008). Культурная безопасность как важнейший фактор национальной безопасности. *Человек. Сообщество. Управление*, (2), 84–94.
24. Романова, А. П., Якушенков, С. Н., Хлыщева, Е. В., Топчиев, М. С. (2013). *Чужой и культурная безопасность. Монография*. Москва: РОССПЭН.
25. Рябченко, Н. П. (2013). Проблема культурной безопасности России. *Россия и АТР*, (2), 159–173.
26. Сазонникова, Е. В. (2011). Культурная безопасность как вопрос правовой политики: понятие и содержание. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, № 5 (11), 168–170.
27. Сараф, М. Я. (2010). Вопросы защиты безопасности национального культурного пространства. *Ценности и смыслы*, 5 (8).
28. Сипок, Р. Д. (2008). О содержании понятий «безопасность» и «национальная безопасность». *Вестник Российского государственного аграрного заочного университета*, (5), 249–252.
29. Федотова, Ю. Г., Рогов, А. С. (2014). О категориях «конституциональная безопасность» и «национальная безопасность» терминологический анализ. *Государственная служба*, (3), 6–9.
30. Фетисова, Ю. В. (2009). Безопасность и культурный контекст: к обоснованию понятия «культура безопасности». *Омский научный вестник*, (3), 98–100.
31. Филимонов, Г. Ю. (2010). Стратегия национальной культурной безопасности и «мягкая сила» современной России. *Вестник РУДН. Сер. Международные отношения*, (3), 61–72.
32. Флиер, А. Я. (1998). Культура как фактор национальной безопасности. *Общественные науки и современность*, (3), 181–187.
33. Ширяев, В. П. (2009). Антиномии культурной безопасности. *Власть*, (10), 98–100.
34. Этимологический словарь русского языка. Режим доступа: <http://etymological.academic.ru/>
35. Яновский, Р. Г. (1999). *Глобальные изменения и социальная безопасность*. Москва.
36. Яновский, Р. Г. (2003). Безопасность. *Глобалистика: энциклопедия* (с. 63). Москва.
37. Bigo, D. (2002). Security and immigration: Toward a critique of the governmentality of unease. *Alternatives*, 27, 63–92.
38. Bigo, D., Guild, E. (2005). *Controlling Frontiers. Free Movement into and within Europe*. Ashgate: Hants and Burlington.
39. Bouteillet-Paquet, D. (2003). Passing the buck: A critical analysis of the readmission policy implemented by the European Union and its member states. *European Journal of Migration and Law*, 5 (3), 359–377.

40. Buzan, B., Lene Hansen (2008). *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
41. Buzan, B., Wæver, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
42. Caldwell, D., Williams, R. E. Jr. (2012). *Seeking Security in an Insecure World*. New York: Rowman & Littlefield Publishers.
43. *Cultural safety. Valuing difference, avoiding assumptions communication* (2003). New York.
44. Coffin, J. (2007). Rising to the Challenge in Aboriginal Health by Creating Cultural Security. *Aboriginal & Islander Health Worker Journal*, 31(3), 22–24.
45. Merriam-Webster Dictionary. Retrieved from <http://www.merriam-webster.com>
46. Online Etymology Dictionary Retrieved from <http://www.etymonline.com/>
47. Williams, R. (1999). Cultural Safety — what does it mean for our work practice? *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 23(2), 213–214.

Статья поступила в редакцию 24.01.2015.

.....

THE PROBLEM OF CULTURAL SECURITY IN SCIENTIFIC DISCOURSE

Romanova A.P., Romanova A.P.

Romanova Anna Petrovna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia,
str. Tatishcheva, 20a. E-mail: aromanova_mail@mail.ru.

Bicharova MariaMihajlovna, Astrakhan State University, 414056, Astrakhan, Russia,
str. Tatishcheva, 20a. E-mail: valkirija@inbox.ru.

The aim of the research is in conceptual analysis of the problem concerning cultural security in Russian discourse. The main task is to systematize in terms of comparative analysis of close terminology in English and Russian scientific discourses (“cultural safety”, “cultural security”, “safety of culture” “kulturnaya bezopasnost”, “bezopasnost culture”, “kultura bezopasnosti”) the store of knowledge and unify the notional instrument. Besides the main characteristics of the notion “cultural security” and its operational sense are to be revealed.

Taking into account the complexity and contradictoriness of the problem of cultural security the methodology choice is dictated by definite aims and objectives of particular study. The methodology of the present research is comparative analysis of Russian scientific discourse and frame-based interpretation through philosophical introspection on validity of usage of the notion “cultural security” itself.

There are existing Western schools analyzing the problems of cultural security in this or that way such as Copenhagen and Paris ones, however there are no such schools in Russian scientific discourse. The argumentativeness of the given problem for Russian discourse is shown. It is connected with the question of cultural identification of Russian man who is between Eastern and Western cultures. The positive and negative points of view on use of the term itself and analysis of cultural situation in Russia in the frameworks of cultural security are reviewed.

The authors give their own definition of the notion “cultural security”. Its multidimensionality is shown, the evolution is revealed and some general conceptual moments for creation of Russian school of cultural security. The authors suggest their own investigation methodology built upon regional approach of Copenhagen school and Foucault’s traditions of Paris and based on concept of heterotopy of M. Foucault. The study of special regions from the viewpoint of their heterogeneity coming from poly-cultural, peculiar geopolitical and economical

spaces allows to widen the methodological frameworks and look at these spaces in their difference from general (mainstream, homogeneous) ones. It gives a chance to find new factors and mechanisms of cultural dynamics, which is fastened or reduced by many various factors as ethnic, social and politic ones.

Key words: culture, cultural safety, cultural security, mass culture, cultural identity, heterotopy.

References

1. Babosov, E. M. (2003). Bezopasnost' [Safety]. *Enciklopediya sociologii* [Encyclopedia of sociology]. Moscow: Knizhnyj Dom.
2. Bigo, D. & Guild, E. (2005). *Controlling Frontiers. Free Movement into and within Europe*. Ashgate: Hants and Burlington.
3. Bigo, D. (2002). Security and immigration: Toward a critique of the governmentality of unease. *Alternatives*, 27, 63–92.
4. Bouteillet-Paquet, D. (2003). Passing the buck: A critical analysis of the readmission policy implemented by the European Union and its member states. *European Journal of Migration and Law*, 5 (3), 359–377.
5. Buzan, B. & Lene Hansen (2008). *The Evolution of International Security Studies*. Cambridge: Cambridge University Press.
6. Buzan, B. & Wæver, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Security*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Caldwell, D. & Williams, R. E. Jr. (2012). *Seeking Security in an Insecure World*. New York: Rowman & Littlefield Publishers.
8. *Cultural safety. Valuing difference, avoiding assumptions communication* (2003). New York.
9. Cipok, R. D. (2008). O sodержanii ponyatiy "bezopasnost'" i "natsional'naya bezopasnost'" [About the content of the concepts "safety" and "national security"]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo agrarnogo zaochnogo universiteta* [Bulletin of the Russian state agricultural correspondence university], (5), 249–252.
10. Coffin, J. (2007). Rising to the Challenge in Aboriginal Health by Creating Cultural Security. *Aboriginal & Islander Health Worker Journal*, 31(3), 22–24.
11. Dal', V. I. (2001). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka. Sovremennaya versiya* [Explanatory dictionary of Russian. Modern version]. Moscow: EKSMO-Press.
12. Demin, I. V. (2009). Sushchnost' i sodержanie ponyatiy "bezopasnost'", "obshchestvennaya bezopasnost'" i natsional'naya bezopasnost'" [Essence and content of the concepts "safety", "public safety" and national security"]. *Vestnik Ekaterininskogo institute* [Bulletin of Ekaterininsky institute], (1), 29–30.
13. Dobren'kov, V. I. & Agapov, P. V. (2011). *Voyna i bezopasnost' Rossii v KhKh1 veke* [War and safety of Russia in the XXI century]. Moscow: Al'ma Mater.
14. Doroshchuk, E. S. (2014). Soderzhatel'naya kharakteristika kul'turnoy bezopasnosti v kontekste problematiki mediakontenta [The substantial characteristic of cultural safety in the context of media content perspective]. In E. S. Doroshchuk (red.) *Mediaobrazy kul'tury v sovremennoy informatsionnom prostranstve: sbornik nauchnykh statey* [Media images of culture in modern information space: collection of scientific articles] (pp. 82–91). Kazan: Kazan university Publ.

15. Dushina, T. & Bokachev, I. (2011). Aktualizatsiya bezopasnosti dukhovnoy kul'tury Rossiyskogo obshchestva [Updating of safety of spiritual culture of the Russian society]. *Vlast'* [Power], (1), 93–96.
16. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of Russian]. Retrieved from <http://etymological.academic.ru/>
17. Fedotova, Yu. G. & Rogov, A. S. (2014). O kategoriakh "konstitutsional'naya bezopasnost'" i "natsional'naya bezopasnost'" terminologicheskii analiz [About the categories "constitutional safety" and "national security" terminological analysis]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public service], (3), 6–9.
18. Fetisova, Yu. V. (2009). Bezopasnost' i kul'turnyy kontekst: k obosnovaniyu ponyatiya "kul'tura bezopasnosti" [Safety and cultural context: to justification of the concept "culture of safety"]. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk scientific bulletin], (3), 98–100.
19. Filimonov, G. Yu. (2010). Strategiya natsional'noy kul'turnoy bezopasnosti i "myagkaya sila" sovremennoy Rossii [Strategy of national cultural security and "soft force" of modern Russia]. *Vestnik RUDN. Ser. Mezhdunarodnye otnosheniya* [RUDN bulletin. International relations Ser.], (3), 61–72.
20. Flier, A. Ya. (1998). Kul'tura kak faktor natsional'noy bezopasnosti [Culture as factor of national security]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and present], (3), 181–187.
21. Garina, O. V. (2010). K voprosu o sootnoshenii ponyatiy "bezopasnost'" i "natsional'naya bezopasnost'" Rossiyskogo gosudarstva [To a question of a ratio of the concepts "safety" and "national security" of the Russian state]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia], (1), 85–86.
22. Kucheryavyy, M. M. (2010). *Voennaya bezopasnost' Rossii. Monografiya* [Russia's military security. Monograph]. Ekaterinburg: of the Ural university Publ.
23. Makarenko, I. K. & Morozov, V. S. (2003). *Voennaya bezopasnost' gosudarstva: sushchnost', struktura i puti obespecheniya na sovremennom etape* [Military safety of the state: essence, structure and ways of providing at the present stage]. Moscow: RAGS Publ.
24. Marshak, A. L. & Sergeev, V. V. (2008). *Kul'turnaya bezopasnost' moskovskogo megapolisa* [Cultural safety of the Moscow megalopolis]. Moscow: Serebryanye niti.
25. Merriam-Webster Dictionary. Retrieved from <http://www.merriam-webster.com>
26. Molchanovskiy, V. F. (1997). Bezopasnost' — atribut sotsial'noy sistemy. In *Analiz sistem na poroge 21-go veka: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Safety — attribute of social system. The analysis of systems before 21 centuries: theory and practice: materials of the international conference] (pp. 170–177). Moscow: Intellekt.
27. Musaelyan, M. F. & Musaelyan, I. F. (2010). Ponyatiya "natsional'naya bezopasnost'" i "obshchestvennaya bezopasnost'" i ikh sootnoshenie [Concepts "national safety" and "public safety" and their ratio]. *Natsional'naya bezopasnost'* [National security], (3), 72–77.
28. Online Etymology Dictionary Retrieved from <http://www.etymonline.com/>
29. Perepelkin, L. (2000). Gosudarstvennaya natsionalnaya politika i problemy bezopasnosti v etnicheskoy sfere [State National Policy and Security Issues in the Ethnic Sphere]. *Konflikt — dialog — sotrudnichestvo* [Conflict — Dialogue — Cooperation], (2), 9–13.

30. Pimenova, M. V. (2001). *Kontsepty vnutrennego mira cheloveka (russko-angliyskie sootvetstviya)* [Concepts of an interior (Russian-English compliances)]. (Doctoral dissertation). St. Petersburg.
31. Razlogov, K. E. (2008, December 8). Kul'turnaya opasnost' [Cultural danger]. *Kompaniya (ezhenedel'nik)* [Company (weekly)]. Moscow.
32. Razlogov, K. E. (2010). Rossiyskaya kul'tura: razvitie ili bezopasnost' — chto vazhnee? Vystuplenie na Moskovskom forume kul'tury (1 iyulya 2010 g.) [Russian culture: development or safety — what it is more important? The report at the Moscow culture forum (on July 1, 2010)]. *Kul'turologicheskiy zhurnal* [Culturological magazine], (2). Retrieved from http://crjournal.ru/files/file/02_2011_20_42_17_1297964537.pdf
33. Romanova, A. P. & Marmilova, V. O. (2008). Kul'turnaya bezopasnost' kak vazhneyshiy faktor natsional'noy bezopasnosti [Cultural safety as the most important factor of national security]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (2), 84–94.
34. Romanova, A. P. & Topchiev, M. S. (2013). Transformatsiya sistemy kul'turnoy bezopasnosti na Yuge Rossii cherez prizmu vzaimootnosheniy s drugim etnosom [Transformation of system of cultural safety in the South of Russia through a prism of relationship with other ethnoses]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [News of the Volgograd state pedagogical university], (9), 15–20.
35. Romanova, A. P. (2012) Kul'turnaya bezopasnost' kak predmet filosofskikh diskussiy [Cultural safety as subject of philosophical discussions]. *Gumanitarnye issledovaniya* [Humanitarian researches], (4), 255–259.
36. Romanova, A. P. (2013). Kul'turnaya bezopasnost' i strakh pered Chuzhim [Cultural safety and fear of the Stranger]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: policy, economy, culture], (2), 228–237.
37. Romanova, A. P., Yakushenkov, S. N., Khlyshcheva, E. V. & Topchiev, M. S. (2013). *Chuzhoy i kul'turnaya bezopasnost'. Monografiya* [Stranger and cultural safety. Monograph]. Moscow: ROSSPEN.
38. Ryabchenko, N. P. (2013). Problema kul'turnoy bezopasnosti Rossii [Problem of cultural safety of Russia]. *Rossiya i ATR*, (2), 159–173.
39. Saraf, M. Ya. (2010). Voprosy zashchity bezopasnost' natsional'nogo kul'turnogo prostanstva [Questions of protection safety of national cultural space]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings], 5 (8).
40. Sazonnikova, E. V. (2011). Kul'turnaya bezopasnost' kak vopros pravovoy politiki: ponyatie i sodержanie [Cultural safety as question of legal policy: concept and contents]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice], 5 (11), 168–170.
41. Shiryaev, V. P. (2009). Antinomii kul'turnoy bezopasnosti [Antinomy of cultural safety]. *Vlast'* [Power], (10), 98–100.
42. Volova, L. A. (2012). Dialog kak sposob obespecheniya sotsiokul'turnoy bezopasnosti rossiyskogo polikul'turnogo regiona (na primere Severnogo Kavkaza) [Dialogue as a way of ensuring sociocultural safety of the Russian polycultural region (on the example of the North Caucasus)]. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy* [Scientific problems of humanitarian researches], (2), 255–262.

43. Vozzhenikov, A. V. (2008) & etc. *Global'nye vyzovy, ugrozy i opasnosti sovremennosti. Prioritety politiki obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii* [Global challenges, threats and dangers of the present. Priorities of policy of ensuring national security of Russia]. Moscow: Publ. of the Russian academy of public service at the President of the Russian Federation.
44. Williams, R. (1999). Cultural Safety — what does it mean for our work practice? *Australian and New Zealand Journal of Public Health*, 23(2), 213–214.
45. Yanovskiy, R. G. (1999). *Global'nye izmeneniya i sotsial'naya bezopasnost'* [Global changes and social safety]. Moscow.
46. Yanovskiy, R. G. (2003). Bezopasnost' [Safety]. *Globalistika: entsiklopediya* [Global studies: encyclopedia] (p. 63). Moscow.
47. Zaplatinskij, V. M. (2006). Terminologiya nauki o bezopasnosti [Terminology of science of safety]. *Zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie "Bezhecnostna veda a bezpečnostne vzdelanie"*. Liptovsky Mikulas: AOS v Liptovskom Mikulasi.

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ И ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ В ТРЕТЬИХ СТРАНАХ: ИНСТРУМЕНТЫ И МЕХАНИЗМЫ¹

Харитонов Е.М.

Харитонов Е.М., Институт мировой экономики
и международных отношений Российской академии наук, 117997, Россия,
Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: ekharit@imemo.ru.

В статье рассматривается политика Великобритании по предотвращению и регулированию межэтнических конфликтов в других странах. Такая деятельность является неотъемлемой частью внешнеполитической стратегии Соединенного Королевства и во многом продолжает традиции Британской империи. Сегодня она позиционируется, с одной стороны, как часть стратегии национальной безопасности и усилий по противодействию терроризму, с другой стороны — как составляющая британской помощи международному развитию.

В рамках программ содействия развитию очевидны постепенный уход от идей мультикультурализма и одновременно продолжение политики, основанной на концепциях продвижения демократии и преодоления неравенства. Смена приоритетов объясняется, прежде всего, внутренними факторами, в частности, признанием неуклонности политики мультикультурализма в самой Великобритании. Однако представления о том, что создание демократических институтов и внедрение демократических процедур по западному образцу способны предотвратить и/или урегулировать этнические и религиозные конфликты, также подвергаются пересмотру. Негативные последствия вмешательства западных стран на Ближнем Востоке вызывают в британском обществе сомнения относительно возможности распространения собственных ценностей, норм и моделей поведения в третьих странах. Кроме того, растут опасения, связанные с возрастающим конфликтным потенциалом, вызванным межэтническими и межконфессиональными противоречиями в самой Великобритании. Сегодня эксперты все чаще заявляют о необходимости переосмысления моделей, на которых строится политика предотвращения конфликтов, в частности, имеющих этническую и религиозную природу.

Тем не менее, вопреки критике, касающейся невысокой эффективности такой работы, она будет продолжена и при новом правительстве консерваторов Д. Кэмерона.

Ключевые слова: Великобритания, предотвращение конфликтов, политическая идентичность, межэтнические конфликты, содействие международному развитию, «мягкая сила», «умная сила».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках гранта Российского научного фонда № 15-18-00021 «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)».

После прошедших в мае 2015 г. всеобщих парламентских выборов в Великобритании вновь сформированное правительство поставило вопрос о приоритетах деятельности за рубежом. Одним из значимых направлений внешней политики, осуществлявшейся под руководством прежнего коалиционного правительства Д. Кэмерона — Н. Клегга в 2010–2015 гг., являлась работа в так называемых нестабильных и находящихся в состоянии конфликта государствах (*conflict and fragile states*). Эта деятельность стала частью стратегии позиционирования Британии и британцев в качестве «ответственных граждан мира» и во многом продолжила традиции Британской империи. В стратегических документах, определяющих политику страны за рубежом, это направление работы рассматривается в двух контекстах.

Во-первых, регулирование и предотвращение конфликтов является частью стратегии национальной безопасности и противодействия терроризму, а также определяется членством страны в Европейском союзе (ЕС) и участием в международных организациях, в первую очередь в Организации Объединенных Наций (ООН), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и военно-политическом Североатлантическом альянсе (НАТО). Так, на вооружение британской внешней политики была взята инициатива «обязанность защищать», выдвинутая ООН в 2000-е гг. (см. *Millennium Development Goals...*).

Во-вторых, Соединенное Королевство уделяет большое внимание деятельности в области содействия международному развитию. Страна реализует масштабные программы в этой сфере как в качестве члена международных организаций, так и самостоятельно. Правительство Великобритании играет ключевую роль в такой работе, выступая инициатором, разработчиком и исполнителем конкретных программ и привлекая к ее формированию и осуществлению различных негосударственных акторов.

Страна первой среди государств «Группы восьми» достигла заданного ООН показателя, предусматривающего направление 0,7% валового национального дохода на помощь развитию. Сегодня 30% финансовых средств в рамках официальной помощи развитию (*Official Development Assistance, ODA*) направляется Великобританией в нестабильные страны и страны в состоянии конфликта (UK Government, 2012b). При этом под конфликтами подразумеваются прежде всего не столкновения между государствами, а внутренние противостояния, значительная доля которых, по данным экспертов (см., например: Stewart, 2010), включает в себя этнический и религиозный компоненты.

Несомненно, это направление внешнеполитической деятельности останется приоритетным и при новом правительстве Д. Кэмерона. При этом результаты такой деятельности и в стране, и за рубежом оцениваются в последние годы весьма неоднозначно. Сомнению подвергаются используемые до сих пор концептуальные основы подобной деятельности. Тем не менее политика правительства в этой области продолжает развивать обозначенные ранее тенденции.

Урегулирование и предотвращение конфликтов в третьих странах: общие тенденции британской политики

Одним из наиболее ярко проявляющихся в последнее время трендов в британской политике по противодействию конфликтам в других странах стал курс на сближение и усиление координации между военными и невоенными государственными ведомствами. Обеспечение взаимодействия между министерством обороны, министерством иностранных дел и по делам Содружества и правительственным Департаментом международного развития позиционируется в стратегических документах в качестве одного из приоритетов и направлено на повышение эффективности работы британских программ за рубежом. Такая политика укладывается в рамки предложенной американским политологом Дж. Наем концепции «умной силы», сочетающей «мягкий» и «жесткий» подходы (Nye, 2009). Идеи Дж. Нае вызвали большой интерес в Великобритании: например, в 2013–2014 гг. в Палате лордов (верхней палате британского парламента) действовал специальный Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании (House of Lords, 2014). В так называемую Green Paper (один из ключевых докладов 2010 г., подготовленный министерством обороны для «Стратегического обзора по безопасности») был даже включен особый раздел, посвященный проблеме влияния страны за рубежом, в котором использовался термин «мягкая сила» и был сделан акцент на важности именно невоенных методов обеспечения национальной безопасности (Ministry of Defense, 2010).

Такой подход в корне отличался от аналогичной работы в начале 1990-х гг., когда агентства, действовавшие в рамках британской политики содействия международному развитию, старались минимизировать работу в странах, находящихся в состоянии конфликта. По характеристике, данной авторитетным британским центром «Институт международного развития» (Overseas Development Institute), реализация долгосрочных программ в таких странах представлялась неэффективной, а сами эти государства считали «сиротами» с точки зрения международной помощи ('aidorphans'). Не только британские, но и другие западные доноры ограничивались гуманитарной поддержкой для смягчения наиболее тяжелых последствий конфликта, но не разворачивали масштабных программ развития из-за высоких рисков и нестабильной ситуации (Wild, Elhawary, 2012).

Положение начало меняться к концу 1990-х гг., когда вооруженные конфликты в Руанде, Югославии и других странах содействовали пересмотру использовавшихся подходов и приоритетов. В документах созданного в 1997 г. британского Департамента по международному развитию отмечалась взаимосвязь между обеспечением стабильности и предотвращением конфликтов, с одной стороны, и достижением целей развития — с другой. При этом обращалось внимание и на обратную зависимость: программы, направленные на развитие, представлялись эффективным способом профилактики конфликтов. Кроме того, столкновения и нестабильность в других странах из-за усиливающейся глобализации стали

восприниматься как угрозы безопасности самой Великобритании. Наконец, подчеркивалась важность координации усилий между различными акторами, работающими за рубежом (Department for International Development, 1997). В 2000-х гг., особенно после начала военных кампаний в Ираке и Афганистане, тренд на сближение военных и невоенных методов вмешательства начал проявляться все более явно. В стратегических документах, принятых в 2010–2011 гг. при коалиционном правительстве Д. Кэмерона — Н. Клегга, указанная тенденция сформировалась окончательно.

Среди таких документов необходимо упомянуть «Стратегический обзор в сфере обороны и безопасности» (The Strategic Defense and Security Review) (UK Government, 2010b) и «Национальную стратегию безопасности» (The National Security Strategy) (UK Government, 2010a), подготовленные в 2010 г. и объединенные общим заголовком «Сильная Британия в век неопределенности» (Securing Britain in an Age of Uncertainty). В 2015 г. планируется подготовка очередного «Стратегического обзора в сфере безопасности». Такой небольшой временной интервал между проведением обзоров (предыдущий подобный документ был подготовлен в 1998 г.) указывает на то, что действующая стратегия уже неотвечает текущим задачам.

Также ключевой является принятая в 2011 г. «Стратегия построения стабильности за рубежом» (Building Stability Overseas Strategy, BSOS) — совместный проект министерства иностранных дел и по делам Содружества, Департамента международного развития и министерства обороны Великобритании (UK Government, 2011). В рамках этой стратегии подчеркивается важность работы по предотвращению конфликтов.

Кроме того, одним из элементов существующей системы по регулированию и предотвращению конфликтов до последнего времени являлась инициатива Conflict Pool (см. подробнее: Кулькова, 2013), направленная на миротворчество, стабилизацию и предотвращение конфликтов за рубежом и также реализуемая совместно министерством иностранных дел и по делам Содружества, Департаментом международного развития и министерством обороны Великобритании. В 2015 г. эта программа приобрела новый статус и преобразована в Фонд по конфликтам, стабильности и безопасности (Conflict, Stability and Security Fund, CSSF) и получила дополнительное финансирование (ее бюджет на 2015/2016 г. составит более 1 млрд. ф. ст.). Ожидается, что участие в работе нового фонда примут и другие правительственные департаменты, что придаст ей более комплексный и стратегический характер (House of Commons, 2015).

Таким образом, границы между программами развития и деятельностью, направленной на обеспечение национальной безопасности, становятся все более подвижными. Эта тенденция на «секьюритизацию» программ развития вызывает критику, в том числе в самой Великобритании. Одни эксперты говорят о том, что проекты международной помощи становятся инструментами

для легитимации новых правительств после военных интервенций (например, в Афганистане) (см. Wild, Elhawary, 2012). Другие с беспокойством отмечают, что при сохранении существующих тенденций к 2030 г. расходы на помощь развитию превысят оборонный бюджет (Wheeler, 2013). В прессе и в экспертном сообществе регулярно высказываются опасения относительно эффективности реализуемых программ помощи, борьбы с коррупцией в странах-реципиентах и решения проблем с освоением выделяемых средств. Однако сегодня дискурс, связанный с необходимостью большей координации различных ведомств для снижения напряженности в мире, по-прежнему превалирует в официальной риторике. Взаимосвязь между развитием и предотвращением конфликтов за рубежом, а также между национальной безопасностью и достижением стабильности в других странах продолжает определять текущую деятельность.

Подходы к межэтническим и межконфессиональным конфликтам: смена приоритетов

Внимание к этническим и религиозным факторам с точки зрения предотвращения конфликтов в рамках британских программ существенно снизилось по сравнению с предыдущим десятилетием. Как и в самой Великобритании, вопрос о продвижении идей мультикультурализма за рубежом сегодня по большей части снят с повестки дня. Если в 2000-х гг. британские опыт и концепции этнического и культурного разнообразия предлагались в качестве модели для других государств, то в 2010-х гг. под влиянием внутренних факторов риторика существенно изменилась.

Так, например, к приоритетным направлениям внешней политики страны при лейбористском правительстве Т. Блэра в 2006 г. относилась деятельность по противодействию религиозному и этническому экстремизму, основанная на «разнообразии и открытости британского общества» и предполагающая продвижение межкультурного диалога и толерантности за рубежом. На опыт Великобритании и других европейских государств предлагалось опираться при работе в мусульманских странах (Foreign and Commonwealth Office, 2006).

Однако уже через несколько лет, в феврале 2011 г., новый премьер Д. Кэмерон в своем выступлении на Мюнхенской конференции по безопасности предложил учиться на ошибках, допущенных страной в связи с опорой на концепцию мультикультурализма, признав, что она привела к ослаблению коллективной идентичности британцев и созданию внутри страны отдельных сообществ, не соприкасающихся друг с другом и живущих по своим обычаям (Cameron, 2011).

В основных стратегических документах Великобритании, принятых в начале 2010-х гг. и посвященных предотвращению конфликтов, нарратив мультикультурализма уже не прослеживается. Концептуальной опорой для такой деятельности остаются развитие демократических институтов и процедур, и эффективное управление, а этнические и религиозные различия рассматриваются в более

широком контексте содействия развитию. Предотвращение конфликтов связывается с усилением гражданского общества, снижением неравенства и бедности и решением других острых социальных проблем. При этом большое внимание уделяется созданию возможностей для того, чтобы представители этнических, религиозных и других меньшинств могли в рамках демократических процедур представлять свои интересы и взаимодействовать с остальными согражданами. Так, к примеру, «Стратегия построения стабильности за рубежом» предусматривает поддержку демократических механизмов и включение представителей различных этнических и религиозных групп в общество с помощью СМИ, разного рода союзов и бизнес-ассоциаций и других структур (UK Government, 2011, p.12).

При этом, будучи частью более широкой деятельности по содействию развитию, предотвращение конфликтов (в том числе межэтнических и межконфессиональных) идеологически и организационно связывается с продвигаемыми Великобританией в мире ценностями, нормами и идеями, а также с ее участием в международных инициативах. В частности, большое значение придается участию женщин в политической жизни и гендерному равенству. Также предотвращение конфликтов увязывается с прогрессом в достижении заявленных ООН Целей развития тысячелетия (Millennium Development Goals) (см. Millennium Development Goals).

Вполне вероятно, что стремление не подчеркивать межэтнические и другие различия между отдельными группами населения при реализации программ содействия международному развитию является оправданным. Ведь если помощь направлена на определенную этническую или религиозную группу, существует риск повышения, а не снижения напряженности в обществе и негативной реакции со стороны других граждан. К примеру, результаты проведенного во второй половине 2000-х гг. экспертами из США опроса жителей стран-реципиентов помощи в рамках масштабного проекта «Время услышать» показывают определенное их недовольство, связанное с поддержкой уязвимых, с точки зрения международных доноров, категорий населения. Например, граждане Боснии и Герцеговины и Косово сообщали об усилении межэтнических противоречий в связи с поддержкой возвращающихся беженцев и отсутствием такой поддержки для тех, кто оставался в своих домах во время конфликта. Опросы получателей помощи также фиксируют критику, связанную с поддержкой иностранными донорами мультиэтнических сообществ. Так, один из реципиентов помощи в Косово заявил: «Чтобы нам помогали, мы должны быть многонациональными и при этом обязательно иметь проблемы друг с другом» (Anderson, Brown, Jean, 2012).

Однако рассмотрение этнических и религиозных факторов как второстепенных тоже оказывается не всегда оправданным. Так, в докладе упомянутого Института международного развития приводятся выводы различных экспертов о деятельности Департамента международного развития Великобритании в Южном Судане. Как оказалось, многие существенные факторы при реализации

таких программ не были учтены. Предположения о том, что программы развития способствуют предотвращению конфликтов, не оправдались, а «зависимость между предоставлением доступа к социальным услугам и снижением уровня насилия в Южном Судане не обнаружена». Напротив, основные факторы и источники конфликта связаны с этническим разделением, спорами относительно земли и скота и недовольством молодежи, и все эти вопросы не могут быть разрешены в ходе реализации сегодняшних социально-экономических программ развития (цит. по: Wild, Elhawary, 2012).

Профессор Френсис Стюарт, возглавлявшая с 2003 по 2010 г. Центр по изучению неравенства, безопасности человека и этничности Оксфордского университета, изучая вопросы этнической и религиозной идентичности и их связь с возникновением вооруженных конфликтов, пришла к выводу, что глубинные причины большинства вооруженных конфликтов связаны с экономическими и политическими факторами, а также с различного рода неравенством. Основываясь на своей принадлежности к той или иной группе (идентичности), люди объединяются для борьбы или примыкают к одной из сторон конфликта, а различные идентичности предстают в качестве фактора мобилизации.

Одновременно с этим Ф. Стюарт также отмечает потенциал этнической и религиозной идентичностей для мобилизации в конструктивных целях, например, для поддержки и лоббирования необходимых изменений или голосования за отвечающего интересам данной категории населения кандидата на выборах (Stewart, 2009). Таким образом, при условии взаимодействия отдельных групп населения с государством создаются предпосылки для консолидации национального политического пространства, одним из значимых параметров образования которого как раз и выступает государственно-гражданская идентичность (см. подробнее: Прохоренко, 2012).

Однако на практике в реализуемых зарубежных программах Соединенного Королевства все же преобладает подход к содействию развитию, опирающийся прежде всего не на внутренние ресурсы различных сообществ, а на формирование демократических институтов. Вполне вероятно, что подобные программы оказывают лишь поверхностное влияние и зачастую приводят к созданию формальных структур, имитирующих работу гражданского общества, но не затрагивают глубинные процессы, связанные с государственно-гражданской идентичностью и собственным потенциалом обществ стран — реципиентов помощи.

При этом интересным оказывается опыт самой Великобритании по регулированию межэтнических отношений. Как уже отмечалось, британские политики опираются на такой опыт или отталкиваются от него при обсуждении стратегии работы за рубежом. Более того, длительное время внутренняя политика страны в этой области рассматривалась как один из ресурсов «мягкой силы», способствующий повышению привлекательности Британии и британских ценностей,

норм и моделей. В частности, культурное разнообразие страны стало одной из главных тем церемонии открытия летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г.

Однако сегодня в Соединенном Королевстве усиливаются опасения, вызванные неуспешностью британской политики интеграции инокультурных иммигрантов и растущим конфликтным потенциалом в обществе. К примеру, согласно данным базирующейся в Лондоне независимой исследовательской компании YouGov, в 2012 г. около трети опрошенных британцев считают неизбежным связанный с насилием конфликт на этнической почве в своей стране. Исследование также выявило тревожные тенденции, касающиеся отношений между представителями различных конфессий (см. подробнее: YouGov, 2012).

В тоже время в британском обществе растет интерес, особенно в связи с процессом деволуции Шотландии, к той роли, которую национальная и/или этнотерриториальная идентичность играют с точки зрения доверия граждан к органам власти, их участия в выборах и т.д. (см., например: The Government Office for Science, 2013). Весьма вероятно, что пересмотр подходов к предотвращению конфликтов между различными этническими и религиозными группами населения в Великобритании будет оказывать влияние и на концептуальные основы подобной деятельности за рубежом.

География британских программ регулирования конфликтов в рамках деятельности по содействию развитию

На сегодняшний день Департамент международного развития (основная правительственная структура в этой области, через которую направляется до 85% средств в рамках британской «Официальной помощи развитию») обозначает 17 приоритетных для своей работы стран, относящихся к категории «затронутые конфликтом и нестабильные»: Афганистан, Мьянму, Демократическую Республику Конго, Египет, Эфиопию, Ирак, Ямайку, Иордан, Ливию, Марокко, Сенегал, Сьерра-Леоне, Сомали, Судан, Тунис, Йемен и Зимбабве (UK Government, 2012b). Но это не означает, что в других странах работа, направленная на регулирование и предотвращение конфликтов, не ведется. Так, например, в 2013–2014 гг. Департамент поддержал 8 проектов в рамках инициативы Conflict Pool в Чеченской Республике в России (The list of projects...), а в 2014–2015 гг. — 4 проекта в рамках аналогичной программы на Украине (British Embassy Kyiv, 2014).

Одна из наиболее масштабных программ в этой области реализуется в последнее десятилетие Великобританией в Афганистане. Объем финансирования этой стране в рамках инициативы Conflict Pool вырос с 4 млн. ф. ст. в 2007–2008 гг. до 68 млн ф. ст. в 2012–2013 гг. (80% средств этой программы классифицируется как «Официальная помощь развитию») (House of Commons: International Development Committee, 2012).

На Международной конференции по Афганистану, прошедшей в июле 2012 г. в Токио, Великобритания взяла на себя обязательство выделять на программы

содействия развитию в этой стране 178 млн. ф. ст. ежегодно, по крайней мере, до 2017 г. (UK Government, 2012a).

Однако с этим направлением связана и наиболее острая критика со стороны экспертов и СМИ, вызванная как тенденциями к совмещению военного и невоенного вмешательства, так и пониманием ограниченности используемых моделей и концепций продвижения демократии. В 2012 г. сообществом британских и ирландских НКО, работающих в Афганистане, был опубликован доклад, посвященный эффективности британской помощи развитию в этой стране. Документ базируется на опросах получателей британской помощи, а его заглавие «Теряя способность мечтать» свидетельствует о достаточно негативных тенденциях. В частности, общественные настроения в Афганистане по вопросам конфликтного потенциала характеризуются как «крайне пессимистичные»: максимальный риск усугубления конфликтов наблюдался в наиболее сложносоставных с этнической точки зрения, а также в наиболее политически раздробленных провинциях и районах (Thompson, 2012).

Пессимизм характерен и для многих недавних публикаций в британских СМИ. К примеру, обозреватель газеты Guardian в статье, вышедшей в мае 2015 г. и посвященной «Исламскому государству» (ИГ), делает вывод об окончательной утрате иллюзий относительно того, что вмешательство в Ираке и Афганистане должно было способствовать распространению либеральной демократии: расширение как военной, так и гуманитарной интервенции представляется одинаково фантастичным, а основное желание европейцев сводится к тому, чтобы изолироваться от проблем Ближнего Востока (Orr, 2015).

Таким образом, можно отметить, что за последние два десятилетия подходы правительства Великобритании к регулированию и предотвращению этнических конфликтов за рубежом претерпели определенную трансформацию. В институциональном плане наблюдается стремление к усилению координации между правительственными структурами, отвечающими за «официальную помощь развитию», и военными ведомствами.

В концептуальном плане изменились сами подходы к предотвращению конфликтов. Если в начале 2000-х гг. этнические и религиозные различия упоминались в программах содействия международному развитию довольно часто и, как и во внутренней политике Великобритании, продвигалась концепция мультикультурализма, то на сегодняшний день от такого понимания по большей части отказываются. В первую очередь стратегические документы в этой области оперируют такими концепциями, как продвижение демократии, верховенство права и создание эффективного управления.

Подобный подход вызывает все больше вопросов со стороны экспертов, а также общественную критику, фиксируемую социологическими опросами

в Великобритании и в странах-реципиентах. Сомнения и недовольство вызваны прежде всего негативными последствиями вмешательства западных стран в ситуацию на Ближнем Востоке и пониманием ограниченности используемых моделей и концепций продвижения демократии. В связи с собственным негативным опытом по интеграции инокультурных мигрантов британцы все чаще подвергают сомнению представления о том, что создание демократических институтов и внедрение демократических процедур по западному образцу способны предотвратить и/или урегулировать этнические и религиозные конфликты.

Безусловно, на данном этапе рано говорить о том, что программы международного развития, в том числе направленные на предотвращение и регулирование конфликтов на этнической или религиозной почве, переживают сколько-нибудь существенный кризис. Скорее наоборот: бюджеты, выделяемые в рамках таких программ, остаются значительными, а усилия на их разработку, реализацию и мониторинг продолжают базироваться на уже испытанных моделях и идеях. В то же время на глобальном уровне растет понимание ограниченности того, что директор ИМЭМО РАН академик А. А. Дынкин в одном из своих интервью сравнил с «прогрессорством», описанным авторами-фантастами братьями Стругацкими (Дынкин, 2015). Вполне вероятно, что дальнейшие исследования, в частности, изучающие потенциал национальной и гражданской идентичности для предотвращения конфликтов, дадут возможность выработать альтернативный взгляд на такие программы.

Библиографический список

1. Дынкин, А.А. (2015). В поисках новой нормальности. Интервью журналу *VIP-Premier*, 1, 14–21. Режим доступа http://www.imemo.ru/files/File/ru/articles/2015/22052015_NEWNORM.pdf.
2. Кулькова, О.С. (2013). Участие Великобритании в урегулировании африканских конфликтов: эволюция подходов. Конкуренция и конфликтность в мировой экономике и политике. *Мировое развитие*, 10, 35–45.
3. Прохоренко, И.А. (2012). О методологических проблемах анализа современных политических пространств. *Полис. Политические исследования*, 6, 68–80.
4. Anderson, M.B., Brown, D. & Jean, I. (2012). *Time to listen. Hearing people on the receiving end of international aid*. Cambridge, Massachusetts: CDA Collaborative learning projects.
5. British Embassy Kyiv (2014). Conflict prevention pool in Ukraine. Peacebuilding projects 2014–15. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/375216/PPP_peacebuilding_Projects.pdf.
6. Cameron, D. (2011, February 11). *PM's speech at Munich's security conference*. Retrieved from <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130109092234/http://number10.gov.uk/news/pms-speech-at-munich-security-conference>.
7. Department for International Development (1997). Eliminating world poverty: a challenge for the 21st century. Retrieved from <http://www.bristol.ac.uk/poverty/downloads/keyofficialdocuments/Eliminating%20world%20poverty%20challenge.pdf>.

8. Foreign and Commonwealth Office (2006). Active diplomacy for a changing world. The UK's international priorities. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/272260/6762.pdf.
9. House of Commons: International Development Committee (2012). Afghanistan: development progress and prospects after 2014, sixth report of session 2012–2013.
10. House of Commons (2015). Written statement (HCWS392). Conflict stability and security fund settlement, financial year 2015–16. Retrieved from <http://www.parliament.uk/documents/commons-vote-office/March%202015/12%20March%202015/2.CO-Conflict-stability.pdf>.
11. House of Lords (2014). Persuasion and power in the modern world: House of Lords paper 150 session 2013–14. S.I., Stationery office.
12. Millennium Development Goals and beyond 2015. Retrieved from: <http://www.un.org/millenniumgoals>.
13. Ministry of Defense (2010). Adaptability and partnership: issues for the strategic defense review. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35927/defence_green_paper_cm7794.pdf.
14. Nye, J. (2009). Smart power. *New Perspectives Quarterly*, 2(26), 7–9.
15. Orr, D. (2015, May 22). Isis's murderous rampage continues. So why is it the lost artefacts that make the headlines? *The Guardian*. Retrieved from <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/may/22/isis-murderous-rampage-palmyra>.
16. Stewart, F. (2010). *Horizontal inequalities as a cause of conflict: a review of CRISE findings*. Centre for research on inequality, human security and ethnicity (CRISE). Oxford. Retrieved from <http://r4d.dfid.gov.uk/pdf/outputs/inequality/crise-overview-1.pdf>.
17. Stewart, F. (2009) *Religion versus ethnicity as a source of mobilisation: are there differences? CRISE Working Paper № 70*. Centre for research on inequality, human security and ethnicity. Retrieved from <http://r4d.dfid.gov.uk/PDF/Outputs/Inequality/workingpaper70.pdf>.
18. The Government office for science (2013). Future identities: changing identities in the UK — the next 10 years. Foresight future identities final project report. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/273966/13-523-future-identities-changing-identities-report.pdf.
19. The list of projects supported by the UK Conflict pool in Russia. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/211591/The_list_of_projects_supported_by_the_UK_Conflict_Pool_in_Russia.pdf.
20. Thompson, E.(2012). *Losing the ability to DREAM. Afghan perceptions of UK aid*. BAAG (British & Irish Agencies Afghanistan Group). London: Development House.
21. UK Government (2010a). A strong Britain in an age of uncertainty: the National security strategy. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61936/national-security-strategy.pdf.
22. UK Government (2010b). Securing Britain in an age of uncertainty: The Strategic defense and security review. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/62482/strategic-defence-security-review.pdf.

23. UK Government (2011). Building stability overseas strategy. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/67475/Building-stability-overseas-strategy.pdf.
24. UK Government (2012a). 2010 to 2015 Government policy: Afghanistan. Policy paper (2015). Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-afghanistan/2010-to-2015-government-policy-afghanistan>.
25. UK Government (2012b). 2010 to 2015 Government policy: conflict in fragile states. Policy paper. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-conflict-in-fragile-states>.
26. United Nations. Background information on the Responsibility to protect. Retrieved from <http://www.un.org/en/preventgenocide/rwanda/about/bgresponsibility.shtml>.
27. Wheeler, C. (2013, March 1). UK set to spend MORE on foreign aid than on Armed Forces. *The Daily Express*. Retrieved from www.express.co.uk/news/politics/561107/UK-spend-more-foreign-aid-than-Armed-Forces-defence-budget.
28. Wild, L.&Elhawary, S. (2012). *The UK's approach to linking development and security: assessing policy and practice*. Overseas Development Institute, Working Paper 347. London.
29. You Gov (2012). Survey results. Retrieved from http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/0313bp_goodwin_dataconflict.pdf.

Статья поступила в редакцию 15.02.2015.

.....

THE UK POLICY ON REGULATION AND PREVENTION OF INTER-ETHNIC CONFLICTS IN OTHER COUNTRIES: TOOLS AND MECHANISMS

Kharitonova E.M.

Kharitonova Elena Markovna, Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, ul. Profsoyuznaya, 23.
E-mail: ekharit@imemo.ru.

The article reviews the British policies aimed at regulation and prevention of inter-ethnic conflicts. Such practice constitutes a major part of the United Kingdom foreign policy and continues the traditions of the British Empire. Today it is being positioned, first of all, as an integral part of the national security and counter-terrorism strategy. At the same time, it is a major component of the British overseas development aid.

In terms of international development, there is a visible decline of the multiculturalism narrative while the policies based on the concepts of spreading democracy and overcoming inequalities are being continued. The shift in priorities can be explained by the internal factors, primarily by the acknowledged failure of multiculturalism in Britain itself. However the perceptions regarding the potential of establishing democratic institutions and mechanisms to prevent or regulate inter-ethnic and religious conflicts are also being challenged. The negative consequences of the Western states interventions in the Middle East region are causing doubts regarding the feasibility of spreading the British values, norms and models in other countries. Besides, conflict potential connected to the inter-ethnic and religious discrepancies in the UK is also causing increasing concerns. Today experts are starting to re-evaluate the models that are being used for conflict prevention, including the conflicts of ethnic and religious nature.

However, existing policies will continue to be pursued under the new David Cameron Conservative Government, despite the criticisms regarding the utilised concepts' limitations and low effectiveness.

Keywords: United Kingdom, conflict prevention, political identity, inter-ethnic conflicts, international development, "soft power", "smart power".

References

1. Dynkin, A.A. (2015). V poiskakh novoi normal'nosti [A quest for new normalcy]. *VIP-Premier*, 1, 14–21. Retrieved from http://www.imemo.ru/files/File/ru/articles/2015/22052015_NEWNORM.pdf.
2. Kulkova, O.S. (2013). Uchastie Velikobritanii v uregulirovanii afrikanskikh konfliktov: evolyutsiya podkhodov [UK Role in Regulating African Conflicts: the Evolution of Approaches] *Konkurentsia i konfliktnost' v mirovoi ekonomike i politike. Mirovoerazvitie* [Competition and Conflict in the World Economy and Politics], 10, 35–45.
3. Prokhorenko, I.L. (2012). O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv [On methodological problems of contemporary political spaces analysis]. *Polis. Politicheskiesledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 68–80.
4. Anderson, M. B., Brown, D. & Jean, I. (2012). *Time to listen. Hearing people on the receiving end of international aid*. Cambridge, Massachusetts: CDA Collaborative learning projects.
5. British Embassy Kyiv (2014). Conflict prevention pool in Ukraine. Peacebuilding projects 2014–15. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/375216/PPP_peacebuilding_Projects.pdf.
6. Cameron, D. (2011, February 11). PM's speech at Munich's security conference. Retrieved from <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130109092234/http://number10.gov.uk/news/pms-speech-at-munich-security-conference>.
7. Department for International Development (1997). Eliminating world poverty: a challenge for the 21st century. Retrieved from <http://www.bristol.ac.uk/poverty/downloads/keyofficialdocuments/Eliminating%20world%20poverty%20challenge.pdf>.
8. Foreign and Commonwealth Office (2006). Active diplomacy for a changing world. The UK's international priorities. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/272260/6762.pdf.
9. House of Commons: International Development Committee (2012). Afghanistan: development progress and prospects after 2014, sixth report of session 2012–2013.
10. House of Commons (2015). Written statement (HCWS392). Conflict stability and security fund settlement, financial year 2015–16. Retrieved from <http://www.parliament.uk/documents/commons-vote-office/March%202015/12%20March%202015/2.CO-Conflict-stability.pdf>.
11. House of Lords (2014). Persuasion and power in the modern world: House of Lords paper 150 session 2013–14. S.I., Stationery office.
12. Millennium Development Goals and beyond 2015. Retrieved from: <http://www.un.org/millenniumgoals>.
13. Ministry of Defense (2010). Adaptability and partnership: issues for the strategic defense review. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/35927/defence_green_paper_cm7794.pdf.
14. Nye, J. (2009). Smart power. *New Perspectives Quarterly*, 2(26), 7–9.

15. Orr, D. (2015, May 22). Isis's murderous rampage continues. So why is it the lost artefacts that make the headlines? *The Guardian*. Retrieved from <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/may/22/isis-murderous-rampage-palmyra>.
16. Stewart, F. (2010). *Horizontal inequalities as a cause of conflict: a review of CRISE findings*. Centre for research on inequality, human security and ethnicity (CRISE). Oxford. Retrieved from <http://r4d.dfid.gov.uk/pdf/outputs/inequality/crise-overview-1.pdf>.
17. Stewart, F. (2009) *Religion versus ethnicity as a source of mobilisation: are there differences?* CRISE Working Paper no. 70. Centre for research on inequality, human security and ethnicity. Retrieved from <http://r4d.dfid.gov.uk/PDF/Outputs/Inequality/workingpaper70.pdf>.
18. The Government office for science (2013). Future identities: changing identities in the UK — the next 10 years. Foresight future identities final project report. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/273966/13-523-future-identities-changing-identities-report.pdf.
19. The list of projects supported by the UK Conflict pool in Russia. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/211591/The_list_of_projects_supported_by_the_UK_Conflict_Pool_in_Russia.pdf.
20. Thompson, E.(2012). *Losing the ability to DREAM. Afghan perceptions of UK aid*. BAAG (British & Irish Agencies Afghanistan Group)/ London: Development House.
21. UK Government (2010a). A strong Britain in an age of uncertainty: the National security strategy. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61936/national-security-strategy.pdf.
22. UK Government (2010b). Securing Britain in an age of uncertainty: The Strategic defense and security review. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/62482/strategic-defence-security-review.pdf.
23. UK Government (2011). Building stability overseas strategy. Retrieved from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/67475/Building-stability-overseas-strategy.pdf.
24. UK Government (2012a). 2010 to 2015 Government policy: Afghanistan. Policy paper (2015). Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-afghanistan/2010-to-2015-government-policy-afghanistan>.
25. UK Government (2012b). 2010 to 2015 Government policy: conflict in fragile states. Policy paper. Retrieved from <https://www.gov.uk/government/publications/2010-to-2015-government-policy-conflict-in-fragile-states>.
26. United Nations. Background information on the Responsibility to protect. Retrieved from <http://www.un.org/en/preventgenocide/rwanda/about/bgresponsibility.shtml>.
27. Wheeler, C. (2013, March 1). UK set to spend MORE on foreign aid than on Armed Forces. *The Daily Express*. Retrieved from www.express.co.uk/news/politics/561107/UK-spend-more-foreign-aid-than-Armed-Forces-defence-budget.
28. Wild, L. & Elhawary, S. (2012). *The UK's approach to linking development and security: assessing policy and practice*. Overseas Development Institute, Working Paper 347. London.
29. You Gov (2012). Survey results. Retrieved from http://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/field/field_document/0313bp_goodwin_dataconflict.pdf.

УПРАВЛЯЕМОСТЬ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ГОСУДАРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ¹

.....

Блинова Е.А.

Блинова Елена Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, 193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3.
Эл. почта: caudex@yandex.ru.

В условиях неопределенности (процессы глобализации, разнообразные экологические проблемы, рост населения в мире, проблемы голода, угроза терроризма и многие другие) государство заинтересовано в новых способах реагирования на вызовы окружающей среды. Бразилия на протяжении последних трех десятилетий активно стремится повысить свои позиции за счет сокращения социального неравенства, финансирования наукоемких отраслей, улучшения макроэкономических показателей, участия в региональных и глобальных международных организациях, таких как БРИКС, Меркосур и др. В статье проанализированы динамические способности Бразилии, инклюзивность ее экономических и политических институтов с целью выявления уровней управляемости и конкурентоспособности государства. Новые динамические способности бразильского государства, обеспечившие успешность его политики, сформировались в результате структурных реформ, начатых еще в 1980-х гг. и осуществленных в период президентства Ф.Э. Кардозо и Л.И. Лулы да Силвы. К динамическим способностям государства относятся: умение государства поддерживать и развивать инновационную деятельность частных и национальных предприятий; поддержание открытости и прозрачности управленческих процессов; налаживание сотрудничества между бизнесом, наукой и образовательной сферой; социальный капитал государства. В то же время инклюзивность политических и социальных институтов подразумевает демократический характер политического процесса и выступает альтернативой распределительной и рыночной моделям социально-экономического развития. В исследовании используются данные показателей, взятые из Глобального инновационного индекса за 2013 и 2014 гг. и Глобального индекса конкурентоспособности за 2013/2014 и 2014/2015 гг. По результатам анализа выявлено, что Бразилии удалось достичь состоятельности государства в обеспечении внешней безопасности, внутреннего порядка, легитимности, управленческих способностей. Однако динамические способности пока что находятся на минимальном уровне и требуют дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: управляемость, конкурентоспособность, БРИКС, Бразилия, инклюзивность, динамические способности, состоятельность государства, неопределенность.

В условиях неопределенности (процессы глобализации, разнообразные экологические проблемы, рост населения в мире, проблемы голода, угроза

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-03-00816 «Управляемость и конкурентоспособность государства в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС».

терроризма и многие другие) государство заинтересовано в новых способах реагирования на вызовы окружающей среды. Неопределенность будущего провоцирует напряженность и предъявляет к социально-экономическим системам особые требования. Чтобы выжить, система должна справляться с вызовами меняющейся среды, демонстрируя динамичность, открытость, отзывчивость, способность к инновациям. В рамках государственного управления этому способствуют такие факторы, как наличие у государства динамических способностей, развитие инноваций, инклюзивность экономических и политических институтов, наращивание человеческого капитала. К динамическим способностям государства относятся: 1) «стратегическая инновационность» — умение государства поддерживать и развивать инновационную деятельность частных и национальных предприятий; 2) «чувствительное государство» — поддержание открытости и прозрачности управленческих процессов; 3) управление в сфере НИОКР, привлечение ученых в наукоемкие отрасли производства; 4) институты координации и развития — налаживание сотрудничества между бизнесом, наукой и образовательной сферой; 5) социальный капитал государства (Сморгунов, 2014). Специалист по теме динамических способностей государства Л. В. Ведмецкая отмечает, что динамические способности государства должны быть основаны на состоятельности государства. «Для достижения способности к развитию государству необходимы гибкий и адекватный современности институциональный каркас, защита от экономического упадка, сильных социально-политических потрясений» (Ведмецкая, 2013). Государственная состоятельность (*stateness*) — это возможность государств обеспечивать внешнюю безопасность, внутренний порядок, легитимность, управленческую способность и условия для развития динамических способностей государства. Динамические способности государства являются значимым условием формирования национальных конкурентных преимуществ, поскольку они ориентированы не столько на поддержание сиюминутной конкурентоспособности фирмы или страны, сколько на последовательное развитие с учетом будущих изменений в окружающей среде (Ведмецкая, 2013).

Бразилия на протяжении последних трех десятилетий активно стремится укрепить свои позиции за счет сокращения социального неравенства, финансирования наукоемких отраслей, улучшения макроэкономических показателей, участия в региональных и глобальных международных организациях, таких как БРИКС, Меркосур, UNASUR, форум IBSA. Объединение БРИКС в этом плане очень характерно. Страны-участницы (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) обладают огромным потенциалом экономического роста и нацелены на проведение независимой от Запада политики. В данной статье мы рассмотрим динамические способности в одной из стран — участниц БРИКС — Бразилии. Анализ динамических способностей государства в Бразилии поможет нам сделать вывод об уровне управляемости и конкурентоспособности этой латиноамериканской страны. Экономический рост Бразилии в первую очередь ос-

новывается на инклюзивности социальных и экономических институтов, т.е. на стремлении, избегая дискриминации, максимально вовлечь всех граждан в общественную и экономическую жизнь. Правительство Д. Русеф уделяет особое внимание программам социальной помощи беднейшим слоям населения с тем, чтобы обеспечить определенный уровень справедливости в распределении общественных благ и снизить уровень конфликтов и криминальной обстановки.

По мнению Д. Аджемоглу и Дж. А. Робинсона, инклюзивные экономические институты совмещают принципы свободного рынка и плюрализма: охраняемая частная собственность, независимая правовая система, равные условия для людей совершать обмен и заключать договора, свободный вход на рынок для фирм (Acemoglu, Robinson, 2012). Напротив, экстрактивные экономические институты спроектированы с целью извлечения доходов и богатства у одной подгруппы общества в пользу другой подгруппы — обеспечения узкого круга элиты рентами по принципу «ограниченного доступа» (Acemoglu, Robinson, 2012). Инклюзивные рынки совместно с технологиями и образованием (накопление навыков, компетенции и ноу-хау рабочей силы) должны способствовать становлению эффективного и успешного в долгосрочной перспективе общества. Предполагается широкое развитие инновационных технологий и коммерциализация научных знаний. При этом состоятельность государства служит базисом инклюзивных экономических и политических институтов. Инклюзивные экономические институты нуждаются в государстве и используют его.

Источником переориентации социально-экономического развития Бразилии, обеспечения управляемости и конкурентоспособности стали реформы политической системы и системы государственного управления, инициированные с середины 1980-х гг., в частности после окончания периода военной диктатуры в 1985 г. После принятия конституции 1988 г. структурные реформы были инициированы при президенте Ф. А. Колор ди Мелу, однако завершились неудачей и импичментом президента. Тем не менее курс на реформы не был отвергнут и продолжился при И. Франко. Наиболее серьезный вклад в структурные преобразования внесли президенты Бразилии Ф. Э. Кардозо и Л. И. Лула да Силва. Структурные реформы при Кардозо объединили политическую, административную, экономическую реформы и отчасти реформу в социальной сфере.

Основой необходимых преобразований стал «План Реал», запущенный еще в 1994 г. тогдашним министром финансов Ф. Кардозо и нацеленный на борьбу с гиперинфляцией. В предвыборной программе Ф. Кардозо объявил своими политическими целями реформы в направлении представительной демократии, децентрализацию управления и бюджета, улучшение основных общественных услуг и перераспределение доходов. Политические реформы включили в себя преодоление институциональных рамок, заложенных Конституцией Бразилии 1988 г. За срок правления Кардозо в Конституцию была внесена 31 поправка. Данные поправки позволили уменьшить роль государства в экономической

деятельности, приватизировать государственные предприятия, и способствовать участию иностранных фирм в экономике Бразилии. Приватизация государственного сектора на денежной основе привлекла иностранный капитал и предоставила средства на погашение внутреннего и внешнего долга, позволила сбалансировать бюджет. Кроме того, приватизация способствовала повышению эффективности крупных бразильских предприятий.

Среди экономических преобразований стоит отметить сокращение доли прямых и рост косвенных налогов (1996 г.), разделение пенсионной системы на частную и государственную с различными механизмами финансирования (1998 г.), введение плавающего курса национальной валюты и переход к режиму целевой инфляции при росте независимости Центрального банка (1999 г.), перевод бюджетной системы на трехлетнее планирование (2000 г.), введение закона о финансовой ответственности (2000 г.), внедрение механизмов государственно-частного партнерства (2001 г.) (Faria, 2002).

Административные преобразования правительства Кардозо сконцентрировались на управлении государственными расходами и реформе государственной гражданской службы. Методологической основой выступила модель нового государственного менеджмента. В бюджетный процесс внедрились практику проектного менеджмента и бюджетирования, ориентированного на результат. Правительственные программы стали оцениваться по достигнутым результатам, а не затратам и процессу. Была выдвинута идея передачи функций регулирования, инспектирования, обеспечения государственной безопасности и осуществления основных функций социального обеспечения «автономным агентствам», работающим по контракту на управление; сокращения роли государства как поставщика услуг. В рамках реформы государственной службы внедрились продвижение по службе на основе профессиональных качеств, увеличение гибкости управленцев в государственном секторе и содействие более эффективному распределению государственных служащих по отраслям и регионам. Также упорядочили вопрос зарплат и пенсий госслужащих (Мэннинг, Парисон, 2003).

Несмотря на усилия, предпринятые Кардозо, в Бразилии остались сильные элементы традиционной политической культуры — корпоративизм, клиентелизм, кумовство. Реформаторы столкнулись с ситуацией слабого доверия граждан к правилам и институтам, высоким уровнем коррупции и патронажа. В целом реформаторы располагали недостаточными рычагами влияния для того, чтобы довести начатые реформы до конца из-за таких особенностей политической системы, как «фрагментированные партии, коалиционное правительство и сильная конституционная роль Конгресса и губернаторов штатов». Ф. Кардозо не удалось добиться серьезных результатов в социальной сфере. Преобразование социального сектора — во многом заслуга следующего президента — Лулы да Силвы. Президент Лула да Силва сохранил тенденции макро-

экономической политики своего предшественника. При помощи выдающихся переговорных способностей ему удалось не только добиться общественного согласия относительно перспектив дальнейшего развития государства, но и создать благоприятный имидж у международных инвесторов.

Начало президентского срока Лулы да Силвы характеризовалось проблемами в аграрном секторе, бедностью значительной части населения, ростом в разнице доходов беднейших и богатейших слоев населения, усилением социального неравенства, безработицей, неравномерностью развития регионов страны. Одновременно либерализация внешней торговли, начатая еще при Кардозо, позволила привлечь дополнительные иностранные инвестиции. Благоприятная макроэкономическая обстановка и полученные средства от продажи природных ресурсов позволили правительству Лулы да Силвы проводить масштабные социальные программы. Именно на президентство Лулы да Силвы приходится расцвет социальной политики, на которую ориентируются многие страны мира. Среди прочего стоит выделить пенсионную реформу, которая унифицировала правила начисления пенсий всем категориям граждан, ликвидировав привилегии госслужащих (2002 г.), упрощение системы бюджетных трансфертов, переход к финансированию образования и здравоохранения через фонды (2007 г.), расширение программы модернизации здравоохранения. Была проведена аграрная реформа (законы 2005–2006 гг. о семейном сельском хозяйстве и семейном сельскохозяйственном кредите, а также о мелком и среднем предпринимательстве и производственном микрокредите). Особое место занимают программы «Голода нет» (с 2003 г.), подпрограммами которой являются «Семейный кошелек» и «Бразилия без бедности» (с 2011 г.) (Медушевский, 2012).

Состоятельность государства и вопрос динамических способностей рассматривала в своем диссертационном исследовании Л. В. Ведмецкая. Применив статистический метод логистической регрессии для анализа характеристик деятельности государства, она смогла выделить те элементы, которые выступают ведущими в процессе формирования динамических способностей (Ведмецкая, 2013). Проведенная Л. В. Ведмецкой проверка ряда стран на предмет наличия/отсутствия динамических способностей показала, что в рамках БРИКС Индия и Китай относятся к группе скорее динамических стран (эти страны имеют условия к динамическому развитию), а Бразилия и Россия относятся к группе скорее нединамических стран (т.е. стран, не имеющих или недостаточно разработанных динамических способностей) (Ведмецкая, 2013).

Сравним показатели Индии, Китая, Бразилии и России за 2013 и 2014 гг. Данные взяты из Глобального инновационного индекса за 2013 и 2014 гг. (баллы выставляются от 0 до 100), также учтены показатели управляемости Всемирного банка The Worldwide Governance Indicators (или GRICS) за 2011 и 2013 гг. (баллы выставляются от –2,5 до +2,5) и показатели Глобального индекса конкурентоспособности за 2013/2014 и 2014/2015 гг. (баллы выставляются от 1 до 7).

Таблица 1

Параметры инновационного потенциала государства

Параметры	Бразилия		Индия		Китай		Россия	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014	2013	2014
1	36,3	36,3	36,2	33,7	44,7	46,6	37,2	39,1
2	1,2	1,2	0,8	0,8	1,8	2,0	1,1	1,1
3	4,02	4,1	3,96	4,0	4,19	4,2	3,54	3,8
4	2,9	3,2	1,4	1,5	9,2	11,7	6,1	7,1
5	3,9	3,3	4,8	2,8	28,5	27,8	1,1	1,5
6	4,0	3,8	4,0	3,9	4,4	4,4	3,6	3,6
7	4,1	3,9	3,8	3,9	4,3	4,2	2,8	2,9
8	3,7	3,6	3,7	3,8	4,4	4,2	3,0	3,1
9	3,0	3,2	3,4	3,9	3,8	3,9	3,1	3,4
10	2,5	2,6	3,6	3,6	4,3	4,2	4,1	4,2
11	3,0	2,7	4,4	4,2	4,0	4,0	3,5	3,5

Когда мы говорим об инновационных способностях государства, в первую очередь следует рассматривать такие параметры, как развитие экономики знаний, технологическая самостоятельность и способность к инновациям, уровень развития здравоохранения и начального образования, эффективность налоговой системы.

В табл. 1 представлены следующие параметры:

- 1 — Глобальный индекс инноваций;
- 2 — государственные затраты на развитие НИОКР,% ВВП;
- 3 — способность частного и государственного секторов к созданию инноваций;
- 4 — количество поданных на патенты заявок в рамках Договора о патентной кооперации/миллион населения;
- 5 — экспорт высокотехнологической продукции;
- 6 — развитость сотрудничества в области науки между университетами и бизнесом;
- 7 — способность государства удерживать талантливых людей;
- 8 — способность государства привлекать талантливых людей;
- 9 — природа конкурентных преимуществ государства (т.е. на каких конкурентных преимуществах базируется деятельность государственных предприятий — природных ресурсах и дешевой рабочей силе или же уникальных разработках и оригинальной продукции);
- 10 — качество начального образования;

11 — качество системы образования.

Как видно из табл. 1, Бразилия проседает по следующим параметрам: количество поданных на патенты заявок в рамках Договора о патентной кооперации; экспорт высокотехнологической продукции; природа конкурентных преимуществ государства; качество как начального образования, так и системы образования в целом.

В сфере НИР Бразилия стремится к активизации научных исследований университетами, развитию частно-государственного партнерства в сфере коммерциализации и внедрения инноваций. Л. Н. Симонова отмечает, что в своей инновационной политике Бразилия сталкивается со следующими проблемами: 1) отсутствием прочных связей между различными звеньями в рамках национальной инновационной системы; 2) сосредоточенностью инновационной системы на академических научных исследованиях, недостаточной координацией между процессами НИР и производством и коммерциализацией разработок; 3) слабым использованием производственным сектором исследований, проводимых местным академическим сектором; 4) низким уровнем конвертации знаний в инновационную продукцию (Симонова, 2013).

Другая проблема, касающаяся экономики знаний, — недостаток человеческого капитала, прежде всего низкий уровень базового образования и навыков, а также проблемы со здоровьем. Часто они становятся причиной отсутствия возможности найти более высокооплачиваемую работу для бедных слоев населения. Низкое качество начального образования и системы образования в целом также отражается на структуре производства в Бразилии. Доля производств среднего и высокотехнологического уровня относительно невелика (примерно 30%) и обусловлена нехваткой квалифицированных кадров, низкой производительностью труда. Также экспорт высокотехнологического оборудования на внешние рынки низок в связи с высоким уровнем конкуренции.

Тем не менее уровень развития академической науки в стране высок. Бразилия обладает рядом отраслей с новейшими технологиями производства, где задействованы высокопрофессиональные специалисты, это информационно-телекоммуникационный сектор, аэрокосмический комплекс, ядерные технологии, технологии в области освоения месторождений нефти на континентальном шельфе, биотехнологии и генная инженерия, производство и использование биотоплива. Огромные инвестиции были сделаны в развитие сельского хозяйства (научные разработки Бразильской сельскохозяйственной исследовательской корпорации) (Симонова, 2013).

Вместе с тем в развитии инновационной политики в Бразилии важную роль играет оборонно-промышленный комплекс. Руководство страны стремится установить полный контроль над государственными рубежами и оградить свои сырьевые богатства от возможных внешних рисков и угроз. Как отмечает П. П. Яковлев, «военное производство расценивается как средство приобщения

к высоким технологиям, освоения инноваций, усиления экспортного потенциала, повышения степени экономической самостоятельности и национальной безопасности». В связи с этим неудивительно стремление государства продвинуть на мировой рынок собственную инновационную продукцию, в первую очередь изделия и услуги предприятий оборонно-промышленного комплекса — самолеты, ракеты и др. (Яковлев, 2014).

Следует отметить неоптимальную природу конкурентных преимуществ государства (в основном за счет природных ресурсов). Превосходство Бразилии заключается в обеспеченности природными ресурсами (минеральным сырьем, пресной водой, древесиной, запасами углеводородов на континентальном шельфе), а также в возможности массового производства продовольствия, что привлекает другие страны, в том числе Китай и Индию с их огромным населением и недостаточными запасами минерального сырья и продовольствия. В 2000-х гг. бразильская экономика стала набирать обороты. Для сравнения: прирост ВВП Китая до 14% в 2003–2007 гг. происходил за счет развития инфраструктуры — строительства зданий, прокладки новых линий метро и т.д.; Бразилия же выделилась за счет продажи своих минеральных ресурсов, энергоносителей, железной руды и нефти, а также сельхозпродукции. Именно экспорт этих категорий товаров принес стране 155 млрд. дол. за последние 10 лет. Рост экспорта позволил 40 млн. бразильцев выйти за рамки бедности и повысить свой социальный статус.

Бразилия активно стремится наращивать качество специалистов, повышая уровень высшего образования. Принятая в декабре 2011 г. целевая программа «Наука без границ» предполагает финансирование образования студентов, аспирантов и научных работников в зарубежных вузах, а также привлечение молодых и талантливых ученых для работы в Бразилии. Общая стоимость проекта составляет около 2 млрд. дол. До 2014 г. более 100 тыс. студентов и преподавателей получили образование и прошли стажировку в университетах Европы и США.

Также Бразилия активно использует возможности, предоставляемые БРИКС для развития наиболее актуальных сфер науки. Области сотрудничества БРИКС в науке: нано- и биотехнологии, разведка полезных ископаемых, наблюдение за изменениями климата, авионавтика и космос, микроэлектроника, продовольственная безопасность, устойчивое земледелие. Создан совет научных центров стран БРИКС.

Наряду с этим существует проблема патентования новых разработок. Согласно данным Глобального индекса конкурентоспособности, количество поданных на патенты заявок в Бразилии в разы ниже, чем в Китае и в России. При этом в 2011 г. лишь 20% патентов, зарегистрированных в стране были получены резидентами. Такой плачевной ситуации с патентами могут способствовать,

Таблица 2

Данные Глобального инновационного индекса за 2013 и 2014 гг.

Показатели	Бразилия		Индия		Китай		Россия	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014	2013	2014
Степень легкости разрешения проблем банкротства	17,7	20,7	28,3	27,1	38,5	38,1	46,5	45,4
Степень легкости выплаты налогов	39,1	39,3	52,5	51,0	60,5	61,1	73,9	75,3
Степень легкости начала бизнеса	53	54,7	62,4	62,7	67,5	67,4	83,6	85,9
Количество процедур, чтобы начать бизнес		13		12		13		7
Количество дней, чтобы начать бизнес		107,5		27		33		15

с одной стороны, культурные особенности, а с другой — сложности открытия бизнеса в Бразилии в целом.

Из табл. 2 видно, что по сравнению с другими странами БРИКС граждане Бразилии испытывают серьезные трудности при ведении бизнеса. В среднем необходимо больше 3 месяцев, чтобы начать собственное дело. Трудности возникают и при разрешении проблем банкротства, выплате налогов.

По данным Глобального индекса конкурентоспособности 2014/2015, наиболее проблематичными факторами для бизнеса в Бразилии в 2014 г. были: налоговое законодательство, ограничительное трудовое законодательство, неразвитость инфраструктуры, высокая ставка налогообложения, неэффективность госаппарата.

Проблемы реинвестирования в Бразилии связаны с существующими высокими издержками из-за плохой инфраструктуры, дорогой электроэнергии, а также проблем в банковском секторе. В стране существуют проблемы с логистикой и высокими транспортными расходами. Упор делается на автомобильные авиaperевозки, а железнодорожные практически отсутствуют. При этом качество автомобильных дорог тоже в большинстве случаев низкое.

Рост цен в Бразилии в значительной степени происходит из-за существующей системы налогообложения. Доля налогов занимает более 1/3 ВВП Бразилии. Система налогообложения запутана и сильно забюрократизирована. В среднем организациям приходится тратить более трех месяцев в год на подготовку всех требуемых документов по налоговой отчетности. Согласно опубликованным данным «правительство издает до 46 налоговых норм в день, а налоговая служ-

ба новые правила — каждые 26 минут. Из-за этого Всемирный банк поставил Бразилию на 150-е место в списке стран с наибольшей бюрократической волокитой» (Троянский, 2013).

Что касается социальной сферы, то, несмотря на наличие явных проблем, Бразилия признана одним из наиболее успешных государств в решении проблем социального неравенства. За короткий промежуток времени стране удалось существенно сократить число бедных и нищих граждан и создать многочисленный средний класс. Опыт Бразилии по развитию инклюзивных экономических институтов заимствуют другие страны.

Однако в Бразилии до сих пор остро стоит проблема бедности. Около 1/3 населения больших городов проживает в трущобах — фавелах. На фоне ускоренных темпов индустриализации и общего экономического роста контраст между уровнем жизни беднейших и богатейших слоев населения со временем только увеличивается. В ответ на специфику урбанизации в фавелах формируется организованная преступность. При этом наряду с проблемными фавелами сельская местность также плотно заселена и характеризуется большим количеством населения, проживающего на грани нищеты.

В конце 1980-х гг. к власти в Бразилии поочередно приходили демократические правительства, делавшие упор на социальную модернизацию. Правительство Ф. Э. Кардозу, представлявшего социал-демократическую партию, предложило план приватизации в сочетании с социальной политикой. В 2002 г. с приходом к власти партии трудящихся во главе с Л. да Силвой усилились тенденции инклюзивного экономического развития: возросли социальные выплаты для гарантированного обеспечения минимального дохода тем, кто не может работать или не может найти работу, предоставляется доступ к профессиональным навыкам, позволяющим людям участвовать в экономической деятельности и получать доходы, увеличились государственные инвестиции в человеческий капитал — образование и медицину. С 1990-х гг. Бразилия проводила серьезную социальную политику. Для борьбы с бедностью в Бразилии принят ряд социальных программ. С 1988 г. действуют социальные программы «Пенсия для сельскохозяйственных работников» и «Постоянное пособие» (ВРС), а с середины 1990-х гг. — программа социальной помощи «Bolsa Familia», направленная на пополнение дохода семьи. Введение денежных пособий для бедных семей, во главе которых находились лица трудоспособного возраста, позволило системе социальной защиты охватить большую часть неформального сектора, который раньше был практически социально незащищенным. Так, социальная программа целевых денежных трансфертов Bolsa Familia («Гранты семьям», «Семейный кошелек») охватывает примерно 12 млн. семей. В рамках программы беднейшим членам общества оказывается денежная помощь с условием выполнения теми определенных требований. В числе условий: дети до 15 лет должны посещать школу с процентом посещаемости 85%, а посещаемость

школы детьми 16 и 17 лет должна быть не менее 80%; регулярное посещение медицинских центров для детей до 7 лет, беременных женщин и кормящих матерей. Пенсии для сельскохозяйственных работников и «Постоянное пособие» также внесли значительный вклад в этот процесс, но они обеспечивали защиту только в конце жизни. Семьи, в которых не было лиц пенсионного возраста, не могли даже косвенно воспользоваться данными пособиями. Д. Русеф, пришедшая к власти в 2011 г. и продолжившая политику да Силвы, в июне 2011 г. объявила о вводе в действие государственного плана «Бразилия без нищеты». На его реализацию ежегодно выделялось, по 2014 г. включительно, 20 млрд. реалов. Программы социальной помощи совместно с повышением минимальной зарплаты позволили с 2003 г. снизить бедность почти на 24%. В 2004–2010 гг. в Бразилии доход беднейших домохозяйств увеличивался во много раз быстрее, чем самых богатых; темпы роста реального дохода бедных был выше, чем темпы роста ВВП Индии, и незначительно ниже темпов роста ВВП Китая, что показывает ориентированность процессов роста в Бразилии в последние годы на бедные слои населения (Вандемоортеле, Бёрд, Дю Туа, Лью, Сен, Суарес, 2013). Коэффициент Джини, измеряющий неравенство доходов населения, снизился с 0,591 в 1999 г. до 0,538 в 2009 г.

В социальной политике бразильское государство играет особую роль в переориентации рынка труда на бедных и политику перераспределения в пользу бедных. Идея заключается в использовании потенциала платежеспособного внутреннего рынка для развития экономики. Социальные расходы рассматриваются как инвестиции в собственный экономический рост путем создания платёжеспособного потребителя (переход из нищеты). Это не только социальная справедливость, но и рычаг развития экономики.

Успехи в социальной политике также имеют некоторые минусы. Из-за очевидной сложности совмещения макроэкономического роста и социальной справедливости еще президент Л. да Силва характеризовал свою политику как умеренно-консервативную, отрицая свою исключительно левую направленность. Для привлечения в страну иностранных инвестиций, обеспечения конкурентоспособности бразильской продукции на внешних рынках от правительства потребовался и ряд неолиберальных мер, что способствовало сильному расслоению бразильского общества. Наряду с ростом среднего класса увеличивается и число богатых. А растущее неравенство подрывает устойчивость роста благосостояния (Окунева, 2010).

Еще одной проблемой бразильского государства остается непрозрачность деятельности правительства и слабое общественное доверие к политикам. Несмотря на вполне стабильную политическую обстановку и отсутствие насилия в стране опасения вызывает фаворитизм в принятии решений правительственными чиновниками, а также ухудшившаяся по сравнению с 2013 г. ситуация с контролем коррупции (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение стран по ряду параметров

Параметры	Бразилия		Индия		Китай		Россия	
	2013	2014	2013	2014	2013	2014	2013	2014
1	0,15	-0,12	-0,57	-0,56	-0,56	-0,35	-1,04	-0,99
2	65,2	67,3	36,7	35,2	49	52,3	44,7	45,6
3	3,7	3,2	4,2	4,0	4,4	4,5	3,8	4,0
4	2,9	2,6	2,8	3,4	4,0	4,1	2,6	2,8
5	1,9	1,7	2,2	3,4	4,1	4,1	2,7	3,0

В табл. 3 представлены следующие параметры:

- 1 — контроль коррупции;
- 2 — политическая стабильность и отсутствие насилия;
- 3 — прозрачность деятельности правительства;
- 4 — фаворитизм в принятии решений правительственными чиновниками;
- 5 — общественное доверие к политикам.

По рейтингам Freedom House Бразилия признана свободной страной, однако ситуация с демократическими институтами и эффективностью государственного управления остается несовершенной. Авторитарный режим, существовавший в Бразилии до 1985 г., характеризовался сверхконцентрацией принятия решений и дефицитом обратной связи с обществом. С приходом к власти демократических правительств гражданам и группам интересов было предоставлено больше прав и свобод. Политическая инклюзивность, т.е. горизонтальная система включения населения в национальную политику остается в стране на низком уровне. По мнению Л. А. Гайнутдиновой, несмотря на состоявшийся переход от авторитаризма к демократии в Бразилии из-за структурных сложностей на первый план выходят инкорпоративно-клиентелистский и популистский способы вовлечения людей в политическую жизнь (Гайнутдинова, 2009). Инкорпоративно-клиентелистский способ приводит людей в политику путем включения в персонализированные патрон-клиентелистские сети, пересекающие и снижающие значимость более горизонтальных форм политической организации, таких как профсоюзы или партии. А популистский способ мобилизует и вводит граждан в активную политику не через горизонтально организованные группы интересов, а посредством массовой привязанности к лидеру, чья харизма становится главным источником легитимации, а сам лидер — главным связующим звеном между интересами гражданского общества и публичной сферой.

В условиях глобализации немаловажно учитывать особенности политического процесса внутри Бразилии и проводить осознанную внешнюю информационную политику. Основными каналами внешнеполитического коммуникаци-

онного менеджмента являются электронные СМИ, специальный канал МИДа Бразилии на youtube, информационные агентства в Бразилии, а также сайты бразильских посольств, многосторонние форумы, конференции, симпозиумы и выставки. Бразилия стремится к созданию имиджа современного ответственного государства, подчеркивая привлекательность своей внутренней политики, экономические достижения и моральные ценности (Будаев, 2014).

Новые динамические способности бразильского государства, обеспечившие успешность его политики, сформировались в результате структурных реформ, начатых еще в 1980-х гг. и осуществленных в период президентства Ф.Э. Кардозо и Л.И. Лулы да Силвы: принятие новой Конституции в 1988 года, поправки к ней 1994 г., успешный «План Реал», далеко идущие экономические реформы в сферах денежно-кредитной стабилизации, налогово-бюджетной политики, большая открытость экономики и амбициозная программа приватизации, административная реформа государства и программы по реализации социальной защиты. Среди основных экономических реформ были либерализации торговли и финансовой сферы, изменение обменного курса, дерегулирование, устранение барьеров для иностранных инвестиций, приватизация и бюджетная дисциплина. В социальной сфере основные усилия были направлены на концентрацию государственных расходов в области здравоохранения, образования и инфраструктуры. Бразилии удалось достичь состоятельности государства в обеспечении внешней безопасности, внутреннего порядка, легитимности, определенных успехов в управлении. Тем не менее динамические способности пока что находятся на минимальном уровне и требуют дальнейшего совершенствования. Национальная инновационная система показывает прекрасные результаты в отдельных отраслях производства, но нуждается в более тесном сотрудничестве с бизнесом, в патентовании разработок и коммерциализации. К тому же необходимо снизить бюрократические барьеры для организации бизнеса. Современная Бразилия обладает перспективной экономической моделью развития, ориентированной на продвижение социальных программ. Поддержание человеческого капитала в обществе на высоком уровне — важнейшее условие создания институтов развития. Особый упор для развития динамических способностей государства следует сделать на повышение открытости государственных органов власти. Пристального внимания требуют тенденции политической инклюзивности гражданского общества. Существующие ныне популистский и инкорпоративно-клиентелистский способы включения населения в политику снижают демократичность принятия решений и потенциально понижают эффективность государственного управления.

Библиографический список

1. Будаев, А. В. (2014). Сравнительный анализ мягкой силы во внешней политике России и Бразилии. *Латинская Америка*, 4, 24–31.

2. Вандемоортеле, М., Бёрд, К., Дю Туа, А., Лью, М., Сен, К., Суарес, Ф. В. (2013). Создавая основу для равного роста: политика социального равенства в странах — членах БРИКС. *Вестник международных организаций*, 8 (2), 16–57.
3. Ведмецкая, Л. В. (2013). *Динамические способности государства и политика развития*: автореф. дис. ... канд. полит. наук. СПб.
4. Ведмецкая, Л. В. (2013). Состоятельность и динамические способности государств в эпоху глобализации. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 9 (4), 56–69.
5. Гайнутдинова, Л. А. (2009). Гражданское общество в Аргентине и Бразилии. *Латинская Америка*, 11, 72–79.
6. Медушевский, Н. А. (2012). Бразилия. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 7 (4), 33–58.
7. Мэннинг, Н., Парисон, Н. (2003). *Реформа государственного управления: международный опыт*. М.: Издательство «Весь мир».
8. Окунева, Л. С. (2010). Бразилия: опыт социальной модернизации в начале XXI в. *Вестник МГИМО Университета*, 2, 294–310.
9. Симонова, Л. Н. (2013). Инновационная политика Бразилии. *Латинская Америка*, 9, 18–33.
10. Сморгунов, Л. В. (2014). БРИКС и политика справедливого экономического роста. *Демократия и Управление: Инф. бюллетень СП-РАПН. СПб.*, 1–2 (17–18), 17–20.
11. Троянский, М. Г. (2013). Кое-что о ценах в Бразилии. *Латинская Америка*, 12, 23–29.
12. Яковлев, П. П. (2014). Новые горизонты оборонно-промышленного комплекса. *Латинская Америка*, 4, 32–47.
13. Acemoglu, D. & Robinson, J. A. (2012). *Why nations fail: the origins of power, prosperity and poverty*. (1st ed.). New York: Crown Publishers.
14. Dutta, S., Lanvin, B. & Wunsch-Vincent, S. (Eds.). (2013). Insead. Global Innovation Index 2013. Режим доступа: <http://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2013.pdf>.
15. Dutta, S., Lanvin, B. & Wunsch-Vincent, S. (Eds.). (2014). Insead. Global Innovation Index 2014. Режим доступа: <http://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf>.
16. Schwab, K. (Ed.). (2013). The World Economic Forum. The Global Competitiveness Index 2013/2014. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf.
17. Schwab, K. (Ed.). (2014). The World Economic Forum. The Global Competitiveness Index 2014/2015. Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf.
18. The World Bank. The Worldwide Governance Indicators. Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home> (дата обращения: 23.04.15).
19. Faria, V. E. (2002). Institutional reform and government coordination in Brazil's social protection policy. *CEPAL review*, 77, 7–24.

Статья поступила в редакцию 20.01.2015.

GOVERNABILITY AND COMPETITIVENESS OF THE STATE IN MODERN BRAZIL

Blinova E.A.

Blinova Elena Alexandrovna, St. Petersburg State University, 193060, Russia, St. Petersburg, str. Smolny, 1/3. E-mail: caudex@yandex.ru.

In the conditions of uncertainty (globalization processes, environmental problems, population growth, the problem of hunger, the threat of terrorism, and many others) state is interested in new ways how to deal with the challenges of the environment. Over the past three decades Brazil, is actively seeking to improve its position through the reduction of social inequalities, financing knowledge-based industries, improvement of macroeconomic indicators, participation in regional and global international organizations such as the BRICS, Mercosur and others. In this article we analyzed dynamic capacities of Brazil, inclusiveness of its economic and political institutions with the aim to define governability and competitiveness of Brazil state. New dynamic capacities of the Brazilian state, that provided the success of its policy, were formed as a result of structural reforms started in the 1980s and implemented during the presidency of Cardoso and Lula da Silva. Dynamic capacities of the state include: the ability of the state to support and develop innovation activities of private and national companies; maintaining the openness and transparency of administrative processes; establishment of cooperation between business, science and educational sphere; the social capital of the state. At the same time, the inclusiveness of political and social institutions means the democratic nature of the political process, and is an alternative to the distribution and market models of socio-economic development. The study used indicators from the Global Innovation Index for 2013 and 2014 and the Global Competitiveness Index for the 2013/2014 and 2014/2015 years. The analysis revealed that Brazil has managed to achieve stateness condition in providing external security, internal order, legitimacy and governance capability. However, the dynamic state capacities are still at the minimum level, and require further improvement.

Key words: governability, competitiveness, BRICS, Brazil, inclusiveness, dynamic state capacities, stateness, uncertainty.

References

1. Budaev, A. V. (2014). Sravnitel'nyj analiz mjagkoj sily vo vneshnej politike Rossii i Braziii [Comparative analysis of soft power in foreign policy of Russia and Brazil]. *Latinskaja Amerika* [Latin America], 4, 24–31.
2. Vandemoortele, M., Bird, K., Du Toit, A., Liu, M., Sen, K., Soares, F.V. (2013). Sozdavaja osnovu dlja ravnogo rosta: politika social'nogo ravenstva v stranah — chlenah BRIKS. [Building blocks for equitable growth: lessons from the BRICS] *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij* [Bulletin of international organizations], 8 (2), 1657.
3. Vedmeckaja, L. V. (2013). *Dinamicheskie sposobnosti gosudarstva i politika razvitija* [The dynamic capacity of the state and development policy]: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. SPb.
4. Vedmeckaja, L. V. (2013). Sostojatel'nost' i dinamicheskie sposobnosti gosudarstv v jepohu globalizacii. [Stateness and dynamic state capacities in the era of globalization]. *Politicheskaja ekspertiza: POLITEKS* [Political expertise: POLITEKS], 9 (4), 56–69.
5. Gajnutdinova, L. A. (2009). Grazhdanskoe obshhestvo v Argentine i Braziii [Civil society in Argentina and Brazil]. *Latinskaja Amerika* [Latin America], 11, 72–79.

6. Medushevskij, N. A. (2012). Braziliya [Brazil]. *Vestnik mezhdunarodnyh organizacij: obrazovanie, nauka, novaja jekonomika* [Bulletin of international organizations], 7 (4), 33–58.
7. Manning, N. & Parison, N. (2003). Reforma gosudarstvennogo upravlenija: mezhdunarodnyj opyt. [Public management reform: international experience] M.: Izdatel'stvo "Ves' mir".
8. Okuneva, L. S. (2010). Braziliya: opyt social'noj modernizacii v nachale XXI v [Brazil: the experience of social modernization in the beginning of the XXI century]. *Vestnik MGIMO Universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2, 294–310.
9. Simonova, L. N. (2013). Innovacionnaja politika Brazilii [Innovation policy in Brazil]. *Latinskaja Amerika* [Latin America], 9, 18–33.
10. Smorgunov, L. V. (2014). BRIKS i politika spravedlivogo jekonomicheskogo rosta [BRICS and equitable economic growth policy]. *Demokratija i Upravlenie: Inf. bjulleten' SP-RAPN* [Democracy and Governance: Inf. Bulletin of SP-RAPN]. SPb, 1–2 (17–18), 17 20.
11. Trojanskij, M. G. (2013). Koe-čto o cenah v Brazilii [Something about the prices in Brazil]. *Latinskaja Amerika* [Latin America], 12, 23–29.
12. Jakovlev, P. P. (2014). Novye gorizonty oboronno-promyshlennogo kompleksa [New horizons of military-industrial complex]. *Latinskaja Amerika* [Latin America], 4, 32–47.
13. Acemoglu, D. & Robinson, J. A. (2012). *Why nations fail: the origins of power, prosperity and poverty*. (1st ed.). New York: Crown Publishers.
14. Dutta, S., Lanvin, B. & Wunsch-Vincent, S. (Eds.). (2013). Insead. Global Innovation Index 2013. Retrieved from: <http://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2013.pdf>.
15. Dutta, S., Lanvin, B. & Wunsch-Vincent, S. (Eds.). (2014). Insead. Global Innovation Index 2014. Retrieved from: <http://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf>.
16. Schwab, K. (Ed.). (2013). The World Economic Forum. The Global Competitiveness Index 2013/2014. Retrieved from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2013-14.pdf.
17. Schwab, K. (Ed.). (2014). The World Economic Forum. The Global Competitiveness Index 2014/2015. Retrieved from: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GlobalCompetitivenessReport_2014-15.pdf.
18. The World Bank. The Worldwide Governance Indicators. Retrieved from: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>.
19. Faria, V. E. (2002). Institutional reform and government coordination in Brazil's social protection policy. *CEPAL review*, 77, 7–24.

ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКОЙ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Блохин В.Н.

Блохин Виктор Николаевич, Белорусская государственная сельскохозяйственная академия, 213407, Беларусь, г. Горки, Могилевская область, ул. Мичурина, 5. Эл. почта: vik-1987@bk.ru.

Статья рассматривает состояние и динамику сельских территорий российско-белорусского приграничья. Обращается внимание на кардинальные преобразования, которые испытало российское и белорусское село после распада СССР. Оцениваются возможности дальнейшего реформирования и улучшения динамики сельских территорий. Анализируются данные социологических исследований, проведенных российскими и белорусскими учеными, на основании чего строятся прогнозы на будущее. В статье также сформулированы рекомендации по улучшению управления приграничными регионами России и Беларуси. Цель экономических и управленческих преобразований — повышение уровня жизни населения сельских территорий, выход российско-белорусского приграничья на путь устойчивого развития.

Рыночные реформы 1990-х гг. были наиболее радикальными в Российской Федерации. Введение частной собственности, резкое снижение государственных субсидий для сельских территорий, отмена протекционистских мер для иностранных производителей привели к разорению многих российских сельхозпроизводителей, особенно в периферийных районах, к которым относится российско-белорусское приграничие. Недалновидные управленческие решения привели к декапитализации экономики сельских территорий, росту безработицы, обнищанию населения, миграции.

С середины 1990-х гг. рыночные реформы в Беларуси были приостановлены, увеличилась роль командно-административных методов управления, особенно в аграрном секторе — главной экономической сфере села. Усиление роли государства способствовало улучшению социально-экономических условий жизни жителей села. Однако к началу 2000-х гг. положительный эффект государственного регулирования был исчерпан, консервация советской политико-экономической системы повлекла за собой застой в развитии, снижение эффективности сельской экономики, рост убыточных предприятий.

В итоге в России и Беларуси сложились различные системы управления сельскими территориями. Основной управленческой задачей в обоих государствах является поиск наиболее эффективной модели социально-экономического развития села. Эта задача может быть реализована в случае расширения полномочий местной власти, развития различных форм собственности, диверсификации сельской экономики, углубления приграничной интеграции.

Ключевые слова: сельские территории, российско-белорусское приграничие, развитие, реформы, проблемы.

Во второй половине XX в. произошли значительные изменения на региональном и мировом уровне, что было связано с процессами интеграции и регионализации. Значение регионов в динамике большинства государств делает все более важными процессы локального развития (Евлампиева, 2011).

С момента распада Советского Союза в российском и белорусском обществах происходили значительные трансформации. Этот процесс характерен и для сельских территорий.

Приграничные регионы России и Беларуси столкнулись с серьезными проблемами, что неминуемо отразилось на их месте в экономической и социальной жизни своих стран (Катровский, Ковалев, 2012).

Цель исследования — разработка рекомендаций по управлению социально-экономической динамикой сельских территорий российско-белорусского приграничья.

Задачи исследования:

- оценить социально-экономическую динамику сельских территорий России и Беларуси в 1990-е гг. и в начале XXI в.;
- проанализировать влияние целевых программ на развитие сельских территорий;
- определить факторы, которые сдерживают социально-экономическую интеграцию в приграничье.

Преобразования, затронувшие сельские территории России и Беларуси требуют более объективных оценок. Во-первых, были позитивные изменения, связанные с преодолением полного огосударствления аграрной экономики, появление многоукладности в сельском хозяйстве. Во-вторых, это противоречивые результаты земельной реформы, проведенной как в России, так и в Беларуси. В-третьих, это изменения дестабилизирующего характера, в результате которых уровень жизни сельского населения зачастую не повышается, а доля экономически активных и профессионально подготовленных специалистов аграрного производства уменьшается, снижается социальный статус крестьянства (Ильин, 2007).

В настоящее время в России и Беларуси продолжается реформирование села. Повышение эффективности аграрного сектора признается в качестве одного из приоритетов управленцами обеих стран. В то же время стратегия проведения данных преобразований в значительной степени отличается (Блохин, 2012).

В России была взята на вооружение политика стихийных рыночных реформ. Произошло фактическое уничтожение командно-административной системы управления аграрным сектором, но не получили достаточного развития фермерские хозяйства. Такая управленческая политика привела к тяжелым социально-экономическим последствиям для динамики сельских территорий, снижению качества и уровня жизни, падению производства, деградации инфраструктуры

села, увеличению миграционных потоков в города. Сельские территории оказались в состоянии затяжного системного кризиса (Бударин, 2007).

В советский период аграрный сектор Беларуси занимал лидирующие позиции. Но с начала 1990-х гг. сельские территории оказались в тяжелейшем положении. В ходе либеральных реформ произошло разрушение прежней системы государственных дотаций сельскому хозяйству и рост нерентабельных сельскохозяйственных организаций.

В этих условиях остро встал вопрос о законодательной базе развития сельского хозяйства. Первым документом, положившим начало рыночным преобразованиям, стала Программа перехода Белорусской ССР к рыночной экономике.

С 2000 г. начал осуществляться новый комплекс организационных, экономических, социальных мер. Была принята программа совершенствования агропромышленного комплекса. Цель этой программы — создание экономического механизма, основанного на сочетании государственного регулирования и рыночных принципов, развитие всех форм собственности, либерализация ценообразования, переход к единому сельскохозяйственному налогу и т.д. (Пролесковский, Криштопович, 2009).

В аграрной сфере Беларуси до сих пор не преодолена сложившаяся за многие годы деформация отношений между командно-административной системой управления и общественной самоорганизацией жителей села. В итоге продолжает действовать низкоэффективный тип организации сельхозпроизводства. Сохраняется низкий уровень индивидуальной мотивации в общественном секторе, постоянно требуется приток материальных и финансовых ресурсов, которые часто нерационально используются (Лихачев, 2008).

В большинстве стран мира проводятся исследования сельских территорий, что позволяет установить масштабы и причины социальных и экономических изменений, спрогнозировать дальнейшую динамику. Анализ происходящих процессов дает возможность наилучшим образом реагировать на них, рационально использовать государственные субсидии, тем самым развивать человеческий капитал села, повышать качество жизни. (Григоренко, Запольский, 2008).

На сегодняшний день проблема более глубокого и конкретного знания аграрного управления в России и Беларуси, его социальных последствий для различных групп сельского населения проработана недостаточно (Салова, 2011).

Вопрос развития сельских территорий России и Беларуси является одним из острейших и наиболее трудно решаемых. Сегодня он актуален, как и в начале XX в. Начатый недавно процесс становления фермерских хозяйств практически остановился, сельские территории пустеют. Последствия этих процессов имеют не только экономическое, но и серьезное культурное и геополитическое значение. Происходит сокращение культурного и социально-экономического

пространства России и Беларуси, а это уже важная политическая проблема. Она настоятельно требует принятия эффективных решений (Шпакова, 2004).

В декабре 1999 г. вступил в действие Договор о создании Союзного государства России и Беларуси. Данный документ способствовал развитию интеграционных процессов между странами, появился ряд совместных проектов и программ (Базанов, Криштапович, 2011).

Развитие сельских территорий прежде всего зависит от успешного осуществления важных направлений, мер и механизмов агропродовольственной политики государства, и в этом большую роль играет эффективное применение целевых программ.

Целевая программа, будучи важным управленческим инструментом, позволяет определить основную цель, описать все уровни решения проблемы и требуемые для этого ресурсы, проконтролировать расходование выделенных средств и степень достижения поставленной цели. Кроме того, целевые программы, концентрируя дефицитные ресурсы на наиболее приоритетных направлениях, служат эффективным инструментом государственного регулирования АПК (Семирханова, 2011).

В России реализуется приоритетный национальный проект «Развитие АПК», Федеральный закон «О развитии сельского хозяйства» от 29 декабря 2006 г., включающий Доктрину продовольственной безопасности и Концепцию долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. В Беларуси действуют Программа устойчивого развития села, Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Эти инициативы актуализируют необходимость научного осмысления источников возрождения села (Ильин, 2007).

В условиях ограниченности государственной поддержки сельских территорий необходимость применения целевых программ существенно возрастает, поскольку позволяет обеспечить комплексность и системность решения той или иной проблемы сельских жителей, обеспечить адресную поддержку участников программы через их конкурсный отбор, осуществить контроль за целевым использованием выделяемых средств (Семирханова, 2011).

Национальный проект «Развитие АПК» стал первой в истории новой России попыткой целевого государственного программирования развития аграрного сектора. Применявшиеся до этого программы господдержки отдельных отраслей и программы общего характера (включая принятую в 2002 г. Федеральную программу «Социальное развитие села до 2010 г.») были недостаточно профинансированы (в 2004 г. аграрный сектор при доле в ВВП 5,4% имел втрое меньшую долю в расходах федерального бюджета), слабо сбалансированы в межотраслевом и межрегиональном аспектах, практически исключали из господдержки хозяйства населения (производившие более половины валовой продукции сельского

хозяйства), почти ежегодно требовали корректировки условий и размеров господдержки другим хозяйствам, дезориентируя и дестимулируя их.

К моменту принятия нацпроекта по АПК (декабрь 2005 г.) стала очевидной необходимость перехода к системному регулированию и целевой комплексной господдержке аграрного сектора России для окончательного преодоления его трансформационного кризиса, связанного с проведением рыночных преобразований (Фрумкин, 2010).

Аграрный потенциал России — важнейший ресурсный резерв планеты. В соответствии с оценками экспертов, российский АПК может прокормить 2–2,5 млрд. чел. Однако удастся ли этот потенциал не только сохранить, но и реализовать (Ильин, 2007)?

Средняя производительность труда в аграрном секторе России в 1,5–3,5 раза ниже, чем в странах с развитой рыночной экономикой. В итоге в настоящее время РФ производит только 1,5% мировой сельскохозяйственной продукции (Корнекова, Абдулхамидов, 2013).

Оценки успешности проекта «Развитие АПК» в общественном мнении сильно различаются. Опросы по общероссийской выборке свидетельствуют о крайне скептическом отношении людей к задачам и результатам проекта. Опросы сельских жителей рисуют более оптимистическую картину. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в 2006 г. только 1% россиян считал реализацию этого нацпроекта безусловно успешной, еще 11% — скорее успешной. При этом почти половина респондентов затруднилась оценить успешность аграрного проекта (44%), а 16% россиян считали все национальные проекты пропагандистской акцией для отвлечения внимания людей от действий, направленных на ухудшение жизни населения.

Результаты же опроса сельских жителей, проведенного в 2006 г. в 33 регионах Всероссийским институтом аграрных проблем и информатики (ВИАПИ), резко отличаются от данных ВЦИОМ. Было опрошено сельское население: 6319 участников и 12 710 неучастников проекта; около половины участников проекта и около 40% неучастников считали, что влияние нацпроекта на сельское хозяйство окажется существенным (Барсукова, 2013).

В 2013 г. завершился мониторинг социально-трудовой сферы села, который был инициирован Центром социальной политики и мониторинга сельского развития ГНУ ВНИИЭСХ.

В результате 15-летних наблюдений за изменениями в состоянии и тенденциях в социально-трудовой сфере сельских территорий было отмечено, что трансформационный период России сопровождался огромными социальными издержками, которые легли в большей мере на сельское население. Уровень общей безработицы на селе почти вдвое выше, чем в городе (8,5 против 4,5%). Только 34% сельских безработных состоят на регистрационном учете.

Остальные социально не защищены на рынке труда, не получают пособия по безработице, помощи в трудоустройстве, профессиональной ориентации, подготовке и переподготовке. Среди сельской молодежи 15–29 лет уровень безработицы достигает 13,9%, а городской — 8,3%. Фактические масштабы сельской безработицы намного больше.

Нарастает абсолютная разница в размере заработной платы в сельском хозяйстве и в целом по экономике. Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в сельских поселениях России в 1,9 раза больше, чем в городских. Коэффициент локализации бедности в сельской местности, выражающий соотношение между долей сельского населения в общей численности населения и его долей в численности малоимущих, увеличился с 1,18 в 2000 г. до 1,55 в 2012 г. По данным социологических обследований, более половины жителей села находится, по их мнению, в очень трудной жизненной ситуации, причем 9% оценивают ее как бедственное положение, которое терпеть уже невозможно.

При этом основная масса сельчан не ждет благоприятных перемен в среднесрочной перспективе. В то, что село твердо встает на путь возрождения и устойчивого развития, будет восстановлена роль российского крестьянина как основного кормильца народонаселения страны, верят только 14% респондентов, остальные не видят «света в конце туннеля», в том числе 39,5% считают, что село станет еще более обезлюдившим и заброшенным (Рущицкая, Рущицкая, 2014).

Настроения работников аграрного сектора Беларуси были изучены автором в 2015 г. в ходе проведенного социологического исследования по методу анкетного опроса на тему «Динамика агропромышленного комплекса Беларуси».

В исследовании приняли участие 310 чел. — сотрудники аграрных предприятий Могилевской и Витебской областей.

На вопрос о мере удовлетворенности условиями труда 29% опрошенных ответили, что полностью не удовлетворены и по 23% заявили, что скорее не удовлетворены и скорее удовлетворены. Лишь 19% респондентов отметили, что полностью удовлетворены условиями труда.

Среди причин недовольства условиями труда (можно было выбрать несколько вариантов) 89% отметили низкий уровень заработной платы, 56% указали на отсутствие возможностей профессионального роста, еще по 22% не довольны слаборазвитой инфраструктурой и малыми социальными гарантиями.

Среди наиболее привлекательных факторов в работе 55% респондентов назвали свой коллектив, в то же время более 32% отметили, что вообще не видят ничего хорошего.

Современное положение отрасли как сложное оценили 55% работников АПК. Почти 23% назвали его катастрофическим. Лишь чуть более 19% считают, что положение хорошее и прогресс очевиден.

Более 71% участников анкетирования уверены, что сельское хозяйство Беларуси нуждается в реформировании.

60% респондентов думают, что нужно реформировать прежде всего систему управления АПК. 26% убеждены, что необходим переход к частному сельскому хозяйству.

87% опрошенных работников аграрного сектора поддерживают развитие фермерства в Беларуси. В то же время только 22,6% уверенно заявляют, что хотели бы стать фермерами. Почти половина опрошенных аграриев не готова взять на себя инициативу и ответственность и заняться фермерством.

В итоге можно сделать вывод, что большинство жителей сельских территорий Беларуси стремятся к улучшению своего уровня жизни и позитивно оценивают продолжение реформирования АПК, в то же время абсолютное большинство до сих пор не готово к радикальным рыночным преобразованиям. Подобную специфику мировоззрения сельчан необходимо учитывать в дальнейшем при разработке аграрной политики.

Исследователи, обосновывающие необходимость дальнейших либеральных преобразований в социально-экономической сфере села, отмечают, что реформы в аграрном секторе до сих пор не привели к позитивным сдвигам. В сельском хозяйстве продолжают действовать старые правила игры, принимающие порой гипертрофированные формы, и сегодня социально-экономические отношения внутри большинства сельскохозяйственных предприятий воспроизводят «пороки» отношений коллективной собственности, свойственные и дореволюционной крестьянской общине, и советской системе колхозно-совхозного строя, — рентоориентированное поведение всех групп интересов внутри хозяйства, приводящее к сверхэксплуатации его ресурсов (Нечипоренко, 2009).

Среди рисков, имеющих решающее значение для устойчивого развития аграрного сектора экономики России и Беларуси, — природно-климатические, политические и геополитические. Политические риски представляют наибольшую опасность. Они часто связаны с изменениями политической системы внутри государства или в мире, что приводит к реформам земельных отношений, системы управления и аграрной сферы в целом.

В настоящее время при стабилизации внутривнутриполитической обстановки в Российской Федерации особую опасность для динамичного развития сельских территорий представляют геополитические угрозы. Так, в 2014 г. в ответ на введенные санкции Российская Федерация резко ограничила импорт продовольственных товаров из стран Западной Европы, США, Австралии и др.

В связи с этим запретом в Российской Федерации возникает проблема импортозамещения. Ведь в 2013 г. на приобретение продовольствия по импорту в Российской Федерации было израсходовано 43,5 млрд. дол.

В создавшихся условиях проблема обеспечения продовольственной независимости, а вместе с ней и развития сельских территорий должна решаться комплексно.

Ключевой тенденцией развития регионов России на современном этапе является неравномерность, что приводит к появлению затруднений в формировании универсальной политики регионального управления. Данное обстоятельство диктует необходимость исследования особенностей поступательной динамики региональных социально-экономических систем в настоящее время (Сайранова, 2012).

За постсоветский период произошло существенное снижение социально-экономической роли российских регионов, пограничных с Беларусью. Удельный вес этих регионов России в общей численности населения уменьшается. Приграничные территории активно теряли население как за счет естественного движения, так и миграции (Часовский, 2014).

Таким образом, за 20 постсоветских лет районы российского приграничья потеряли более 15% населения, а белорусского приграничья — около 12%. Наибольшие демографические потери имели место в административных районах, непосредственно прилегающих к белорусско-российской границе. Для этих территорий распад Советского Союза стал наиболее болезненным.

Представители государственного и регионального управления часто отмечают успехи в интеграции двух стран. Однако, учитывая социально-экономические и демографические изменения, произошедшие в приграничье, можно утверждать, что российско-белорусский приграничный ареал не стал зоной активного контакта и взаимодействия, а межрегиональное сотрудничество не переросло в глубокую приграничную интеграцию (Катровский, Ковалев, 2012).

Таким образом, в хозяйственном и демографическом плане приграничные регионы в целом являются депрессивными, имеющими нерентабельное сельское хозяйство и недостаточно развитую транспортную инфраструктуру. Обозначенные проблемы — следствие недостаточной эффективности местной власти.

В развитии межрегионального экономического сотрудничества России и Беларуси имеются серьезные проблемы, не в последнюю очередь связанные с различиями в экономических моделях, используемых государствами. Можно выделить несколько групп факторов — ограничителей межрегиональной интеграции.

- 1) отсутствие специальных целевых программ на областном уровне для приграничных районов;
- 2) недостаточное внимание к развитию приграничных регионов на межгосударственном уровне в рамках Союзного государства России и Беларуси;
- 3) неэффективное управление и дефицит инициативы местных властей;

- 4) нехватка инвестиционных ресурсов;
- 5) коррупция и криминализованность, деформирующие все хозяйственные отношения;
- 6) несовершенство законодательной базы (Часовский, 2014).

Однако приграничные территории России и Беларуси должны максимально использовать так называемый эффект приграничного соседства. Этот эффект обусловлен не просто исторически сложившимися однотипными культурно-цивилизационными комплексами, но и прагматическими факторами: отсутствием языковых барьеров; наличием у деловых кругов ближних стран большей информации о возможностях сотрудничества по сравнению с удаленными регионами; возможностью экономии на транспортных издержках и координации производственных цепочек.

Решение многих проблем сельских территорий российско-белорусского приграничья находится только на начальном этапе, а некоторые из них еще требуют поиска приемлемых алгоритмов. Это касается отношений собственности, бизнеса, рыночного регулирования производства и т.д., поэтому действующие в настоящее время модели развития сельских территорий в России и Беларуси следует по-прежнему квалифицировать как переходные или поисковые.

Переходная модель развития характеризуется тем, что в обеих странах продолжается совершенствование производственно-экономических и правовых отношений, форм и механизмов организации и управления производством и экономикой. Поисковая модель является открытой для разного рода экспериментов и инноваций. Идет непрерывный поиск более эффективных форм развития села, методов хозяйствования, видов производства, способов и каналов рыночной торговли. Конечно, это не всегда хорошо для долгосрочной устойчивости экономики, сельские производители не всегда знают, какие изменения их ждут впереди, но не так и плохо, поскольку сам рынок — это постоянный поиск всего лучшего: форм организации и управления, отношений с партнерами, техники, технологий и т.д. (Гусаков, 2008).

Будущее сельских территорий — это переход к устойчивому социально-экономическому развитию и новое качество жизни всего населения. Естественно, эта цель потребует значительного усложнения сельской экономики, когда в комплексе с крупными интегрированными структурами будут работать фермерские хозяйства и предприятия несельскохозяйственного профиля. При этом важно добиться рационального сочетания экономической эффективности крупных хозяйств и социальной эффективности малого и среднего бизнеса, производящего товары и услуги. У крупных хозяйств лучшая себестоимость серийной массовой продукции. У малых предприятий, наоборот, уникальное качество товаров и возможность определять уровень социальной насыщенности, комфортности и качества сельской жизни.

Одной из важнейших задач местного управления должно стать эффективное использование многофункциональности сельской местности, предполагающее диверсификацию рынка труда, обучение сельчан новым технологиям, развитие социальной инфраструктуры и несельскохозяйственных предприятий.

Представители власти приграничных регионов России и Беларуси должны придерживаться в своей деятельности следующих принципов:

- направлять средства местных бюджетов исключительно на реализацию четко проработанных, высокоэффективных социально-экономических проектов;
- усилить взаимодействие и координацию на национальном и региональном уровне, что должно способствовать развитию специализации сельских территорий, тем самым должна повыситься конкурентоспособность регионов;
- повышать эффективность сельской экономики путем развития предприятий всех форм собственности и не только аграрной направленности;
- разрабатывать многолетние региональные программы развития с ориентацией на сотрудничество с приграничными регионами.

Подводя итог, можно констатировать, что для улучшения социально-экономического положения сельских территорий России и Беларуси необходима существенная реформа системы местного управления. Органы местной власти в обоих государствах должны иметь максимально широкие полномочия в решении локальных вопросов социально-экономического развития. В настоящее время таких полномочий у системы местного управления недостаточно ни в России, ни в Беларуси.

Для решения многочисленных проблем сельских территорий России, безусловно, необходимо резкое увеличение финансирования со стороны федеральной власти. Российское село долгое время находится в состоянии хронического недофинансирования (субсидии на АПК составляют менее 2% бюджета) и без увеличения государственных субсидий никакие прогрессивные реформы не дадут быстрого эффекта. Так, приграничные с Беларусью сельские территории относятся к числу социально и экономически депрессивных районов, не обладают высокоплодородными землями, в подобной ситуации органы местного управления не в состоянии кардинально повлиять на изменение ситуации в позитивную сторону.

Сельские территории Беларуси более 10 лет получают приоритетное финансирование (субсидии на АПК составляют более 22% бюджета), но социально-экономический эффект от огромных государственных вложений остается недопустимо низким (более 35% государственных сельскохозяйственных предприятий нерентабельны). Данное положение можно объяснить излишней централизацией управления, сохранением и доминированием командно-административных методов, заимствованных у советской политико-экономической

системы. Поэтому местная система управления в Беларуси нуждается в скорейшем предоставлении большей свободы, что должно привести к увеличению экономического роста, ускорению социального развития и снижению государственных субсидий на поддержку АПК.

Параллельное проведение предложенных преобразований в социально-экономической политике двух стран предоставит возможность для интенсификации приграничного сотрудничества. Взаимодействие между соседними регионами значительно расширится, что позволит реализовывать комплекс совместных программ в рамках Союзного государства и развивать локальные инициативы местной власти. Приграничное положение, будучи выгодным преимуществом, имеет большой потенциал, что необходимо использовать на благо населения обоих государств.

Библиографический список

1. Базанов, А. В., Криштапович, Л. Е. (2011). *Союзное государство как императив развития Беларуси и России в современном мире*. Минск: ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь.
2. Барсукова, С. Ю. (2013). Вехи аграрной политики России в 2000-е годы. *Мир России*, 1, 3–28.
3. Блохин, В. Н. (2012). Социально-экономические проблемы развития сельских территорий российско-белорусского приграничья. *Материалы международной научно-практической конференции «Приграничные территории: проблемы и перспективы развития» (18–21 октября 2012)*. (с. 36–37). Кызыл: ТувИКОПР СО РАН.
4. Бударин, Л. (2007). Приоритетный национальный проект «Развитие АПК»: год спустя. *Аграрный эксперт*. Апрель, 3–6.
5. Григоренко, А. В., Запольский, М. И. (2008) Интеграция субъектов сельских территорий: некоторые подходы по оценке их деятельности. *Вестник НАН Беларуси*, 1, 18–23.
6. Гусаков В.Г. (2008). Основные концептуальные подходы перспективной организации сельского хозяйства хозяйств. *Вестник НАН Беларуси*, 4, 12–19.
7. Евлампиева, Е. В. (2011). Становление политики взаимоотношений федерального центра и регионов в современной России. *Экономические и гуманитарные исследования регионов*, 6, 80–86.
8. Ильин, И. Е. (2007). *Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв.*: автореф. дис... д-ра ист. наук. Чебоксары: ЧГИГН.
9. Катровский, А. П., Ковалев Ю. П. (2012). *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен* (с. 4–20). Смоленск: Универсум.
10. Корнекова, С. Ю., Абдулхамидов, Э. Д. (2013). Государственная поддержка животноводства — условие продовольственной безопасности России. *Общество. Среда. Развитие*, 4, 31–34.
11. Лихачев, Н. Е. (2008). Аграрные преобразования в Беларуси: социологический анализ ситуации. *Социология*, 1, 124–131.

12. Нечипоренко, О. В. (2009). Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация? *Социс*, 6, 57–66.
13. Пролесковский, О. В., Криштапович, Л. Е. (2009). *Белорусский путь* (с. 15–43). Минск: ИАЦ при Администрации Президента Республики Беларусь.
14. Рущицкая, О. А., Рущицкая, О. Е. (2014). Социальные аспекты несостоятельности сельскохозяйственных предприятий. *Аграрный вестник Урала*, 8 (126), 101–104.
15. Сайранова, М. В. (2012). Современные тенденции в развитии региональных социально-экономических систем. *Труды вольного экономического общества России*, 155, 354–358.
16. Салова, М. С. (2011). Кооперативная основа агропромышленного комплекса. *Труды вольного экономического общества России*, 154, 203–212.
17. Семирханова, О. Н. (2011). Целевая программа как эффективный инструмент регулирования АПК. *Труды вольного экономического общества России*, 151, 428–451.
18. Фрумкин, Б. Е. (2010). Национальный проект по агропромышленному комплексу и развитие сельского хозяйства России. *Труды вольного экономического общества России*, 99, 188–205.
19. Часовский, В. И. (2014). Трансграничное экономическое сотрудничество российских и белорусских регионов. *Псковский регионологический журнал*, 17, 108–117.
20. Шпакова, Р. П. (2004). Макс Вебер: «Аграрный вопрос». *Журнал социологии и социальной антропологии*. Том VII, 2 (26), 61–76.

Дата

.....

POSSIBILITIES OF THE SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS MANAGEMENT OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDERLAND RURAL AREAS

Blokhin V.N.

Blokhin Viktor Nikolaevich, Belarusian State Academy of Agriculture, 213407, Belarus, Gorki, Mogilev region, str. Michurina, 5. E-mail: vik-1987@bk.ru.

The article examines the state and dynamics of the Russian-Belarusian borderland rural areas. Attention is drawn to the radical transformation Russian and Belarusian countryside has experienced after the collapse of the Soviet Union. The article evaluates the possibilities of further reforming and improving the rural areas dynamics. The author analyzes the sociological studies conducted by Russian and Belarusian scientists the latter being used to make future forecasts. Recommendations as to how to improve the management of border regions of Russia and Belarus are also made in the article. The economic and managerial transformation aims at improvement of rural areas living standards, the entrance of the Russian-Belarusian border area on the way of sustainable development.

The market reforms of the 1990s were the most radical in the Russian Federation. The establishment of private property, an abrupt decline of state subsidies for rural areas, and the abolition of protectionist measures to foreign producers have led to the ruin of many Russian farmers, especially in the peripheral areas including the Russian-Belarusian border region. Short-sighted administrative decisions led to the economy decapitalization of rural areas, unemployment rise, the impoverishment of the population, migration.

The market reforms in Belarus have been suspended since the mid-1990s, the role of the command-administrative management methods has increased, especially in the agricultural sector, the main economic sector of the countryside. Strengthening the role of the state con-

tributed to the improvement of socio-economic conditions of the rural areas population. But by the early 2000s the positive effect of state regulation has been exhausted, preservation of the Soviet political and economic system leads to stagnation in the development, inefficiencies of the rural economy, the growth of unprofitable enterprises.

As a result, various systems of rural areas management have been formed in Russia and Belarus. The main managerial task in both countries is to find the most efficient model of socio-economic development of the countryside. This task can be implemented in case of empowering of local authorities, the development of various forms of ownership, rural economy diversification, the deepening of cross-border integration.

Key words: rural areas, Russian-Belarusian borderland, development, reforms, problems.

References

1. Bazanov, A. V. Krishtapovich, L. E. (2011). *Union State as an imperative of Belarus and Russia in the modern world* (pp. 10–31). Minsk: IAC under the Administration of the President of the Republic of Belarus.
2. Barsukov, S. Y. (2013). Milestones of Agrarian Policy of Russia in the 2000s. *World of Russia*, 1, 3–28.
3. Blokhin, V. N. (2012). Socio-economic problems of development of rural territories of the Russian-Belarusian border region. *Proc. of International scientific-practical conference "Cross-border territories: problems and prospects of development" (18–21 October 2012)* (cc. 36–37) Kyzyl: TyvikOPR SO RAN.
4. Budarin, L. (2007). Priority national project "Development of agriculture": a year later. *Agricultural expert*, April, 3–6.
5. Grigorenko, A. V., Zapolskii, M. I. (2008). Integration of subjects in rural areas: some approaches to assessing their performance. *Bulletin of National Academy of Sciences*, 1, 18–23.
6. Gusakov V.G. (2008). The main conceptual approaches promising organization of agriculture farms. *Bulletin of National Academy of Sciences*, 4, 12–19.
7. Evlampieva, E. V. (2011). Formation of a policy relations between the federal center and the regions in modern Russia. *Economic and humanitarian research areas*, 6, 80–86.
8. Ilyin, I. E. (2007). *Agrarian reform in Russia at the turn of XX–XXI centuries* (Cand. Diss.) Doc. ist. Sciences. Cheboksary: CGIGN.
9. Katrovsky, A. P., Kovalev Y. P. (2012). *Russian-Belarusian border area: Twenty Years of Change* (pp. 4–20). Smolensk: Universum.
10. Kornekova, S. Y., Abdulkhamidov, E. D. (2013). State support for livestock — a condition of food security of Russia. *Society. Environment. Development*, 4, 31–34.
11. Likhachev, N. E. (2008). Agrarian reforms in Belarus: a sociological analysis of the situation. *Sociology*, 1, 124–131.
12. Nechyporenko, O. V. (2009). Rural and agrarian reform areas: adaptation, or degradation? *Sotsis*, 6, 57–66.
13. Proleskovsky, O. V., Krishtapovich, L. E. (2009). *Belarusian way* (pp. 15–43). Minsk: IAC at the Presidential Administration of the Republic of Belarus.
14. Ruschitskaya, O. A., Ruschitskaya, O. E. (2014). Social aspects of insolvency of agricultural enterprises. *Agrarian bulletin of the Urals*, 8 (126), 101–104.

15. Sayranova, M. V. (2012). Current trends in the development of regional socio-economic systems. *Proc. of the Free Economic Society of Russia*, 155, 354–358.
16. Salova, M. S. (2011). Cooperative basis agribusiness. *Proc. of the Free Economic Society of Russia*, 154, 203–212.
17. Semirhanova, O. N. (2011). Target program as an effective tool for regulating the AIC. *Proc. of the Free Economic Society of Russia*, 151, 428–451.
18. Frumkin, B. E. (2010). National project on agriculture and the development of agriculture in Russia. *Proc. of the Free Economic Society of Russia*, 99, 188–205.
19. Chasovski, V. I. (2014). Cross-border economic cooperation between Russian and Belarusian regions. *Pskov regionologichesky magazine*, 17, 108–117.
20. Shpakova, R. P. (2004). Max Weber: “The Agrarian Question”. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. T. VII. 2 (26), 61–76.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВНЕШНИХ ТРУДОВЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ ИЗ Г. ВАНАДЗОРА

.....

Каракешишян М.

Каракешишян Мелине, Ванадзорский государственный университет, 2021, Армения, г. Ванадзор, пр. Тигран Меци, д. 36. Эл. почта: melva88@mail.ru.

Работа посвящена анализу ряда социальных характеристик внешних трудовых миграционных потоков из г. Ванадзора. На основе результатов количественных и качественных опросов, проведенных весной 2013 г. в Ванадзоре, в статье анализируется демографическая структура, величина, причины и последствия, а также половозрастная структура и уровень образования ванадзорских трудовых мигрантов. Рассматривается ряд особенностей миграционных потоков, связанных со спецификой ситуации, сложившейся в г. Ванадзоре в постсоветскую эпоху. В работе особое место занимает анализ ванадзорских миграционных сетей, которые формируются в результате миграционных потоков и которые способствуют увеличению объемов внешней трудовой миграции, а также выявляются особенности некоторых видов и механизмов формирования миграционных потоков. В работе представлены также различия механизмов формирования и направления женских и мужских миграционных потоков, особенности транзитных (внутренних и внешних) и прямых миграционных потоков, а также различия маятниковой, сезонной и долгосрочной миграции и их влияние на формировании миграционных сетей. В статье рассматривается также переменчивость удовлетворенностью ванадзорской жизнью, связанная с миграционной деятельностью, которая свидетельствует об особенностях субъективного восприятия явлений.

Ключевые слова: миграция, миграционный поток, миграционная сеть, сеть социальных связей, прямая миграция, транзитная миграция.

Миграция стала одним из самых важных понятий в современном мире, которое более или менее изучено почти во всех обществах, чтобы сделать ее более предсказуемой и управляемой. Она может изменить демографическую, экономическую, политическую и социальную структуры и создать новую культурную область, что вызывает вопрос о национальном самосознании, создать глобальную область и постепенно развивающуюся систему ценностей (Castels, Miller, 1998).

Армения всегда была вовлечена в миграционные процессы, но вынужденная миграция, которая началась в XX веке, оставила глубокий след в истории Республики Армения. Геноцид 1915 года послужил основанием массовой вынужденной миграции и формированию сильной диаспоры, которая по численности в несколько раз превышает население Армении. Армянские общины образовались не только в странах Средиземноморья, но также и в Европе, на

Ближнем Востоке и в России. Со всем этим с конца XX столетия с распадом Советского Союза, Нагорно-Карабахским конфликтом и разрушительным землетрясением 1988 года реалии армянской миграции кардинально изменились. Первой крупномасштабной волной миграции в Армении стала эвакуация около 20000 жителей из зоны разрушения в результате землетрясения 1989 г. в бывшие республики Советского Союза. В течение последующих пары лет три четверти из них вернулись, другие же остались в странах своей эмиграции, что привело к формированию устойчивых миграционных потоков (политическое понятие из государственного положения о миграции в Армении). Одним из проявлений устойчивости таких потоков является связь потоков мигрантов из Армении с определенными направлениями, которые связывают конкретные места постоянного жительства в странах-донорах и в принимающих странах.

Формирование таких устойчивых потоков в Армении привело к формированию миграционных сетей, которые поддерживают миграцию в пространстве и времени (Massey, Douglas, Arango, Hugo, Kouaci, Pellegrino, Taylor, 1993). Сети социальных связей мигрантов влияют на решения мигрантов при выборе соответствующей страны (Vertovec, Steven, 2002). Сети стали важным ресурсом для мигрантов, позволяя им сокращать риски и расходы (Massey, Douglas, Arango, Hugo, Kouaci, Pellegrino, Taylor, 1998). Современные исследования показывают, что направления миграции зависят от некоторых социальных факторов, и их невозможно объяснить только экономическими и политическими факторами. Все это позволяет изучить миграцию с точки зрения как разницы в доходах, так и некоторых других социальных факторов (Heinde Naas, 2010). Выше упомянутые исторические события постепенно обусловили переход от одного типа миграции к другому (трудовая миграция постепенно начала расти в Армении в основном в результате вынужденной миграции), а также появление новых типов мигрантов, таких как «трансмигранты» (Glick Schiller, Basch, Blanc-Szanton, 1992).

Трудовая миграция — процесс передвижения людей из страны в страну или с места постоянного проживания внутри страны в поисках работы (Perruchoud, Redpad, 2013.). Сегодня трудовая миграция оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на мир в целом, и Армению в частности. Это объективная реальность, и многие исследователи настаивают, что при ближайшем рассмотрении выявляется больше положительных последствий, нежели отрицательных (Зайончковская, 2011). Сегодня внешняя трудовая миграция из Армении представляет собой один из важнейших компонентов социально-экономической системы страны. Для большинства армянских семей основным источником дохода являются средства от внешней трудовой миграции, а соответственно наличие трудовой миграции является одним из способов увеличения доходов государства. В настоящее время трудовая миграция считается наиболее изученной, но в то же время наименее раскрытой. Чтобы грамотно управлять процессами трудовой миграции и получать от нее больше положительных

результатов, нежели отрицательных, необходимо внедрить современные подходы исследования в Армении, которые позволят выявить истинные причины миграции, механизмы формирования конкретных направлений и меняющихся тенденций. Одной из таких тенденций является использование социологического подхода, который позволяет изучить социальные факты, в значительной степени определяющие поведение мигрантов (Арутюнян, Заславская, 2010.).

Работа, описывающая характер реалии армянской миграции с ее особенностями, посвящена изучению внешних потоков трудовых мигрантов из Ванадзора (бывшего Караклиса, Кировокана), как бывшего некогда промышленного города Республики Армения. В 1978 году в нем было 27 промышленных предприятий — «Автогенмаш», «Автоматика», «Химпром» (химическая промышленность), «Полимерсосиндз» (полимерный клей) и другие заводы и научно-производственные объединения, большая часть которых закрылась в результате вышеперечисленных процессов, что привело к формированию огромных миграционных потоков в Ванадзоре. Помимо этого, формированию крупных миграционных потоков из Ванадзора способствовали Нагорно-Карабахский конфликт, землетрясение в Спитаке и другие социально-экономические и политические процессы. Эти бедствия имели драматические последствия для социально-демографической обстановки в регионах Ширак и Лори, в особенности для Гюмри и Ванадзора. Сегодня эти два региона относятся к регионам наиболее активной миграции (Еганян, Шахназарян, 2004).

Чтобы получить представление о потоках рабочей силы, сформировавшихся в Ванадзоре, было проведено комплексное социологическое исследование с применением количественных и качественных методов. Количественное исследование было проведено весной 2013 года. Выбранный конгломерат включал в себя 1054 семей¹. Основной задачей исследования было изучить особенности миграционных потоков в Ванадзоре, их сущность, структуру, механизмы формирования и функционирования.

Теперь опишем миграционные потоки в Ванадзоре. В 36,1% из 1054 выбранных семей есть внешние трудовые мигранты, то есть почти треть семей вовлечены в миграционные процессы. Важно отметить, что эта цифра относится только к транснациональной миграции, однако, в ходе проведения исследования выяснилось, что число мигрантов, уехавших с семьями, огромно, но о них нет подробной сведений.

Чтобы получить представление о большинстве людей, прибегших к миграции, мы представим половозрастную структуру мигрантов (рис. 1).

Как видно из диаграммы 1, 91% мигрантов, то есть подавляющее большинство, составляют мужчины, из которых 85,8% в возрасте от 26 до 28 лет.

¹ Объем данной работы позволяет сократить предельную погрешность до 3% при 5% уровне значимости.

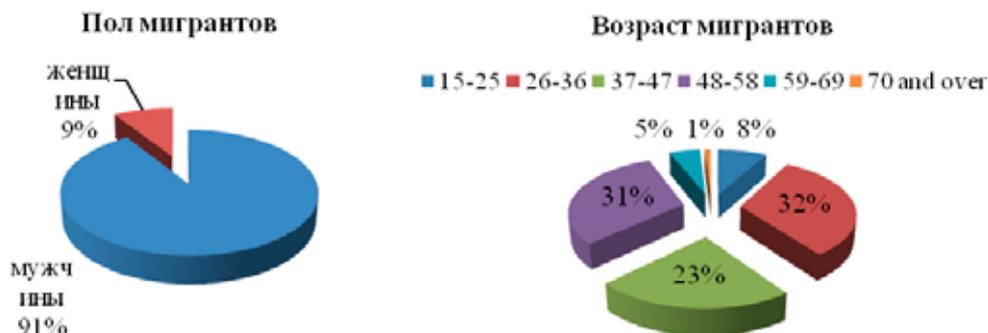
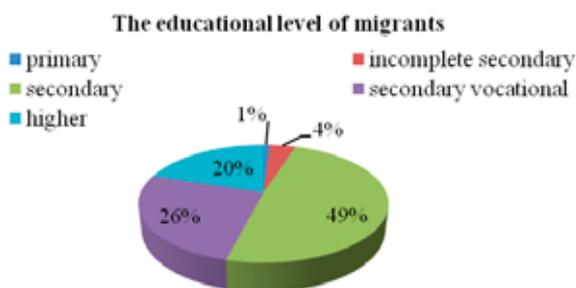

Рис. 1. Половозрастная структура миграции

Рис. 2. Уровень образования мигрантов²

Сравнивая общий возрастной диапазон армянских мигрантов, мы наблюдаем, что миграция «молодеет», так как возраст 39,8% мигрантов до 36 лет. Более того, большинство мигрантов этой возрастной группы не женаты (неженатые люди составляют 17,4% от общего числа мигрантов). С одной стороны, факторы, которые побуждают женатых мигрантов возвращаться на Родину, ниже, чем у неженатых людей и миграционные риски ниже. С другой стороны, миграционные процессы для женатых мигрантов становятся иногда причиной распада семей, роста оставленных без опеки пенсионеров или отъезда целых семей из Армении.

Теперь мы хотели бы затронуть вопрос уровня образования мигрантов (рис. 2).

Примерно 49% мигрантов имеют среднее образование, 26% — среднее специальное, и 20% — высшее образование. Такое процентное соотношение мигрантов с высшим образованием может быть обусловлено внутренней миграцией из Ванадзора в Ереван. В большинстве случаев, в столицу отправляются желающие получить высшее образование, а также специалисты с высшим образованием,

² The educational level of migrants – уровень образования мигрантов; primary – начальное; secondary – среднее; higher – высшее; incomplete secondary – неоконченное среднее; secondary vocational – среднее специальное.

Таблица 1

Профессиональная подготовка мигрантов с высшим образованием

Профессия	Доля с высшим образованием
Инженер	17,3%
Экономист	13,3%
Педагог	8%
Юрист	9,3%
Врач	6,7%
Историк, программист, математик и другие профессии	45,4%

Таблица 2

Удовлетворенность жизнью среди мигрантов и жителей г. Ванадзора

	Семьи, участвующие в миграционном процессе	Семьи, не участвующие в миграционном процессе
Довольны	7,7%	13,9%
Частично довольны	33,3%	41,5%
Частично недовольны	6,3%	6,2%
Совершенно недовольны	52,6%	38,4%

соответственно, у потоков мигрантов с высшим образованием из Ванадзора может быть внутригосударственный характер.

Мигранты с высшим образованием могут иметь следующую профессиональную подготовку (табл. 1).

Специфика профессиональной подготовки мигрантов из Ванадзора также связана с промышленным прошлым города. Наличие 17,3% инженеров подтверждает тенденцию к оттоку специалистов, однако 76,1% мигрантов не работает по специальности за границей, что доказывает снижение ценности профессиональной подготовки во время миграции.

Согласно результатам исследования, удовлетворенность жизнью среди мигрантов значительно ниже, чем среди жителей Ванадзора, не участвующих в миграции (табл. 2).

Кроме того, если сравнить доходы и расходы семей с мигрантами и без них, можно отметить, что рост доходов напрямую коррелирует с ростом миграции. Уровень удовлетворенностью жизнью мигрантов снижается по мере роста доходов, что доказывает наличие субъективного восприятия. Таким образом, из-за миграционных процессов в Ванадзоре социальные ожидания мигрантов возрастают, а уровень удовлетворенности жизнью падает.

Таблица 3

Социальные связи, порождающие миграцию

Как мигранты находят работу за рубежом	Доля
По объявлением	4%
По совету знакомых и друзей	54,2%
С помощью родственников	29,5%
Через частные фирмы	5,3%
Случайно	0,3%
С помощью центров занятости, комитета по миграции	3,3%
С помощью агентства по трудоустройству	0,6%
Самостоятельно	3,2%

Теперь обратимся к механизмам формирования миграции в Ванадзоре. Сети социальных связей являются значимым фактором в формировании миграционных потоков (табл. 3).

У 57,6% мигрантов есть родственники, друзья и знакомые, которые имеют сравнительно высокий социальный статус за границей, а именно, 14,3% являются высокопоставленными чиновниками, 10,1% занимают административно-правовые должности, 20,6% — богатые частные предприниматели, а 12,6% — влиятельные начальники. Вышесказанное свидетельствует, что социальный статус в Армении компенсируется высоким положением за рубежом.

Согласно результатам исследования, наличие сетей социальных связей повышает вероятность участия в миграционных потоках, потому что при этом снижаются риски миграции и расходы на нее. Сетям социальных связей отводится огромная роль в формировании миграционных потоков, а участие каждого нового мигранта способствует возрастанию риска расширения миграционных потоков.

Помимо этого, необходимо отметить, что 9,2% мигрантов нашли работу и приняли участие в миграционных потоках с помощью соответствующей инфраструктуры в стране назначения (частная компания, центр занятости, комитет по миграции, агентство по трудоустройству). Как иностранные организации, так и частные предприниматели внесли вклад в формирование этой инфраструктуры, которая организует постоянный поток из Ванадзора для привлечения большего количества дешевой рабочей силы и специалистов. В Ванадзоре к миграционным потокам легко присоединяются не только безработные, но и трудоустроенные жители. Наличие работы в Ванадзоре увеличивает возможность участия в миграционном процессе, потому что значительная часть работодателей подписывают неформальные соглашения о предоставлении потока рабочей силы и специалистов иностранным организациям. Примером таких потоков может служить миграция швей из Ванадзора в Иваново и Раменское и миграция

строителей и промышленных рабочих в Сургут, Тулу, Калугу, Оренбург, Адлер, Сочи, Красноярск и т.д.

Участники миграционных потоков привлекают новых участников в свою очередь и способствуют расширению миграции. Интересным представляется то, что женщины-мигранты мобилизуют больше новых участников, чем мужчины. Посредством этого, существенная часть женщин-мигрантов пытается обеспечить свою безопасность и сократить миграционные риски. Соответственно, возрастающее количество женщин-мигрантов может способствовать увеличению потоков миграции. Согласно исследованию, число женщин-мигрантов составляет 50% от международных мигрантов в XXI веке (Morillons...), а процесс феминизации уже начался в Армении (Кавказский ресурсный исследовательский центр. Европейский фонд образования, 2013).

Внешние потоки миграции из Ванадзора можно разделить на два главных типа: прямая миграция, которая осуществляется напрямую из Ванадзора, и транзитная миграция. Как правило, во внутренней транзитной миграции, проходящей по маршруту Ванадзор–Ереван–зарубежные страны, участвуют мигранты с высшим образованием, то есть осуществляется отток «специалистов», «интеллектуальной». Отток рабочей силы и специалистов также составляет заметную долю прямых миграционных потоков.

Также можно выделить «внешние транзитные миграционные потоки», значительная часть которых направлена в Москву. Сургут, Тула, Калуга, Оренбург и Краснодар являются транзитными городами, откуда множество мигрантов из Ванадзора начинают свой миграционный маршрут, а потом переезжают в Москву. Большинство из вышеупомянутых городов считаются крупными промышленными центрами Российской Федерации, в которых развиты химическая, металлургическая и текстильная промышленность, а также машиностроение. Значительная часть мигрантов из Ванадзора, которые отправляются в вышеупомянутые города, работают в сфере промышленности, что подтверждает тенденцию оттока специалистов из бывшего промышленного города.

Начинают развиваться внешние миграционные потоки в направлении Европы, в которых Россия служит транзитным пунктом. В этих миграционных потоках большей частью участвуют мигранты, получившие российское гражданство, основной страной назначения для них является Франция. Российское гражданство облегчает доступ к Европейским странам. Иностранные организации воздействуют на соответствующие миграционные потоки и обеспечивают ведение дел мигрантов, помогают решить проблемы с жильем, образованием и дальнейшим обустройством.

Некоторые миграционные потоки из Ванадзора имеют гендерные особенности. Например, женщины-мигранты из Ванадзора чаще отправляются в Иваново и Раменское, и в большинстве случаев им характерна маятниковая миграция. Иностранные организации влияют на формирование соответствую-

Таблица 4

Тенденции развития миграции

Планы членов семей, которые не участвуют в миграционных процессах	Доля
Мы уже переезжаем за границу на постоянное проживание	2,7%
Мы предпринимаем действия по направлению к иммиграции	8,4%
Мы все больше хотим уехать	15,1%
Мы уезжаем за границу, чтобы найти работу	2,3%
Мы намереваемся поехать за границу работать	1,8%
Члены семьи хотят найти работу за рубежом	5,0%
Мы не хотим и не намереваемся уезжать за границу	64,7%

ющих миграционных потоков, образуя инфраструктуру в Ванадзоре для предоставления дешевой рабочей силы и отток специалистов.

Необходимо упомянуть, что у многих активных мигрантов есть периодичность миграционного процесса, что может быть ярко проиллюстрировано маятниковой миграцией (до одного месяца), сезонной миграцией (до 1 года) и долгосрочной миграцией (более одного года). Половина внешних трудовых мигрантов из Ванадзора являются сезонными мигрантами, почти одну треть составляют постоянные мигранты, одна шестая — маятниковые мигранты. 22,3% маятниковых и сезонных мигрантов упомянули, что намереваются иммигрировать из Армении. Участвующие в процессе миграции семьи сталкиваются с дилеммой: остаться ли им в Армении или уехать за границу. Длительное участие в таких процессах либо приводит к распадам семей, либо иммиграции из Армении. 35,3% семей, в которых нет мигрантов, намереваются принять участие в миграционном процессе, 26,2% либо хотят иммигрировать, либо приняли действия в этом направлении, либо готовы иммигрировать (табл. 4). Эти данные указывают на тенденцию к расширению миграционных потоков из Ванадзора.

Итак, мы можем выделить следующие типы миграционных потоков из Ванадзора.

Прямая и транзитная миграция (внутренний и внешний транзит). Как прямая, так и транзитная миграция происходит по уже устоявшимся направлениям. Большая часть транзитных миграционных потоков направлена в Москву, также наблюдается формирование новых миграционных потоков во Францию. 80% прямых миграционных потоков направлены в Россию и Турцию.

Потоки мигрантов-женщин и мигрантов мужчин. Женщины-мигранты составляют небольшую часть среди мигрантов из Ванадзора, но у их потока есть свои особенности, и в его основе лежит постепенная перемена традиционных армянских взглядов на роль мужчины и женщины в семье. «Влияние мигрантов-женщин больше, чем мигрантов-мужчин» (Ravenstein, 1885). Мужчины-

мигранты чаще формируют тенденцию к миграции у их сыновей, женщины же способствуют миграционным тенденциям, как по линии мать-сын, так и по линии мать-дочь. Миграция женщин вовлекает в процесс социальную сеть родственников, в то время как миграция мужчин задействует как родственников, так и друзей.

При всем этом женщины-мигранты из Ванадзора привлекают больше людей в миграционные потоки, чтобы повысить степень собственной безопасности и сократить миграционные риски за рубежом.

Маятниковая, сезонная и долгосрочная. Есть намерения быстрого перехода из маятниковой и сезонной миграций в долгосрочную. Эти три вида миграции способствуют формированию устойчивых миграционных потоков и миграционных сетей.

Таким образом, социологический анализ миграционных потоков из Ванадзора доказывает, что существует множество социологических факторов, влияющих на формирование устойчивых миграционных потоков. Социальные сети и инфраструктура относятся к таким факторам, что дает начало новым миграционным потокам и способствует сохранению и расширению существующих потоков. «Эти социальные конгломераты и расширения быстро превращают миграцию в явление, которое быстро распространяется ввиду внутренних воспроизводительных механизмов.» (Light, Vach, Karageorgies, 1989)

Миграционные потоки Ванадзора носят как прямой, так и транзитный характер. Они постепенно приобретают стабильность и поддерживают движение миграции. Социальные связи, существующие инфраструктуры и оборот миграции из Ванадзора начинают формировать миграционные сети Ванадзора, которые, с одной стороны, проводят в жизнь миграционные движения, а с другой стороны, усложняют контроль за миграцией и ее предсказуемость.

Библиографический список

1. Арутюнян, Л.А., Заславская, М.И. (2010). Возможности и особенности социологического подхода к анализу миграции. *Социология*, (2), 100–104.
2. Еганян Р., Шахназарян, Н. (2005). *Трудовая миграция из Армении: обзор литературы*. Ереван: OSCE Office in Yerevan.
3. Зайончковская, Ж.А. (2001). Трудовая миграция в СНГ с позиций общества, семьи и личности. *Трудовая миграция в России. Серия «Миграция населения»*, (2), 3–27.
4. Политическая концепция государственной нормативно-правовой базы по миграции в Армении. (2010). Retrieved from: [http:// www.smsmta.am/?id=948](http://www.smsmta.am/?id=948)
5. Castels, S. & Miller, M J. (1998). *The age of migration. International Population Movements in the Modern World*. Second edition. New York. London: The Guilfordpress.
6. De Haas, H. (2010). *Migration and Development: A theoretical perspective*. Oxford: University of Oxford.

7. Glick Schiller, N., Basch, L. & Blanc-Szanton, C. (1992). Towards a Definition of Transnationalism. In: N. Glick Schiller, L. Basch and C. Blanc-Szanton (eds). *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered* (pp. 1–24). New York: The New York Academy of Sciences.
8. Light, I., Bhachu, P. & Karageorgies, S. (1989). Migration networks and Immigrant Entrepreneurship. Retrieved from: <http://escholarship.org/uc/item/50g990sk#page-1>
9. Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaci, A., Pellegrino, A. & Taylor, J.E. (1993). Theories of international migration: a review and appraisal. *Population and Development Review*, 19 (3), 431–466.
10. Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaci, A., Pellegrino, A. & Taylor, J.E. (1998). *Words in motion: Understanding international migration at the end of the millennium*. Oxford: Clarendon press.
11. Migration and skills in Armenia. Results of the 2011–2012 migration survey on the relationship between skills, migration and development. (2013). Retrieved from: http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/projects/Migration_and_skills_2011/Migration_and_skills_Armenia.pdf
12. Morillons Department of Communication and Public Information International Labour Organization. Retrieved from: <http://www.ilo.org>
13. Perruchoud, R. & Redpad-Cross, J. (2013). International migration law: Glossary on migration. 2nd edition. Retrieved from: http://publications.iom.int/bookstore/index.php?main_page=product_info&cPath=56&products_id=1387
14. Pries, L. (1999). New Migration in Transnational Spaces. In: L. Pries (ed.). *Migration and Transnational Social Spaces* (pp. 2–30). Aldershot: Ashgate.
15. Ravenstein, E. G. (1885). The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*, 48 (2), 167–235.
16. Vertovec, S. (2002). Transnational networks and skilled labor migration. Retrieved from: <http://www.transcomm.ox.ac.uk/>

Статья поступила в редакцию 23.01.2015.

.....

THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE EXTERNAL LABOR MIGRATION FLOWS OF VANADZOR

Gharakeshishyan M.

Gharakeshishyan Meline, Vanadzor State University, 2021, Armenia, Vanadzor,
TigranMetsiave., 36. E-mail: melva88@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of some social characteristics of the external labor migration flows from Vanadzor. Based on the results of quantitative and qualitative surveys conducted in 2013 in Vanadzor, the article analyzes the structure, scope, causes of foreign labor migration flows from Vanadzor and consequences of sex and age structure and education levels of migrants.

Some characteristics of migration flows are analyzed that are based on the features of Vanadzor as a former industrial city. In this study the analysis of migration networks of Vanadzor has an important role which are formed as a result of migration flows and contribute to the increase of external labor migration flows, to the maintenance of the existing flows, and the characteristics of some types of migration flows from Vanadzor and forming mecha-

nisms are presented. The work presents the differences of formation and trends of female and male migration flows, the characteristics of transit (internal transit and external transit) and direct migration flows, as well as the differences and the effects of return, seasonal and long term migration on the formation of migration networks. The work also presents the changes of the life satisfaction levels from Vanadzor due to migration processes which reflect the characteristics of the subjective perception phenomena.

Key words: migration, migration flows, migration network, social network, direct migration, transit migration.

References

1. Arutjunjan, L.A. & Zaslavskaja, M.I. (2010). Vozmozhnosti i osobennosti sociologicheskogo podhoda k analizumigracii [The potential and particularity of sociological approach to the analysis of migration]. *Sociologija* [Sociology], (2), 100–104.
2. Eganjan R.&Shahnazarjan, N. (2005). *Trudovaja migracija iz Armenii: obzor literatury* [The labor migration from Armenia]. Erevan: OSCE Office in Yerevan.
3. Zajonchkovskaja, Zh.A. (2001). Trudovaja migracija v SNG s pozicijobshhestva, sem'i i lichnosti [Labour Migration: More Advantages than Disadvantages]. *Trudovaja migracija v Rossii. Serija "Migracijanaselenija"* [Labour migration in Russia.Series "Migrationpopulation"], (2), 3–27.
4. Politicheskaja koncepcija gosudarstvennoj normativno-pravovoj bazy po migracii v Armenii [The political concept of state regulations of migration in Armenia]. (2010). Retrieved from: [http:// www.smsmta.am/?id=948](http://www.smsmta.am/?id=948)
5. Castels, S. & Miller, M.J. (1998). *The age of migration. International Population Movements in the Modern World*. Second edition. NewYork. London: The Guilfordpress.
6. De Haas, H. (2010). *Migration and Development: A theoretical perspective*. Oxford: University of Oxford.
7. Glick Schiller, N., Basch, L.& Blanc-Szanton, C. (1992). Towards a Definition of Transnationalism. In: N. Glick Schiller, L. Baschand C. Blanc-Szanton (eds). *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered* (pp. 1–24). New York: The New York Academy of Sciences.
8. Light, I., Bhachu, P.&Karageorgies, S. (1989). Migration networks and Immigrant Entrepreneurship. Retrieved from: <http://escholarship.org/uc/item/50g990sk#page-1>
9. Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaci, A., Pellegrino, A. & Taylor, J.E. (1993). Theories of international migration: a review and appraisal. *Population and Development Review*, 19 (3), 431–466.
10. Massey, D. S., Arango, J., Hugo, G., Kouaci, A., Pellegrino, A. & Taylor, J.E. (1998). *Words in motion: Understanding international migration at the end of the millennium*. Oxford: Clarendon press.
11. Migration and skills in Armenia. Results of the 2011–2012 migration survey on the relationship between skills, migration and development. (2013). Retrieved from: http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/projects/Migration_and_skills_2011/Migration_and_skills_Armenia.pdf
12. Morillons Department of Communication and Public Information International Labour Organization. Retrieved from: <http://www.ilo.org>

13. Perruchoud, R. & Redpad-Cross, J. (2013). International migration law: Glossary on migration. 2nd edition. Retrieved from: http://publications.iom.int/bookstore/index.php?main_page=product_info&cPath=56&products_id=1387
14. Pries, L. (1999). New Migration in Transnational Spaces. In: L. Pries (ed.). Migration and Transnational Social Spaces (pp. 2–30). Aldershot: Ashgate.
15. Ravenstein, E. G. (1885). The Laws of Migration. *Journal of the Royal Statistical Society*, 48 (2), 167–235.
16. Vertovec, S. (2002). Transnational networks and skilled labor migration. Retrieved from: <http://www.transcomm.ox.ac.uk/>

МЕСТНЫЙ УРОВЕНЬ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ЕС (НА ПРИМЕРЕ БЕЛЬГИИ И ФРГ)¹

.....

Бардин А.Л., Довбыш Е.Г.

Бардин Андрей Леонидович, Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: andreybardin@gmail.com.

Довбыш Евгений Геннадьевич, Центр сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: edovbysh@gmail.com.

Одной из ключевых составляющих комплекса мер по регулированию межнациональных отношений для современных государств выступает политика по интеграции мигрантов в принимающее общество. Потребность в проведении стратегически верного политического курса на этом направлении значительно возросла за последние годы, прежде всего для стран ЕС с наиболее высоким уровнем жизни, испытывающих резкое усиление внешнего притока мигрантов. Поиск ответов на этот вызов сегодня активно ведется на всех уровнях ЕС, от наднационального до локального, однако главное бремя решения текущих проблем ложится именно на местный административный уровень — города, районы, округа, муниципалитеты. В настоящей статье анализируются ключевые тенденции развития практик регулирования интеграции инокультурных мигрантов на местном уровне в двух странах ЕС с федеративным устройством — Бельгии и ФРГ. Уделяется внимание институциональному оформлению политики интеграции на местном уровне, оцениваются особенности процесса принятия соответствующих решений. Местная политика интеграции в этих странах находится под сильным влиянием общегосударственной модели интеграции мигрантов (ассимиляция или мультикультурализм). Большое значение имеют также общая ситуация с миграцией в стране и социально-экономическое развитие регионов. Города могут занимать как активную позицию в разработке и реализации политики или же оставаться исполнителями решений федерального центра и регионов. Примеры Бельгии и ФРГ говорят о том, что активность городов очень важна для сплочения общества и предотвращения конфликтов.

Ключевые слова: город, миграция, интеграция мигрантов, идентичность, ЕС, Бельгия, ФРГ.

Современный мир характеризуется высокой степенью взаимозависимости, что проявляется на всех уровнях — от глобального до локального. В этом кон-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках гранта Российского научно-го фонда № 15-18-00021 «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)» в Институте мировой экономики и международных отношений РАН.

тексте одной из актуальнейших проблем политического регулирования в большинстве развитых стран мира, и прежде всего странах — членах Европейского союза, является проблема трансграничных миграционных процессов и вызываемых ими изменений в структуре принимающего мигрантов общества. В то время как эффективных рецептов по интеграции прибывающих в принимающий социум по-прежнему очень мало, миграционные потоки в данные страны неуклонно возрастают. Критический характер в последние месяцы приняла ситуация с беженцами из стран Африки и из Сирии, чей приток в европейские государства вырос в разы. О масштабе проблемы можно судить по характеристике еврокомиссара по внутренним делам и вопросам миграции Димитриса Аврамопулоса, который на пресс-конференции 14 августа 2015 г. заявил: «Сегодня мир столкнулся с худшим миграционным кризисом со времен Второй мировой войны» (Avramopoulos, 2015). В Германии, куда стремится больше всего беженцев, перегружены ведомства, осуществляющие их первичную регистрацию, на помощь им приходят волонтеры и общественные организации; власти вынуждены спешно создавать координационные штабы. Растет и раздражение ситуацией отдельных групп общества, выражающееся в резком увеличении количества нападений на лагеря мигрантов. «Тема беженцев может стать следующим большим европейским проектом, в котором мы покажем, действительно ли мы в состоянии действовать сообща», — подчеркнула Ангела Меркель, заявив о необходимости выработки общих стандартов и единой «общеевропейской политики предоставления убежища» (Hofmann, 2015).

Фактор взаимозависимости стран ЕС дополнительно усложняет решение этой проблемы, поскольку инкорпорирование правовых и социально-политических норм и практик регулирования миграции может иметь далеко идущие последствия не только для внутриполитического развития страны, но и для взаимодействия целого ряда стран в рамках единой политической общности и перспектив этого транснационального образования в целом. В свою очередь, миграционные процессы усиливают взаимозависимость различных акторов на местном уровне — внутри стран, принимающих мигрантов, что находит отражение в интеграционной политике этих стран.

Трансграничную миграцию можно считать одной из форм социальной горизонтальной мобильности (Штомпка, 2005). Для перемещений граждан ЕС в его рамках также применяется термин «мобильность», отграничивающий этот процесс от въезда на территорию объединения мигрантов из третьих стран, которые и являются ключевыми объектами интеграционной политики. В ЕС к мигрантам не относят натурализованных лиц (получивших гражданство страны пребывания) и их детей, а также тех, кто автоматически имеет право на гражданство (как в случае с этническими немцами в Германии или понтийскими греками в Греции).

Европейский город в миграционном измерении

Города обязаны своим существованием переселению людей. Без постоянного притока человеческих ресурсов большинство европейских городов обречены на вымирание: рождаемость в них ниже значений, необходимых для естественного воспроизводства населения. Если раньше основной поток людей в европейские города был направлен из сельской местности, то сегодня, хотя эта тенденция и не потеряла актуальности по сей день, главным источником пополнения городского общества стали развивающиеся страны. Приток отличающихся в культурном, социальном и экономическом плане людей в европейские города поставил принимающие общества перед серьезными вызовами, связанными с проблемой эффективной интеграции и социального сплочения для поддержания жизнеспособности общества.

На начало 2014 г. в ЕС проживали 19,6 млн. граждан третьих стран (3,9% всего населения), а общее число граждан, рожденных за пределами ЕС, составляло 33,5 млн. (Eurostat, 2015). Глобализация, свободное перемещение внутри границ ЕС и политическая нестабильность в сопредельных с ЕС регионах — вот основные причины того, почему население Европы за последнее время стало более неоднородным. Эта неоднородность проявляется ярче всего в городах, в большинстве которых растет численность выходцев из других регионов, стран и континентов. Однако в этом отношении в ЕС наблюдаются значительные расхождения между городами. Так, согласно официальной статистике, в 101 городе (из 535 крупнейших) порядка 95% населения составляют местные жители, рожденные в той же стране. Подобное соотношение наблюдается в Польше, Болгарии, Венгрии, северной Франции, Литве, Португалии и Финляндии. Вместе с тем в Евросоюзе есть такие города, где число местных жителей относительно низкое — около 75%. Это характерно для Мюнхена, Нюрнберга и Франкфурта-на-Майне в Германии, Амстердама и Гааги в Нидерландах, а также для Брюсселя и Антверпена в Бельгии. В пяти столичных городах (Берлин, Париж, Мадрид, Вена и Брюссель) выходцы из стран, не входящих в ЕС, составляют около 10% населения (Focus on European cities, 2014). При этом в ряде городов и округов доля населения с миграционным прошлым составляет и более 50%, как в немецком Оффенбахе².

На фоне роста числа инокультурных членов общества в европейских странах интеграция мигрантов в экономическую, политическую, социальную, культурную и экономическую ткань принимающих обществ находится среди наиболее приоритетных задач государственной политики как отдельных стран-членов, так и Европейского союза как наднациональной политики³.

² В земле Гессен, где находится этот город, каждый четвертый взрослый житель и каждый второй ребенок младше шести лет имеют инокультурное происхождение. Der Integrationskompass. <http://www.integrationskompass.de/hmdj/home/~biq/Integrationspolitik/>

³ Проблема интеграции иммигрантов относительно недавно появилась в европейской поли-

В социальных науках существуют различные концепты и термины для описания этого процесса: абсорбция, адаптация, ассимиляция, аккультурация, включение, инкорпорация и интеграция (Heckmann, Schnapper, 2003). Интеграция мигрантов в официальных документах ЕС трактуется как процесс включения мигрантов в основные институты, отношения и систему статусов принимающего сообщества. Для мигрантов этот процесс заключается в процессе познания новой культуры, принятия новых прав и обязанностей, достижения некоторого социального статуса, выстраивания личных отношений с членами принимающего общества и значимых идентификаций с ним. Для принимающего общества интеграция предполагает наделение мигрантов равными возможностями и создание условий для встраивания в него (Koopmans, Statham, 2000).

При изучении политики в сфере миграции внимание уделяется преимущественно национальному государству: на этом уровне происходит формулирование основных принципов политики, создается правовая база, принимаются административные решения. Однако в Европе положение несколько усложняется. Открытые границы и свобода передвижения индивидов делают страны зависимыми от решений и действий друг друга. Помимо этого, существует наднациональный уровень, который оказывает все более заметное влияние на политику государств-членов. Применение принципов субсидиарности и комплементарности, на которых настаивает ЕС, создает условия для того, чтобы субнациональные субъекты (регионы, города) получали дополнительные возможности принимать участие в разработке и реализации политических решений. Сегодня около 70% всех решений, принимаемых институтами ЕС, имплементируются непосредственно на уровне регионов, провинций и муниципалитетов (Council of European Municipalities and Regions, 2010; Прохоренко, Стрженева, 2011). В случае с интеграцией мигрантов именно местные, городские власти выполняют основную часть работы, поскольку на практике эта политика сводится к совокупности мероприятий, реализуемых городскими службами самостоятельно или при поддержке региональных и государственных структур.

Возможны два варианта влияния города на политику интеграции мигрантов. Так, муниципалитеты могут ограничивать себя ролью исполнителей решений

тической повестке дня (хотя еще в Амстердамском договоре 1997 г. предусматривалось создание общей политики в области миграции). Важной вехой стала Гагская декларация Совета Европейского союза (2004 г.) о принципах интеграционной политики. Если понимать интеграцию в более широком смысле, то ЕС и Европейский парламент начали активно действовать в этом направлении ещё в 1990-х гг. (Стратегия борьбы с дискриминацией). В 1996 г. Совет принял план совместных действий по борьбе против расизма и ксенофобии; в 1997 г. был создан Европейский центр мониторинга расизма и ксенофобии. Две важные директивы 2000 г., касающиеся дискриминации, должны были быть включены в национальное законодательство. Кроме того, положительное влияние на ход интеграции мигрантов оказала финансовая поддержка Европейским социальным фондом ряда проектов, так или иначе связанных с интеграцией. Однако до сих пор отсутствует последовательная европейская политическая программа в сфере регулирования иммиграции и нет скоординированной на уровне ЕС политики интеграции мигрантов.

национальных или федеральных властей или же обладать значительной автономией и ресурсами, необходимыми для реализации относительно самостоятельной политики в этой сфере. В ЕС наблюдается широкий спектр возможных вариантов промежуточных ситуаций: существуют различия как между городами разных стран — членов ЕС, так и между разными регионами в рамках одной страны.

Роль городов в интеграции мигрантов определяется несколькими факторами. Во-первых, это степень политической, правовой и финансовой автономии, которой пользуются местные органы власти в рамках политической системы государств — членов ЕС. Некоторые страны имеют давние традиции муниципальной автономии, в то время как другие государства исторически были более централизованы.

Во-вторых, влияние оказывает положение дел в миграционной сфере страны в целом. Так, в одних странах значительный приток иммигрантов наблюдается уже на протяжении многих десятилетий, причиной чему является их колониальное прошлое. Другие же стали испытывать миграционное давление лишь относительно недавно (Study on practices of integration..., 2013). Важны и нюансы, свойственные миграционной политике той или иной страны: где-то, как, например, в Скандинавских странах, в публичном дискурсе существует прочная связь между проблемами миграции и развитием социального государства, в других, как в Италии, преимущественное внимание уделяется нелегальной миграции (см. подробнее: Caronio, Borkert, 2010).

Для многих муниципалитетов очень велик риск того, что миграция может подорвать социальную и политическую стабильность городского сообщества. В связи с этим Европейская комиссия рекомендует налаживать обмен информацией и лучшими практиками между региональными, местными и городскими властями внутри ЕС (Communication from the Commission to the Council..., 2005). Для этого при содействии институтов ЕС создаются специальные площадки. Свою поддержку этому процессу оказывают также Парламент, Совет Европейского союза, Комитет регионов (КР), Европейский экономический и социальный комитет и Конгресс местных и региональных властей Европы.

Европейские города прилагают значительные усилия по формированию, разработке и применению механизмов по интеграции мигрантов и беженцев (Report on Inclusive & Sustainable Capital Cities, October 2009). Важную поддержку им оказывает КР, который часто выступает с собственными инициативами и предложениями по расширению участия институтов местного уровня в разработке, имплементации и оценке качества и мониторинга интеграционной политики (см., например: Cooperation between civil society organizations..., 2011).

Интеграция мигрантов из третьих стран может рассматриваться как многогранный процесс, который включает в себя социальный, экономический, культурный и политический аспекты (Kymlicka, 1995). Их можно сгруппировать

в три элемента интеграции — политико-правовой, социально-экономический и культурный. Бельгия и ФРГ представляют собой два интересных случая. Здесь сложились две разные модели интеграционной политики, при этом разное значение в реализации и разработке мер по работе с мигрантами имеет местный уровень.

Миграционная политика в Бельгии

Бельгия является примером поиска компромисса между двумя подходами интеграции мигрантов — ассимиляцией и мультикультурализмом. Политика интеграции направлена одновременно и на инкорпорацию мигрантов в принимающее общество, и на сплочение общества на основе большего разнообразия (Doomernik, Jandl, 2008).

В Бельгии миграционная политика (регулирование въезда и проживания) относится к федеральной компетенции, а политика интеграции — в основном к ведению сообществ (их три — валлонское, фламандское, немецкое) (Bousetta, Gsir, Jacobs, 2007). Но в 1994 г. правительство Валлонского сообщества практически полностью отказалось от своих полномочий в этой сфере в пользу правительства Валлонского региона. Таким образом, на сегодняшний момент с фламандской стороны интеграцией мигрантов занимается Фламандское сообщество, а с валлонской стороны — Валлонский регион. Поэтому в фламандских муниципалитетах больший упор делается на культурные аспекты (образование, языковая политика), а в валлонских — на социально-экономические.

В рамках закона о Шестой государственной реформе, вступившего в силу 1 июля 2014 г., большой набор полномочий, в том числе по вопросам миграции, федеральный центр передал сообществам и регионам. Помимо прочего между общинами были разделены ресурсы действовавшего ранее на федеральном уровне специального фонда (The Federal Impulse Fund for Migrant Policy), субсидировавшего проекты по интеграции мигрантов (Annual report on asylum..., 2014). Бельгия стремится усилить взаимодействие между различными уровнями власти в вопросах интеграции мигрантов. Так, для обмена информацией и координации действий в 2014 г. была создана межведомственная комиссия, состоящая из представителей федеральных, региональных и общинных государственных структур. Бельгийские власти также поддерживают существующие неофициальные координационные механизмы, которые позволяют заинтересованным сторонам встречаться и делиться мнениями по вопросам миграции (например, COORAM — Coordination Asylum Migration).

В Бельгии на политику интеграции мигрантов сильно влияет разделение страны на культурно-языковые сообщества. Самое большое различие — в подходе: в то время как миграционная политика Фламандского сообщества похожа на мультикультурализм голландского образца, франкоязычное сообщество приняло подход, схожий с моделью ассимиляции, реализуемой во Франции

(Bousetta, et al., 2007). Соответственно, это приводит к тому, что фламандские и валлонские города реализуют весьма различающиеся политики интеграции.

С этой позиции особого внимания заслуживает Брюссельский столичный регион, где проживают около 30% всех мигрантов. Брюссель избрал срединный путь и проводит политику «прагматического мультикультурализма» (Bousetta, et al., 2007), но целостная интеграционная политика отсутствует. Скорее можно говорить о том, что она складывается из действий разнообразных институтов, принадлежащих разным уровням, которые плохо координируют свои усилия. Так, вопросами интеграции мигрантов в городе занимаются структуры, образованные двумя сообществами: Фламандская комиссия (the Vlaamse Gemeenschapscommissie) и аналогичная Комиссия франкофонов (Commission communautaire française).

Фламандская комиссия в основном занимается оказанием финансовой помощи некоммерческим организациям мигрантов. Духу политики мультикультурализма соответствует деятельность Комиссии в сфере образования: она курирует разработку многоязычных школьных программ, которые применяются в фламандской части страны. В то время как Валлонская комиссия делает упор на помощь мигрантам в освоении государственных языков Бельгии и не склонна оказывать поддержку этническим НКО: она подчеркивает желательность неэтнического подхода к вопросу и делает упор на реализацию общегражданских инициатив (повышение правовой грамотности, вовлечение в местное самоуправление). Доминирующая в политической жизни города валлонская часть препятствует официальному принятию принципа квотирования при приеме на работу в городскую администрацию и аффилированные с городом предприятия. Вместе с тем под давлением обстоятельств городская администрация вынуждена фактически согласиться на некоторые уступки сторонникам мультикультурализма, например, принимать на работу большее число сотрудников с миграционным прошлым, чье знание языков и культурных особенностей иммигрантских сообществ облегчает работу городских служб.

Начиная с 2000 г. в местном политическом процессе в Брюсселе произошли серьезные сдвиги. После выборов 2000 г. в городском парламенте значительно увеличилось число депутатов-небельгийцев по рождению. Чаще всего это выходцы из Марокко, их число уже приблизилось к числу депутатов-фламандцев, что угрожает нарушить сложившееся хрупкое равновесие. При этом представители других этнических меньшинств не проявляют заметной политической активности. Так, граждане из других стран ЕС не показывают стремления играть роль на местном политическом уровне (Penninx, Spencer, Van Hear, 2008).

Сегодня представители обеих комиссий стремятся оказывать большее влияние на иммигрантские ассоциации за счет предоставления им дополнительных финансовых ресурсов и включения в имеющуюся институциональную систему. Но сами мигранты не очень стремятся включаться в бельгийское общество на

правах меньшинств. Сосуществование в стране двух культурно-языковых сообществ приводит к тому, что у мигрантов появляется возможность выбирать между двумя моделями интеграции, которые предлагают им политические институты этих сообществ. Кроме того, в этой ситуации мигранты могут вовсе не делать никакого выбора, а подходить к этому вопросу, сообразуясь с ситуацией, как поступает сегодня большинство мигрантов в Бельгии. Опыт Брюсселя дает скорее положительный ответ на вопрос о совместимости ассимиляции и мультикультурализма в одной стране и даже в одном городе, однако эффективность мер, принимаемых на городском уровне, могла быть выше, будь сама система ориентиров более целостной и непротиворечивой.

ФРГ: сетевая однонаправленная модель интеграции

Германия — одна из наиболее популярных среди мигрантов стран: по данным ОЭСР, в этом отношении она занимает второе место после США среди членов ОЭСР. На 2013 г., согласно данным микропереписи населения, около 20% населения ФРГ имели миграционное прошлое (*Bevölkerung und Erwerbstätigkeit...*, 2012). В последние годы нарастающими темпами растет и количество лиц, ищущих убежища в Германии: если в 2012 г. число соответствующих запросов составило 77,6 тыс., то в 2013 г. оно выросло в 1,6 раза — до 127 тыс., а в 2014 г. еще раз почти удвоилось, достигнув 202 тыс. (*Anzahl der Asylanträge...*, 2015). При этом согласно международному индексу уровня интеграции MIPEX на 2014 г. Германия заняла 10-е (одно из лучших) место в рейтинге, укрепив свои позиции по сравнению с 2013 г. (MIPEX: International Key Findings, 2015), что говорит в пользу релевантности исследования ее интеграционной политики.

Анализируя эволюцию практик регулирования иммиграции и интеграции мигрантов в ФРГ, следует прежде всего отметить, что Германия традиционно воспринимает себя в качестве государства одной нации, и всплеск инокультурной миграции во второй половине XX в. стал для этой страны и ее общества серьезным испытанием. На протяжении десятилетий в общественно-политическом дискурсе ФРГ отсутствовало признание того, что Германия является страной эмиграции, что резко негативно сказалось на соответствии политических мер в области миграции и интеграции динамике социальных изменений. Это определило «догоняющий» характер политики в данной сфере на будущие годы.

Значимым шагом в направлении признания уже сложившихся реалий стало внедрение в правовой и политический дискурс ФРГ понятия *Person mit Migrationshintergrund* — мигрант первого или последующих поколений⁴.

⁴ К таковым причисляются, во-первых, лица без немецкого гражданства; во-вторых, лица, родившиеся за пределами ФРГ либо переехавшие для проживания в ФРГ после 1949 г.; в-третьих, лица, у которых как минимум один из родителей родился за пределами современных границ ФРГ, либо если один из родителей въехал на территорию ФРГ после 1949 г. См. § 6, Satz 2, Verordnung zur Erhebung der Merkmale des Migrationshintergrundes (Migrationshintergrund-Erhebungsverordnung) vom 29.09.2010. S. 1372.

В 2000-х гг. федеральным правительством принят ряд важных реформ по регулированию миграции, в том числе новый Закон об иммиграции (2005 г.), главным следствием которого стало превращение Германии из страны иммиграции де-факто в таковую де-юре. 14 июля 2006 г. в Берлине по инициативе федерального канцлера Ангелы Меркель состоялся первый федеральный саммит по интеграции, а в июле 2007 г. правительством был принят Национальный план по интеграции, унифицировавший политику в этой сфере по всей стране⁵. Таким образом, в отличие от Бельгии, в Германии был выбран единый политический курс в отношении проблем миграции и интеграции; местный уровень получил установку на отказ от реализации не связанных друг с другом интеграционных проектов и переход к их связыванию в единую систему.

В 2010 г., выступая в Потсдаме, А. Меркель заявила, что попытка Германии создать мультикультурное общество «потерпела полный провал» (Меркель признала провал мультикультурной модели, 17 октября 2010). Начался поиск новых подходов к проблеме интеграции, промежуточные итоги которого нашли отражение в Национальном плане действий по интеграции, разработанном в 2010–2012 гг. (Nationaler Aktionsplan Integration, 4 Juni 2014). Согласно данному документу интеграция мигрантов становится обязательной и долгосрочной задачей всех без исключения институтов, результатом сетевого взаимодействия различных акторов — от федерального правительства и уполномоченного по миграции в ведомстве канцлера до муниципалитетов, объединений мигрантов и некоммерческих организаций (Querschnittsaufgabe). В парадигмальном отношении документ демонстрирует отказ от терминологии мультикультурализма и акцент на максимальном раскрытии и совершенствовании потенциала и компетенций самих мигрантов для содействия их интеграции во всех сферах жизни общества, а также на развитии консультационных межинституциональных механизмов. Подобный подход можно назвать прагматическим.

В рамках реализации Плана был принят Закон о признании иностранных дипломов, вступивший в силу 1 апреля 2012 г.⁶, и ряд других документов. Программы интеграции мигрантов на земельном и местном уровне стали разрабатываться в соответствии со стратегическими и оперативными целями, закрепленными в Национальном плане действий по интеграции. Для городских властей принятие Плана означало прежде всего необходимость разработки общегородской интеграционной политики; ранее лишь половина крупных городов и треть средних и малых городов имели подобные программы, в то время

⁵ Так, с 2008 г. все претенденты на получение немецкого гражданства обязаны сдавать общегосударственный тест на знание основ германского общества, права и языка, тогда как ранее подобные тесты на местном уровне различались.

⁶ Впоследствии соответствующие законы были приняты федеральными землями, с 1 июля 2014 г. все они вступили в силу. По итогам трех лет действия закона (2012–2015 гг.) он был признан эффективным (см. Anerkennung ausländischer Berufsqualifikationen. URL: <http://www.bmbf.de/de/15644.php>).

как предпочтение отдавалось локальным интеграционным проектам (для отдельных частей города) (*Integration vor Ort. Der Nationale Integrationsplan — eine Zwischenbilanz*, 2008). Результаты реализации программ интеграции на местах с 2012 г. подвергаются мониторингу и оценке по общефедеральной системе, однако для каждого города они индивидуальны, так как составляются с учетом конкретной диспозиции на местах — структуры населения, особенностей местного рынка труда, образовательных мощностей и т.д.

Хотя система институтов, вовлеченных в интеграционную повестку дня на местах, в ФРГ различается от города к городу, можно выделить ключевых политических акторов данного процесса. Помимо государственных учреждений, оказывающих мигрантам консультационные услуги и социальную поддержку, это городские *Советы по делам иностранцев* (*Ausländerbeirat*) и *Советы по интеграции* (*Integrationsrat*) — представительские организации мигрантов. Советы, избираемые самими мигрантами, участвуют в обсуждении всех ключевых аспектов местной интеграционной политики, однако если решения первого типа органов носят сугубо рекомендательный характер для местных органов власти, то предложения Советов по интеграции являются для них определяющими. Выработка Советами решений осуществляется посредством консультаций с местными организациями мигрантов. Свои рекомендации Советы излагают прежде всего *городскому уполномоченному по вопросам интеграции* (*Integrationsbeauftragte*) — представителю местной законодательной власти (аналогичная должность существует как на земельном, так и на федеральном уровне). В его задачи входит формирование стратегического курса по управлению интеграционной политикой города, участие в разработке соответствующих законодательных инициатив с учетом общефедеральных целей и задач, координация усилий по интеграции, работа с общественностью и т.д.

Во многих городах и районах ФРГ действуют *сети по содействию сотрудничеству в области интеграции*, объединяющие всех (или большую часть) акторов, включенных в интеграционную политику, в том числе и сами Советы. Помимо того, что данные сети выступают комплексной площадкой для профильных дискуссий, они выполняют функции координации позиций входящих в них акторов, анализа проводящихся на уровне города интеграционных программ и доступных для их реализации ресурсов. В зависимости от города подобные сетевые институты имеют разный формат и создаются различными акторами; идет постоянный процесс поиска новых форм взаимодействия и совместной проектной работы городских властей, земельных органов власти и частных акторов. Так, в Касселе в рамках программы «Региональные модели интеграции» 2008 г. расширен функционал «Бюро будущего» — организации, изначально созданной для координации городских программ и проектов по тематике демографических изменений, впоследствии распространившей свою повестку дня на тематику гражданского общества и проблемы интеграции

мигрантов. Бюро проводит круглые столы и семинары, привлекая к сотрудничеству организации мигрантов, союзы благотворительных организаций и т.д., выступает координатором и модератором в этой сфере (Integration — wie geht das? 2012).

В крупнейших городах Германии в последние годы на первое место выходят интеграционные проекты, связанные с наращиванием участия мигрантов в политической жизни города и обеспечением равноправного их участия в общественной жизни, с одной стороны, и с укреплением организаций и объединений мигрантов и их сетей — с другой. Так, в Берлине на 2016–2017 гг. на эти цели было выделено 1,5 млн. евро (подробнее см.: Übersicht der Förderprogramme im Themenbereich Integration und Partizipation, 2015). Это также связано с тем, что в действующем коалиционном договоре особо подчеркнута цель по укреплению «культуры гостеприимства и признания», привлечения мигрантов в пространство публичной политики и административной деятельности (Deutschlands Zukunft gestalten..., 2013). Финансирование данных проектов осуществляется из различных источников — от бюджета ЕС до отдельных фондов, при этом получателем средств должна являться организация мигрантов или ее партнер. Данные приоритеты, впрочем, не исключают все прочие измерения интеграции — образование, социальную сферу, рынок труда, культуру, здравоохранение, в которых каждый из городов расставляет свои акценты и разрабатывает собственные программы.

Обобщая сказанное, подчеркнем, что *определяющей тенденцией интеграционной политики в ФРГ выступает укрепление взаимодействия широкого круга акторов на принципах сети, а концептуальным базисом — стимулирование развития собственного потенциала мигрантов*. Практики интеграции на уровне городов выстраиваются в соответствии со стратегическими оперативными целями и задачами, закрепленными в Национальном плане действий по интеграции, с одной стороны, и спецификой реалий на местах — с другой. При этом, в отличие от Бельгии, отсутствует конкуренция между различными парадигмами интеграции.

Местные власти Бельгии и ФРГ часто выступают в Евросоюзе в качестве первопроходцев в разработке и реализации программ по интеграции мигрантов. Обобщая опыт применения тех или иных программ, центральные правительства получают возможность действовать более эффективно. Диспропорция между местным и федеральным уровнем в вопросе осведомленности о реальном положении дел на местах остается по объективным причинам. Поэтому государствам, сталкивающимся с проблемой миграции, предстоит обратить особое внимание на налаживание связей между разными уровнями принятия и реализации решений.

В политике интеграции мигрантов между городами в ЕС сохраняются сильные различия. Вместе с тем наблюдается процесс унификации набора практик,

которые применяются в городах для интеграции мигрантов. В значительной степени это происходит под влиянием мер социального регулирования на уровне ЕС. Хотя институты ЕС не имеют возможности оказывать влияние непосредственно на местный уровень, у них есть весьма действенный инструмент в виде финансовой помощи в реализации программ и проектов. Кроме того, продвижению общеевропейского взгляда на местные вопросы служат и всевозможные форумы, ассоциации и сети городов, функционирующие при поддержке ЕС и направленные на обмен опытом между муниципалитетами из разных стран⁷.

Миграция остается фактором конфликтогенности. Причинами возникновения конфликтов чаще всего являются социально-экономическое положение вновь прибывающих индивидов и их недовольство своим местом в социальной структуре принимающего общества. Именно на решение этих вопросов рассматриваемые страны делают особый упор: первостепенное значение уделяется включению мигрантов в экономическую и социальную жизнь общества. Расчёт делается на то, что при отсутствии острых конфликтов, возникающих по поводу рабочих мест, из-за экономического неблагополучия, социальной дискриминации или территориальной сегрегации, будет слабее проявляться более сложный тип конфликта — конфликт ценностей и мировоззрений. Для ослабления этого конфликта силами государственных и общественных структур ведется работа по приобщению мигрантов к общегражданской идентичности. Такая работа не только включает в себя языковые курсы и программы введения в историю и культуру страны, но и предполагает вовлечение мигрантов в общественную жизнь: благодаря этому мигранты успешнее осваивают гражданские практики. Как показывает анализ, универсальные решения в области интеграции мигрантов на местном уровне (одна модель интеграции для всех городов страны) все больше уступают место локально ориентированному подходу, когда для каждого города разрабатывается единая политика с учётом его особенностей (ситуации на рынке труда, географии расселения мигрантов и т.д.).

Странам ЕС предстоит решить вопрос о включении мигрантов в политическую сферу общества. Здесь выглядит перспективной инициатива наделить мигрантов сначала правом участвовать в политическом процессе на местном уровне, что одновременно позволяет вовлекать в решение насущных проблем повседневной жизни новых граждан. Опыт Бельгии и ФРГ свидетельствует о том, что мигранты в основном активны в отстаивании своих прав и продвижении собственных интересов через создаваемые ими организации: в этом отношении стимулирующие меры властей ложатся на «плодородную почву»

⁷ К ним относятся такие сети, как, например, «Города за местную политику интеграции мигрантов» (Cities for Local Integration Policies for Migrants), «Еврогорода» (Eurocities), «Сеть региональных и местных властей Европы по иммиграции и беженцам» (the Network of European Regional and Local Authorities on Asylum and Immigration), «Совет европейских муниципалитетов» (Council of European Municipalities), «Интеркультурные города» (The Intercultural Cities) и «Европейская сеть городских знаний» (European Urban Knowledge Network).

и, судя по всему, в ближайшем будущем будут способствовать появлению новых общественных объединений, политических деятелей из числа мигрантов, а также более широкой репрезентуемости мигрантов в пространстве публичной политики как на местном, так и на более высоких административных уровнях. Вкупе с тем, что растущее внимание к проблеме регулирования миграции и интеграции на общеевропейском уровне формирует спрос на данную группу акторов, эти факторы позволят мигрантам нарастить свой лоббистский потенциал и оказывать более заметное влияние на политический процесс в странах ЕС.

Библиографический список

1. Меркель признала провал мультикультурной модели (17 октября 2010). Lenta.ru, Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2010/10/17/merkel/>
2. Прохоренко, И.Л., Стрженева, М.В. (2011). Власть и управление в Европейском союзе: организационные аспекты. *Мировая экономика и международные отношения*, 6, 3–14.
3. Штомпка, П. (2005). Социология. Анализ современного общества. Москва: Логос.
4. Annual report on asylum and migration policy in Belgium (2014). Retrieved from: http://www.emnbelgium.be/sites/default/files/publications/be_apr_2014_part_2_final.pdf
5. Anzahl der Asylanträge (insgesamt) in Deutschland von 1995 bis 2015. (2015). Retrieved from: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/76095/umfrage/asylantraege-insgesamt-in-deutschland-seit-1995/>
6. Avramopoulos, D. (2015). A European Response to Migration: Showing solidarity and sharing responsibility. Brussels. Retrieved from: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-15-5498_en.htm
7. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus 2011 (2012). Angaben des Statistischen Bundesamtes. Retrieved from: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/Migrationshintergrund2010220137004.pdf?__blob=publicationFile
8. Boussetta, H., Gsir, S. & Jacobs, D. (2007). Active civic participation of immigrants in Belgium. Country report prepared for the European research project POLITIS. Oldenburg. Carl von Ossietzky University. Oldenburg IBKM. Retrieved from: <http://www.uni-oldenburg.de/politis-europe/download/Belgium.pdf>
9. Caponio T. & Borkert M. (eds.). (2010). *The local dimension of migration policymaking*. Amsterdam University Press. Amsterdam.
10. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social committee and the Committee of the Regions. A Common Agenda for Integration — Framework for the Integration of Third-Country Nationals in the European Union. (2005). (COM.2005/0389 final). Retrieved from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52005DC0389>
11. Cooperation between civil society organizations and local and regional authorities in integrating immigrants. (2011). Opinion of the European Economic and Social Committee (2011SOC/411– CESE1174/201).

12. Council of European Municipalities and Regions. (2010). A New Treaty: a New Role for Regions and Local Authorities.. Retrieved from: <http://cor.europa.eu/en/documentation/brochures/Documents/84fa6e84-0373-42a2-a801-c8ea83a24a72.pdf>
13. Deutschlands Zukunft gestalten — Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Legislaturperiode. (2013). Retrieved from: <https://www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/koalitionsvertrag.pdf>
14. Doornik, J. & Jandl, M. (Eds.). (2008). *Modes of migration regulation and control in Europe*. Amsterdam University Press.
15. Eurostat. (2015). Migration and migrant population statistics. Retrieved from: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics
16. Focus on European cities. (2014). *Eurostat regional yearbook*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. doi: 10.2785/54659
17. Heckmann, F. & Schnapper, D. (Eds.). (2003). *The integration of immigrants in European societies: National differences and trends of convergence*. Lucius & Lucius DE.
18. Hofmann K. (2015). Flüchtlinge: Gewalt “unseres Landes nicht würdig”. Retrieved from: <http://www.heute.de/bundeskanzlerin-angela-merkel-im-zdf-sommerinterview-39729302.html>
19. Integration — wie geht das? (2012). Wiesbaden. Retrieved from: http://www.integrationskompass.de/global/show_document.asp?id=aaaaaaaaaacxau
20. Integration vor Ort. Der Nationale Integrationsplan — eine Zwischenbilanz. (2008). Berlin. Retrieved from: http://www.bbsr.bund.de/BBSR/DE/Veroeffentlichungen/BMVBS/Sonderveroeffentlichungen/2008/DL_IntegrationOrt.pdf;jsessionid=1A027C5B81B569EB9C9210D86549A465.live2053?__blob=publicationFile&v=2.
21. Koopmans, R. & Statham, P. (2000). *Challenging immigration and ethnic relations politics: Comparative European perspectives*. Oxford University Press.
22. Kymlicka, W. (1995). *Multicultural citizenship: A liberal theory of minority rights*. Oxford: Clarendon Press.
23. MIPEX: International Key Findings. (2015). Retrieved from: <http://www.mipex.eu/key-findings>
24. Nationaler Aktionsplan Integration. (4 Juni 2014). Retrieved from: <http://goo.gl/xZi769>
25. Penninx, R., Spencer, D. & Van Hear, N. (2008). *Migration and integration in Europe: the state of research*. Swindon, UK: Economic and Social Research Council.
26. Prohorenko, I.L., Strezhneva, M.V. (2011). Vlast' i upravlenie v Evropejskom sojuze: organizacionnye aspekty. [Power and control in the European Union: institutional aspects]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 6, 3–14.
27. Report on Inclusive & Sustainable Capital Cities. (October 2009). Retrieved from: <http://www.uceu.org/PDF/Nicosie/23Basic%20concept%20paper-FINAL-ENG.pdf>
28. Shtompka, P. (2005). *Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva*. Moscow: Logos.
29. Study on practices of integration of third-country nationals at local and regional level in the EU. (2013). doi: 10.2863/81472.
30. Übersicht der Förderprogramme im Themenbereich Integration und Partizipation. (2015). Retrieved from: <http://www.berlin.de/lb/intmig/themen/projektfoerderung/index.html#foerderprogramme>

Статья поступила в редакцию 27.02.2015.

INTEGRATION OF MIGRANTS AT LOCAL LEVEL IN THE EU (EXPLORING CASES FROM BELGIUM AND GERMANY)

Bardin A.L., Dovbysh E.G.

Bardin Andrey Leonidovich, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Science, 117997, Russia, Moscow, str. Profsojuznaja, 23. E-mail: andreybardin@gmail.com.

Dovbysh Evgeniy Gennadievich, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Science, 117997, Russia, Moscow, str. Profsojuznaja, 23. E-mail: edovbysh@gmail.com.

The migrant integration policy is one of the key components among the measures for managing inter-ethnic relations for modern States. The importance of a strategically correct policy in this area has increased significantly over the past years. With the high European standards of living are still desirable for third-countries migrants, the integration policy is on the EU countries' political agendas. The answers to this challenge are being actively looked for by all EU political levels: European, national, regional and local. The main burden lies precisely at the local level (communities, cities, towns, districts, counties, municipalities). This article examines the key trends in the regulatory practices of migrant integration at local level. There are two EU countries with a federal structure — Belgium and Germany — at the focus of authors' attention. The local institutes and the policy-making processes are being analyzed and evaluated. Local integration policies in these countries is strongly influenced by the national concept of migrant integration (assimilation or multiculturalism). The overall migration situation in the country and regional socio-economic development are also important. The city can be either an active player in the development and implementation of the policy or just an implementer of decisions made by the federal government and the regions. The Belgium and Germany examples suggest that cities' activity is of great importance for support social cohesion and conflict prevention.

Key words: city, migration, integration of migrants, identity, EU, Belgium, Germany.

References

1. Merkel' priznala proval mul'tikul'turnoj modeli [Merkel acknowledged the failure of the multicultural model] (October 17, 2010). Lenta.ru. Retrieved from: <http://lenta.ru/news/2010/10/17/merkel/>
2. Prohorenko I.L. & Strezhneva, M.V. (2011). Vlast' i upravlenie v Evropejskom sojuze: organizacionnye aspekty [Power and control in the European Union: institutional aspects]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], 6, 3–14.
3. Shtompka P. (2005). *Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva* [Sociology. Analysis of modern society] Moscow: Logos.
4. Annual report on asylum and migration policy in Belgium (2014). Retrieved from: http://www.emnbelgium.be/sites/default/files/publications/be_apr_2014_part_2_final.pdf
5. Anzahl der Asylanträge (insgesamt) in Deutschland von 1995 bis 2015. (2015). Retrieved from: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/76095/umfrage/asylantraege-insgesamt-in-deutschland-seit-1995/>
6. Avramopoulos, D. (2015). A European Response to Migration: Showing solidarity and sharing responsibility. Brussels. Retrieved from: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-15-5498_en.htm

7. Bevölkerung und Erwerbstätigkeit. Bevölkerung mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus 2011 (2012). Angaben des Statistischen Bundesamtes. Retrieved from: https://www.destatis.de/DE/Publikationen/Thematisch/Bevoelkerung/MigrationIntegration/Migrationshintergrund2010220137004.pdf?__blob=publicationFile
8. Bousetta, H., Gsir, S. & Jacobs, D. (2007). Active civic participation of immigrants in Belgium. Country report prepared for the European research project POLITIS. Oldenburg. Carl von Ossietzky University. Oldenburg IBKM. Retrieved from: <http://www.uni-oldenburg.de/politis-europe/download/Belgium.pdf>
9. Caponio T. & Borkert M. (eds.). (2010). *The local dimension of migration policymaking*. Amsterdam University Press. Amsterdam.
10. Communication from the Commission to the Council, the European Parliament, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Common Agenda for Integration — Framework for the Integration of Third-Country Nationals in the European Union. (2005). (COM.2005/0389 final). Retrieved from: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52005DC0389>
11. Cooperation between civil society organizations and local and regional authorities in integrating immigrants. (2011). Opinion of the European Economic and Social Committee (2011SOC/411– CESE1174/201).
12. Council of European Municipalities and Regions. (2010). A New Treaty: a New Role for Regions and Local Authorities.. Retrieved from: <http://cor.europa.eu/en/documentation/brochures/Documents/84fa6e84-0373-42a2-a801-c8ea83a24a72.pdf>
13. Deutschlands Zukunft gestalten — Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Legislaturperiode. (2013). Retrieved from: <https://www.cdu.de/sites/default/files/media/dokumente/koalitionsvertrag.pdf>
14. Doornik, J. & Jandl, M. (Eds.). (2008). *Modes of migration regulation and control in Europe*. Amsterdam University Press.
15. Eurostat. (2015). Migration and migrant population statistics. Retrieved from: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics
16. Focus on European cities. (2014). *Eurostat regional yearbook. Luxembourg: Publications Office of the European Union*. doi: 10.2785/54659
17. Heckmann, F. & Schnapper, D. (Eds.). (2003). *The integration of immigrants in European societies: National differences and trends of convergence*. Lucius & Lucius DE.
18. Hofmann K. (2015). Flüchtlinge: Gewalt “unseres Landes nicht würdig”. Retrieved from: <http://www.heute.de/bundeskanzlerin-angela-merkel-im-zdf-sommerinterview-39729302.html>
19. Integration — wie geht das? (2012). Wiesbaden. Retrieved from: http://www.integrationskompass.de/global/show_document.asp?id=aaaaaaaaaacxau
20. Integration vor Ort. Der Nationale Integrationsplan — eine Zwischenbilanz. (2008). Berlin. Retrieved from: http://www.bbsr.bund.de/BBSR/DE/Veroeffentlichungen/BMVBS/Sonderveroeffentlichungen/2008/DL_IntegrationOrt.pdf;jsessionid=1A027C5B81B569EB9C9210D86549A465.live2053?__blob=publicationFile&v=2
21. Koopmans, R. & Statham, P. (2000). *Challenging immigration and ethnic relations politics: Comparative European perspectives*. Oxford University Press.

22. Kymlicka, W. (1995). *Multicultural citizenship: A liberal theory of minority rights*. Oxford: Clarendon Press.
23. MIPEX: International Key Findings. (2015). Retrieved from: <http://www.mipex.eu/key-findings>
24. Nationaler Aktionsplan Integration. (4 Juni 2014). Retrieved from: <http://goo.gl/xZi769>
25. Penninx, R., Spencer, D. & Van Hear, N. (2008). *Migration and integration in Europe: the state of research*. Swindon, UK: Economic and Social Research Council.
26. Prohorenko, I.L., Strezhneva, M.V. (2011). Vlast' i upravlenie v Evropejskom sojuze: organizacionnye aspekty. [Power and control in the European Union: institutional aspects]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 6, 3–14.
27. Report on Inclusive & Sustainable Capital Cities. (October 2009). Retrieved from: <http://www.uceu.org/PDF/Nicosie/23Basic%20concept%20paper-FINAL-ENG.pdf>
28. Shtompka, P. (2005). *Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva*. Moscow: Logos.
29. Study on practices of integration of third-country nationals at local and regional level in the EU. (2013). doi: 10.2863/81472.
30. Übersicht der Förderprogramme im Themenbereich Integration und Partizipation. (2015). Retrieved from: <http://www.berlin.de/lb/intmig/themen/projektfoerderung/index.html#foerderprogramme>

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ НЕСТАБИЛЬНОЙ ЗАНЯТОСТИ

.....

Дёмина И. В., Дёмин А. Н.

Дёмина Ирина Владимировна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: demina1862@yandex.ru.

Дёмин Андрей Николаевич, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru.

Рецензия на книгу: **Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.**

Перед нами перевод на русский язык книги профессора Лондонского университета Гая Стэндинга, изданной в 2011 г. (*The Precariat: The New Dangerous Class*). Необычное звучание центрального понятия, вынесенного в заголовок, образовано от слияния двух слов: *precarious* (нестабильный, неустойчивый) и пролетариат. Неологизм отсылает к контексту классового структурирования общества, и Г. Стэндинг утверждает, что прекариат — это новый и количественно растущий социальный класс, ключевой характеристикой которого выступает экономически обусловленная нестабильность занятости в различных её проявлениях и следствиях. Автор называет прекариат опасным классом по крайней мере по двум причинам: его представители живут в условиях нарушенной социально-экономической и психологической безопасности; при определённых обстоятельствах он способен стать социальной базой радикальных политических движений, включая неонацизм.

Нестабильность работы, формирующиеся на этой основе социальные группы, образ жизни и повседневные жизненные практики — многообещающие области междисциплинарных социо-психологических исследований. Выделим в книге Г. Стэндинга несколько важных тем. Одни из них являются сквозными, обсуждаются на протяжении всех 7 глав, другим посвящены отдельные главы.

Пусковым механизмом активного формирования прекариата стали процессы глобализации, пришедшие на смену рецессии 1970-х — начала 1980-х гг. Они привели к формированию гибкого рынка труда и массовому распространению так называемых нестандартных форм занятости — временной, частичной,

множественной и т.д., потере для значительной части работников социальных гарантий и льгот. Прекариат пополняется молодёжью, выходящей на рынок труда, пенсионерами, которые легко соглашаются на депривилегированную занятость, мигрантами, людьми с криминальным прошлым и т.д.

Прекариат неоднороден, но главный критерий отнесённости к нему — *незащищённость, негарантированность позиций на рынке труда*. Это сопряжено счастливыми вынужденными перемещениями между работами и рабочими местами, реальной или ожидаемой нестабильностью дохода (в том числе из-за отсутствия пособий, страховок и т.п.), недостаточной самоидентификацией на основе трудовой деятельности и ощущением, что при такой работе и образе жизни вряд ли чего-то можно добиться. Перечисленные признаки экономически психологически дифференцируют прекариат от других более изученных социальных классов, упоминаемых в книге: элиты, salariата (стабильная полная занятость, дополненная различными благами), квалифицированных кадров, старого «рабочего класса», безработных, социально обездоленных.

Прекариат можно соотнести с «плохой работой» (Warr, 1987), экономически неадекватной занятостью (*underemployment*) — частичной, низкооплачиваемой, несоответствующей образованию и т.д. (Dooley, 2003). Близкое отношение к прекариату имеет феномен ненадёжности работы (*jobinsecurity*), т.е. восприятие и переживание угроз своей текущей работе (от её потери до вынужденного изменения должностной позиции, снижения зарплаты и т.д.) (Дёмин, Петрова, 2010; *Jobinsecurity...*, 1991; Sverke, Hellgren, 2002). Значение книги Г. Стэндинга заключается, во-первых, в попытке интегрировать уже известные феномены в более общий феномен; во-вторых, в предоставлении аргументов для его изучения как на индивидуально-групповом, так и на макропсихологическом и макросоциологическом уровнях. В этих усилиях Г. Стэндинг не одинок (см., например, Каллеберг, 2014; Kalleberg, 2011).

Составной частью образа жизни прекариата выступают стрессированность, неуверенность, психологическое отчуждение, потеря лояльности и доверия к работодателю, приспособленчество и цинизм, проблемы с организацией целенаправленной активности. Наблюдения автора перекликаются с выводами Р. Сеннета (2004), утверждавшего, что современному работнику приходится постоянно упражняться в депрессии. Примеры негативных следствий нестабильной и незащищённой занятости, в том числе экстремальных следствий (самоубийства на предприятиях во Франции, Китае, Японии, США), приводимые в книге, свидетельствуют о том, что вопрос о пределах адаптационных возможностей человека на современном рынке труда вполне актуален.

Большое внимание в книге уделено молодёжи: «самый привычный образ прекариата — это молодые люди, окончившие школу и колледж только для того, чтобы в результате пребывать в неопределённости» (Стэндинг, 2014). Социальный механизм поддержания неопределённости — товаризация (ком-

мерциализация) образования. Система образования, функционируя как бизнес-модель, производит коммерческие продукты — сертификаты и выпускников, но рынок труда не требует такого количества дипломированных специалистов, особенно в условиях широкого распространения современных технологий, вытесняющих человека из сферы трудовой занятости.

Следствиями товаризации образования являются расцвет его стандартизации, движение в сторону обучения без преподавателя (дистанционное образование), размывание профессиональной этики образования, иррационализация (преподают любые курсы, имеющие спрос), статусная фрустрация выпускников. Безусловно, это критический взгляд на текущие процессы в сфере образования, но он имеет под собой эмпирические основания, в том числе в России.

Отдельного внимания заслуживает феномен статусной фрустрации, который связан с затруднениями в поиске рабочих мест, соответствующих формальной квалификации. Данный феномен становится массовым и, по-видимому, социально неуправляемым, поскольку уже запущена парадоксальная спираль повышения квалификационных требований для получения рабочих мест (в частности, мы видим, что медсёстры, продавцы и т.д. должны — в силу явных и неявных ожиданий — иметь высшее образование). Феномен статусной фрустрации включает в себя противоречие между ожиданием работы, адекватной полученному образованию (притязания), и необходимостью зарабатывать (требование текущей ситуации). Зачастую противоречие разрешается в пользу зарабатывания через трудоустройство на временную работу, что поддерживает прекариатизацию молодёжи.

В главе «Труд, работа и нехватка времени» Г. Стэндинг пишет о необходимости разработать концепцию времени, подходящую третичному (постиндустриальному) обществу, а не индустриальному или аграрному. Автор исходит из того, что если в индустриальном обществе время делилось на отрезки, соответствующие пребыванию на рабочем месте и дома, то сейчас ситуация меняется: на первый план начинает выходить *неделимость использования времени*. Например, офис становится продолжением дома и наоборот; дистанционный труд, использующий новейшие информационные технологии, уже не вызывает удивления. Другой пример — интенсификация труда за счёт множественной занятости (совместительства), реализуемой в свободное время. В данной главе автор делает чрезвычайно полезное наблюдение. Появились «*работы ради работы*», которые не совпадают с трудом, понимаемым как оплаченная (рыночная) работа с конкретным результатом: поиск вакансий на рынке труда, составление и обновление резюме, налаживание и поддержание деловых связей, чтение отчётов компании дома, дополнительное обучение и самообразование, навязанное менторство (наставничество), «наведение внешнего глянца» и др.

К «работам ради работы» Г. Стэндинг добавляет «*работы ради воспроизводства*». По его мнению, «это некий неопределённый набор действий, который

людям следует предпринять... для того, чтобы и дальше поддерживать достойный образ жизни» (Стэндинг, 2014). Сюда, в частности, относятся распределение финансов и ведение домашней бухгалтерии, самообслуживание (например, электронная запись к врачу, оплата счетов на соответствующем веб-сайте и т.п.), обращение за правовыми, психологическими и другими консультациями.

«Работы ради работы», «работы ради воспроизводства» в совокупности занимают у человека всё больше времени и сил, не всегда приносят адекватную экономическую отдачу, становятся источником стрессов. Будучи следствием неопределённости и нестабильности, они их и поддерживают. С одной стороны, данные виды деятельности осуществляются в свободное время, поглощая тем самым досуг, с другой стороны, некоторые из них уже рассматриваются как составные части карьеры (Briscoe, Hall, 2006), с третьей — они не только занимают много времени, но и нередко требуют личных финансовых инвестиций. Человек в итоге работает ещё больше и может попасть в ловушку трудоголизма и самоэксплуатации. При этом загруженность работой, подчинённость ей не ведут к профессиональному развитию. Г. Стэндинг, кстати, неоднократно на страницах своей книги поднимает проблемы *депрофессионализации труда*, разрушения профессиональной этики и профессиональных сообществ, которые тесно связаны с прекариатом, его образом жизни. Есть ощущение, что отечественные психологи недооценивают эту новую и крепнущую тенденцию на рынке труда. Переход некогда благополучных профессионалов в зону прекариата — реальность. За примерами не нужно далеко ходить: многие преподаватели высшей школы и сотрудники научных институтов в поисках экономической стабильности поглощены множественной и/или временной занятостью, включены в битву за рейтинги, обновление портфолио, заполнение экспертных, методических формы другие виды «работ ради работы», изматывающих и не оставляющих времени для сосредоточенности и творчества.

Картина, представленная Г. Стэндингом, может рассматриваться в качестве иллюстрации того, что называют когнитивным капитализмом (биокапитализмом), при котором отношение капитал — труд преобразуется в отношение капитал — жизнь, стираются границы между производством товаров и воспроизводством биологической и социальной жизни (Корсани, 2007). Вероятно, для исследователей профессионального здоровья и психологического благополучия такая аналогия поможет оценить перспективы *массовизации феномена психического выгорания*.

Важным является следующее умозаключение Г. Стэндинга: подчинённость работе и многозадачность (в силу множественности оплачиваемых работ, «работ ради работы», «работ ради воспроизводства»), отсутствие контроля над временем толкают людей к пассивным формам досуга, в частности, к различным интерактивным играм, поддерживают синдром дефицита внимания, фрагментарность мышления, интернет-зависимость.

Здесь следует упомянуть одну из идей, на которую опирается и к которой неоднократно обращается Г. Стэндинг. Стиль и образ жизни современного работника формируются в результате конвергенции социальных (формы занятости) и технологических тенденций. Нестабильность занятости и современные информационные технологии оказываются в отношениях взаимосоответствия, усиливают друг друга. Использование мобильного телефона, погружённость в Интернет, с одной стороны, ускоряют оборот информации и поддерживают многозадачность, но с другой — ускоряют переключение внимания, разрывают коммуникации, размывают границы между работой и досугом, что ведёт к когнитивному утомлению и дисфункциям, формирует у людей ощущение хронической нехватки времени. Поистине, современное общество — это общество ускорения в каждом моменте, логическое завершение системы, на протяжении нескольких веков отдававшей предпочтение интенсификации сообщений (Armitage, 1999).

В книге довольно много места (особенно в двух последних главах) уделено обсуждению проблем социальной политики на рынке труда, которая может и усиливать/воспроизводить, и смягчать прекариатизацию. Специалисты, привлекаемые к выработке социально-экономических решений, могут найти здесь немало важной и интересной информации, повышающей их междисциплинарную компетентность.

М. Яхода (Jahoda, 1988), крупнейший исследователь безработицы — символа индустриальной эпохи, подводя итог своим более чем полувековым наблюдениям, задавалась вопросом: что позволяет людям выходить из неё невредимыми? Аналогичный вопрос мы можем задать и по поводу нестабильной занятости — символа постиндустриальной эпохи. Действительно, возможен ли позитивный взгляд на это новое социальное явление? Г. Стэндинг склоняется к отрицательному ответу на данный вопрос, хотя очевидно, что есть социально-профессиональные группы, способные извлекать пользу из нестабильности — их труд организован по проектному принципу (например, специалисты по информационным технологиям), навыки не распыляются, а накапливаются и укрепляются (Каллеберг, 2014).

Книга написана в стиле живого, заинтересованного и насыщенного примерами обсуждения, вероятно, это связано с лекторским опытом автора. Посвящённая нестабильности жизни, занятости и рабочего места, предлагающая способы их анализа (через процедуры контроля времени, дифференциацию и соотнесение видов деятельности/активности, порождаемых нестабильностью, установление содержательного соответствия между экономическими, социологическими, психологическими понятиями), она будет полезна учёным, изучающим различные аспекты социальных изменений.

Библиографический список

1. Дёмин, А.Н., Петрова, И.А. (2010). Психологические эффекты угрозы потери работы. *Психологический журнал*, 31(6), 38–49.
2. Каллеберг, А. (2014). В условиях роста незащищённости на рынке труда и неравенства между хорошими и плохими работами: интервью с Арне Каллебергом. *Экономическая социология*, 15 (4): 11–17. Режим доступа <http://ecsoc.hse.ru/2014-15-4.html>
3. Корсани, А. (2007). Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм. Информация к размышлению об отношениях между капиталом, знанием и жизнью в когнитивном капитализме. *Логос*, 4, 123–143.
4. Сеннет, Р. (2004). *Коррозия характера*. Новосибирск: ФСПИ «Тренды».
5. Стэндинг, Г. (2014). *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс.
6. Armitage, J. (1999). From modernism to hypermodernism and beyond: An interview with Paul Virilio. *Theory, Culture & Society*, 16 (5–6), 25–55.
7. Briscoe, J. P. & Hall, D. T. (2006). The interplay of boundaryless and protean careers: Combinations and implications. *Journal of Vocational Behavior*, 69, 4–18.
8. Dooley, D. (2003). Unemployment, Underemployment, and Mental Health: Conceptualizing Employment Status as a Continuum. *American Journal of Community Psychology*, 32 (1/2), 9–20.
9. Hartley, J., Jacobson, D., Klandermans, B. & van Vuuren T. (Eds.) (1991). *Job insecurity, coping with jobs at risk*. London: Sage.
10. Jahoda, M. (1988). Economic recession and mental health: some conceptual issues. *Journal of Social Issues*, 44 (4), 13–23.
11. Kalleberg, A.L. (2011). *Good jobs, bad jobs: The rise of polarized and precarious employment systems in the United States, 1970s-2000s*. New York: Russell Sage Foundation.
12. Sverke, M. & Hellgren, J. (2002). The nature of job insecurity: Understanding employment uncertainty on the brink of a new Millennium. *Applied Psychology: An International Review*, 51, 23–43.
13. Warr, P. (1987). *Work, unemployment, and mental health*. Oxford: Oxford university press.

Статья поступила в редакцию 20.12.2014.

.....

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF PRECARIOUS EMPLOYMENT

Diomina I. V., Diomin A. N.

Diomina Irina Vladimirovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: demina1862@yandex.ru.

Diomin Andrej Nikolaevich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: demin@manag.kubsu.ru.

Review of the book: Standing, G. (2014). *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press, 328 p.

References

1. Diomin, A. N. & Petrova, I. A. (2010). Psihologicheskie jeffekty ugrozy poteri raboty [Psychological Effects of Job Loss Threat]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 31 (6), 38–49.
2. Kalleberg, A. (2014). V usloviyah rosta nezashhishhjonnosti na rynke truda i neravenstva mezhdru horoshimi i plohimu rabotami: interv'ju s Arne Kallebergom [Growing Job Insecurity and Inequality between Good Jobs and Bad Jobs: An Interview with Arne Kalleberg]. *Jekonomicheskaja sociologija* [Economic Sociology], 15 (4): 11–17. URL: <http://ecsoc.hse.ru/2014-15-4.html>
3. Corsani, A. (2007). Kapitalizm, biotehnonauka i neoliberalizm. Informacija k razmyshleniju ob otnoshenijah mezhdru kapitalom, znanijem i zhizn'ju v kognitivnom kapitalizme [Capitalism, Biotechnoscience and Neoliberalism. Food for Thought about Relations between Capital, Knowledge and Life in Cognitive Capitalism]. *Logos*, 4, 123–143.
4. Sennett, R. (2004). *Korrozija haraktera* [The Corrosion of Character]. Novosibirsk: FSPI "Trendy" [The Fund for Social Predictive Research "Trends"].
5. Standing, G. (2014). *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press.
6. Armitage, J. (1999). From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An interview with Paul Virilio. *Theory, Culture & Society*, 16 (5–6), 25–55.
7. Briscoe, J. P. & Hall, D. T. (2006). The Interplay of Boundaryless and Protean Careers: Combinations and Implications. *Journal of Vocational Behavior*, 69, 4–18.
8. Dooley, D. (2003). Unemployment, Underemployment, and Mental Health: Conceptualizing Employment Status as a Continuum. *American Journal of Community Psychology*, 32 (1/2), 9–20.
9. Hartley, J., Jacobson, D., Klandermans, B. & van Vuuren T. (Eds.) (1991). *Job Insecurity, Coping with Jobs at Risk*. London: Sage.
10. Jahoda, M. (1988). Economic Recession and Mental Health: Some Conceptual Issues. *Journal of Social Issues*, 44 (4), 13–23.
11. Kalleberg, A. L. (2011). *Good Jobs, Bad Jobs: The Rise of Polarized and Precarious Employment Systems in the United States, 1970s-2000s*. New York: Russell Sage Foundation.
12. Sverke, M. & Hellgren, J. (2002). The Nature of Job Insecurity: Understanding Employment Uncertainty on The Brink of A New Millennium. *Applied Psychology: An International Review*, 51, 23–43.
13. Warr, P. (1987). *Work, Unemployment, and Mental Health*. Oxford: Oxford University Press.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Бардин Андрей Леонидович, младший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики, и международных отношений РАН, Россия, Москва.

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Бичарова Мария Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и технического перевода Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия.

Блинова Елена Александровна, кандидат политических наук, ассистент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Блохин Виктор Николаевич, старший преподаватель кафедры истории и педагогики Белорусской государственной сельскохозяйственной академии, Горки, Могилевская область, Беларусь.

Гильмидинова Татьяна Викторовна, специалист по общему и дополнительному образованию МКУ «Центр обеспечения деятельности учреждений образования и культуры» МО Заокского района Тульской области, пос. Заокский, Россия.

Дёмин Андрей Николаевич, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Дёмина Ирина Владимировна, кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Довбыш Евгений Геннадьевич, младший научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований Института мировой экономики, и международных отношений РАН, Россия, Москва.

Каракешишян Мелине, лектор кафедры психологии и социологии факультета педагогики Ванадзорского государственного университета, Ванадзор, Армения.

Романова Анна Петровна, доктор философских наук, профессор, директор Гуманитарного института Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия.

Харитоновна Елена Марковна, младший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, Москва, Россия.

Шахова Елизавета Михайловна, аспирант кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

OUR AUTHORS

.....

Bardin Andrey Leonidovich, junior researcher, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Bederkhanova Vera Petrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Social Work, Psychology and Pedagogics, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Bicharova Maria Mihajlovna, Candidate of Philological Sciences, assistant professor of English language and technical translation, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

Blinova Elena Alexandrovna, Candidate of Political Science, assistant of the department of political management, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Blokhin Viktor Nikolaevich, senior lecturer in Department of History and Pedagogy of the Belarusian State Academy of Agriculture, Gorki, Mogilev, Belarus.

Djomin Andrej Nikolaevich, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Chair of Social Psychology and Management Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Djomina Irina Vladimirovna, Candidate of Philosophical Sciences, teacher of the Chair of Philosophy, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Dovbysh Evgeniy Gennadievich, junior researcher, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Gharakeshishyan Meline, Lecturer in the Department of Psychology and Sociology in the Faculty of Pedagogy Vanadzor State University, Vanadzor, Armenia.

Gilmidinova Tatiana Viktorovna, specialist of general and supplementary education, municipal state institution "Center for Supporting the Activity of the Educational and Cultural Institutions" (municipal unit of Zaoksky District in the Tula Region), Zaoksky village, Russia.

Kharitonova Elena Markovna, junior researcher, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Romanova Anna Petrovna, Doctor of Philosophical Sciences, professor, director of the Humanities Institute of Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

Shahova Elizaveta Mihajlovna, postgraduate student of Personality Psychology and General Psychology Department, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).
Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «рр.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабдош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobyitij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rossyiskiyi gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877)*. Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Hesel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.